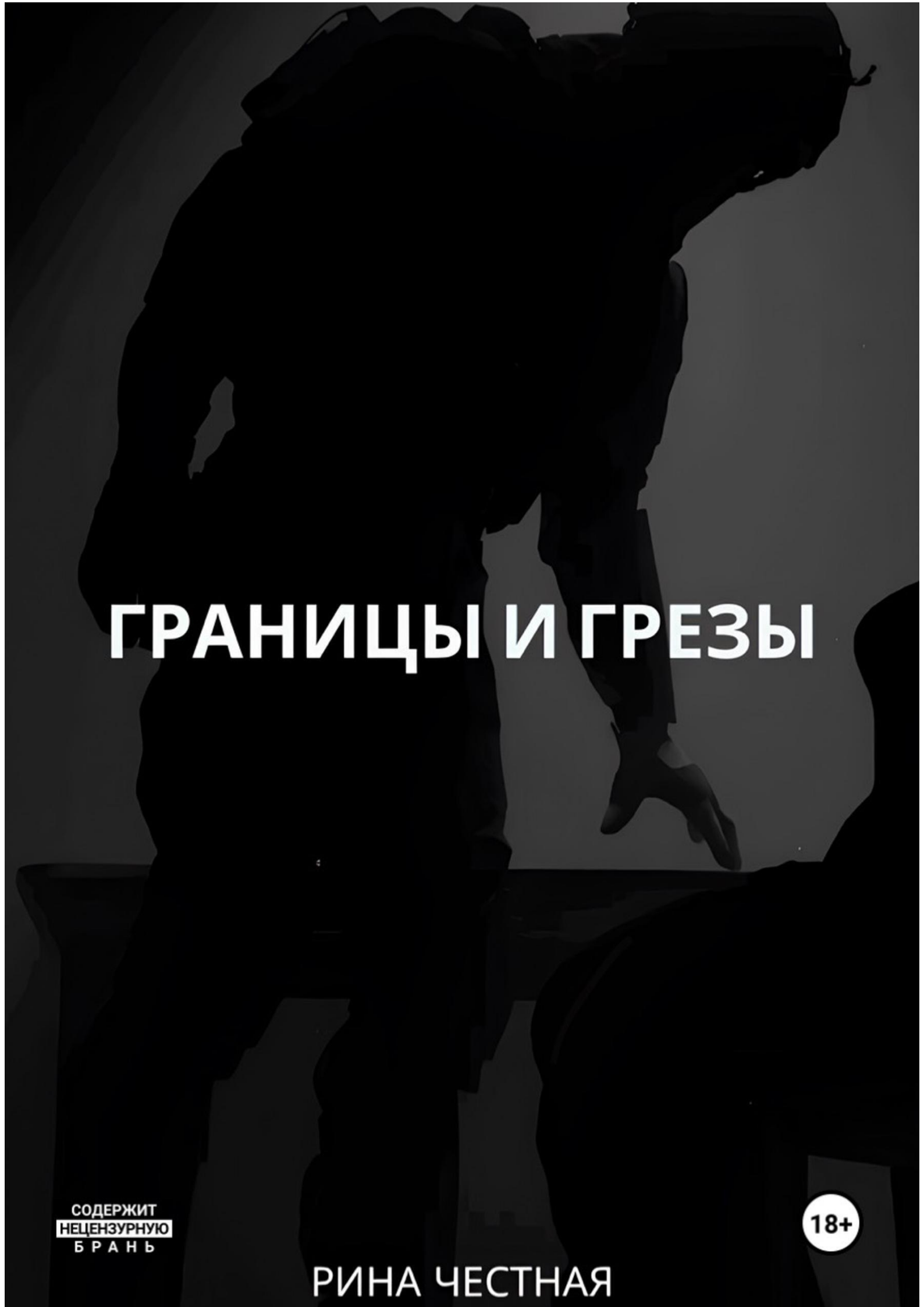

ГРАНИЦЫ И ГРЕЗЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РИНА ЧЕСТНАЯ

Рина Честная

Границы и грезы

«Автор»

2026

Честная Р.

Границы и грезы / Р. Честная — «Автор», 2026

Капитан Рейдж стал для меня загадкой с первых минут пребывания на военной базе. Рассыпанный пазл из пяти тысяч частей. Разгадать его - вот, что стало моей целью. Бороться за маленькие крупички информации, собирать детали, пытаться найти ответы. Я узнала правду. Но меня не предупредили, что правда бывает убийственной. Его вечные границы, мои грезы о том, чтобы преодолеть все барьеры. Почему я сражалась за это? Мной руководила любовь. Почему он доверился мне? Я до сих пор не знаю - Рейдж пустил меня в самые мрачные двери своего сознания, но светлые запирал на еще более крепкие засовы.

© Честная Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	50
Глава 7	58
Глава 8	67
Глава 9	75
Глава 10	85
Глава 11	97
Глава 12	109
Глава 13	119
Глава 14	128
Глава 15	137
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Рина Честная

Границы и грезы

Посвящается всем, кто болел первой любовью.

Глава 1

Сегодня все идет против меня.

Я убираю со лба то ли пот, то ли капли дождя, поправляю лямки рюкзака, которые натерли плечи, и тараторю мужчине в форме:

— Здравствуйте! Мое имя Ривер Акоста! Вас должны были оповестить о моем прибытии.

Он берется за журнал, параллельно кликая что-то в компьютере: конечно, удобно не торопиться, когда сидишь в пост-будке. Я бы задушила его от злости, но все, что могу: нервно смотреть на наручные часы, пыхтя себе под нос. До сих пор не в состоянии отдышаться. Меня высадили в тридцати километрах от базы, так как автобус увяз в грязи. Выдали координаты и отправили шуровать самостоятельно: а время-то поджимало! Я бежала под ливнем сломя голову, чтобы не опоздать. Что по итогу? Опоздала, естественно.

Опоздала туда, куда опаздывать запрещено.

Полковник О'Коннор добрый человек — и это единственное, на что полагаюсь. Самый важный день в моей жизни, ответственнее некуда — и он пошел наперекосья. Не удивлюсь, если меня выкинут отсюда, не успев я отдать воинское приветствие.

— Фамилию еще раз, — произносит мужчина, держа палец на бумаге в клетку.

— Акоста! — выпаливаю тем тоном, который торопит.

Неужели неслышно? Дождь уже стихает. Вода не бьется об асфальт — несчастье, что он тут есть. Это как издевательство: грунтовая дорога закончилась спустя два километра от застрявшего автобуса. Полковник ждет на пятнадцать минут дольше, что настоящий позор. Конец моей личности.

Я мельком задираю затылок: серое небо, подстать цвету глаз. А передо мной высокий каменный забор с колючей проволокой, будто мы в тюрьме. Обзорные вышки со снайперами: их не видно, но они там есть. И деревья: несчетное множество лип и дубов, растянутых на сотни километров в округе. Полная изоляция от мира — так и должно быть с учетом, что здесь работают наемники, все операции секретны.

Стать частью этого — шанс на миллион. Страшно упустить возможность из-за дурацкого стечения обстоятельств. Родители жестоко осудят. Мама трепетала по телефону, чего не происходило ни разу за все мои двадцать один год жизни.

"— Ривер, ты понимаешь, как тебе повезло? Счастье-то какое!"

— Дело не в везении, мам... — скомкано отвечала я, спрятавшись в туалете, — Я ведь старалась, я лучшая по всем показателям...

— Ты не зазнавайся, — женщина вернулась к привычной вычурной манере, что разбило вдребезги, потому что я впервые получила тепло, и кончилось это тепло одной фразой, — Лучшая она. Могла стараться больше, знаешь, что часто халтуришь. Тебе Бог помог, да и только. Помолись вечером, не забудь".

Как связаны война и Господь? Я не пойму. Главное, что ей понятно, хоть и объяснений не дает.

Ворота КПП, наконец, открываются, после короткой инструкции:

— Проходите. Направо до конца. Потом налево: к зданию администрации.

Мои короткие ноги несутся снова, хлюпая старенькими берцами по земле. Я предстану в ненадлежащем виде, как раздолбайка: добивает то, что другие солдаты смотрятся идеально. Они оборачиваются, отрываются от разговоров, как только я пробегаю мимо, и, похоже, недоумевают. Винить их нельзя: первая девушка на базе, за исключением медиков и работниц столовой. Я тут явно музейный экспонат: правда, на выставке артхауса, ведь растрепанные волосы и стекающая влага — так себе искусство.

Даже не пялюсь по-сторонам. Следую четко к цели, выжимая из легких оставшийся кислород. Бег — то, в чем я конкретно слаба. Выносливее одноклассников, но в целом похвалить не за что. Территория значительная, поэтому путь занимает еще около семи минут. И так, я вижу нужного человека. Он стоит у двухэтажного здания, общаясь с кем-то высоким, но не вдаюсь в подробности. Торможу, скрипя носом ботинок, и приставляю руку к голове с четким:

— Полковник О'Коннор, Ривер Акоста прибыла на базу! Простите за опоздание, автобус сломался...

— Здесь не пользуются таким приветствием, — поправляет статный мужчина, оглядывая меня от макушки до пят, — Двадцать две минуты, Ривер Акоста. Такого быть не должно.

Я опускаю ладонь и лишь немного расслабляюсь: О'Коннор не осуждает, хотя слова говорят об ином. Тем не менее мое сердце колотится, как бешеное: впервые разговариваю с кем-то настолько важным. Репетировала ответы последние две недели — и ни один из них не подходит под такую речь. Потому, не смея сдвинуться, вытянув руки по торсу, обещаю самое разумное:

— Не повторится!

Кажется, его забавит моя суетливость. Быть безалаберной перед кем-то — хуже, чем быть безответственной. Ответственность можно наработать, а глупость коренную ничем не исправить. Полковник кивает со слабой улыбкой и добавляет на выдохе:

— Капитан Рейдж. Ты в его распоряжении. Он покажет тебе что надо.

Я хочу поблагодарить, однако военный разворачивается спиной, скрывая немолодое лицо, и следует к лестнице администрации. И, как настоящая дурачка, забыв или перенервничав, я быстро направляю взгляд к другому мужчине, вновь задираю руку, отстукивая:

— Капитан Рейдж, Ривер Акоста...

Он перебивает: низменный, богатый голос с хрипотцой.

— Тебе сказали: здесь этого делать не нужно.

Я растерянно смотрю на собеседника, задрав голову чуть ли не до серых облаков: у него рост под два метра, немного ниже, а мой — добрые сто шестьдесят сантиметров. Объемная балаклава, баллистические очки и современная штурмовая винтовка на базе AR15, перевешанная через крепкий, спортивный торс. Я его не вижу: глаз тоже, ведь очки черные, как и все остальное. А он видит детально: стоит недвижимо, и все же чувствую, как глядит прямо в душу. Мурашки — неприятные и приятные, все вместе.

Я определенно в лихорадке от непогоды.

— Простите... — позорно мямлю.

В этот момент я улавливаю: его бы не устроило ни одно оправдание, потому что он их ненавидит.

— Идешь за мной. Молча, — холодно произносит и задает движение к тому пути, которым я бежала, — Впредь не смей опаздывать и говорить, когда тебя ни о чем не спрашивают.

Не очень-то притягательные правила, когда полученный с рождением рот неуклюж. Вечно тараторю: мой минус. Но я также имею привычку слушаться тех, кого слушаться положено. Поэтому записываю в мысленный блокнотик: заткнуться.

Его спина широкая, в отличие от талии. Я привыкла к незрелым юношам в кадетке: у них прыщи еще не сошли. А тут... тут вот такое.

Хотя, возможно, ему тоже полтинник — как О'Коннору. Просто в хорошей форме. Если он не покажет своего лица, то я никогда не узнаю. По глазам тоже понять нереально. У одного

из преподавателей в университете глаза были что ни на есть молодыми, а возраст — пятьдесят три года.

Меня не должно это волновать. Нельзя совать свой нос туда, где его отрубят — тебе же хуже.

Я пропихиваю нервный комок в горле, будто во мне живет какая-то кошка, обожающая жрать собственную шерсть. У Рейджа быстрые шаги, отчего снова чуть ли не бегу, так как поначалу затупила. Покой постепенно пускает негу по телу: его не было с момента, как я узнала, что меня выбрали сюда в качестве солдата. Бессонные ночи, уйма литературы — никто не заставлял читать, однако я пыталась добрать упущенные знания, чтобы не быть идиоткой в таком высокопоставленном месте. Ужасно не различать платформы оружия или названия. Потому-то я и знаю, какой именно у капитана автомат. Если сократить замысловатые объяснения в учебниках, то все сводится к простому: существует две платформы — АК и AR. Они, как шестеренки часов — служат основанием, механизмом. А вокруг этого основания появляются разные модели — обрамление условного "фундамента". Например, компания "Sig Sauer" хочет выпустить свое оружие и использует платформу AR. Добавляют свои навороты. Называют полученный результат M16 — модель со стволом диаметра 16 миллиметров. Так и получается: M16 на платформе AR15. Почему 15? Элементарно: номер модели.

Простите, мне лишь нужно было поделиться тем объемом информации, что я вычитала и вызубрила.

В кобуре Рейджа, на черных тактических штанах, вставлен Глок 19. И мне то же самое выдадут?

Лишь бы не выдали.

Ко всему военному я отношусь нейтрально, как и к оружию. С одной весомой поправкой: если тебе выдают оружие на учениях. Если мне выдадут его прямо здесь, то это означает только одно: придется стрелять в людей. Мне не доводилось заниматься подобным, а тут, несложно догадаться, я обязана свершать правосудие на регулярной основе. Еще и под руководством загадочного мужчины в балаклаве. Уверена, если не выполню его приказ на все сто процентов, он мне сам череп прострелит и сделает своей закуской. Как вообще такого великана прокормить? Что он ест или на чем сидит?

— Тут наши программисты, — строго поясняет, указывая на двухэтажный серый блок, который мы минуем: стоит неподалеку от администрации.

Я спешно осматриваюсь, запоминая налету: уж с памятью проблем не имею. Все здания двухэтажные, за исключением общежития, виднеющегося по прямой — там три этажа. А еще есть домики, которые мы минуем, свернув направо. Жилые, скорее всего одноместные из-за небольших размеров. Про них капитан не рассказывает. Значит... там он сам живет, а эта информация излишняя? Он и два других капитана, у каждого свой дом: не в общежитии же они спят, куда меня и отправят.

Рейдж продолжает экскурсию:

— Здесь оперативный центр, — такая же серая современная постройка, только побольше.

Он направляется вбок, к дверям здания, и я послушно подстраиваюсь, все еще находясь за его спиной. Свежий, прохладный воздух сменяется теплотой холла. Все бело-серое и пустое: странно ожидать какого-то интерьера. Я грею ладошки, потирая их друг об друга, и замечаю, что капитан носит специальные перчатки черного цвета. Это навевает какую-то тревожную мысль. Явно холода не боится, да и погода не настолько жестокая: полковник, допустим, стоял в обычном кителе с погонами. Для чего ему себя полностью закрывать?

Да отвали ты с этими вопросами пустыми, Ривер. Собой займись. Что с тобой творится?

— Получишь снаряжение полное, экипировку, аптечку личную, — ровно говорит, спускаясь по каменной лестнице на минус первый этаж.

— Черную форму, как у Вас? — вылетает из ненавистного рта, так как восторг растекся по конечностям, ослепив разум.

Я дура.

Я ненормальная.

Рейдж останавливается на ступени: тишина разбавляется лишь глухим треском красной лампы на потолке. Расширяю глаза, превращаюсь в мертвеца, а мужчина медленно поворачивается: я на ступень выше, но рост наш даже приблизительно не сопоставляется. Гнет тяжелых плеч и убийственное молчание трех секунд фактически сводят в могилу. Я бы извинилась, но лучше исправиться и заткнуться, как было велено. Обещаю: я более собранная в повседневности. Но сегодня слишком перенапряженный день, который отключил мозг.

— Сколько времени ты на базе, Ривер? — негромкий голос, но от него на стенку лезть хочется.

По интонации без эмоций кажется, что он прижмет меня за горло к железным перилам и свернет шею. Я убеждаюсь, что от меня ждут ответа, и разжимаю подрагивающие губы, не соображая, к чему он клонит — и от неведения не менее страшно. Я не трусиха. Вернее: я была уверена, что не трусиха. Но он тот, кого нереально не бояться, и со мной подобное впервые. Безумного много "впервые" за сутки.

— Пятнадцать минут, капитан.

О, ну да, еще слезу пророни. Звучу омерзительно натянуто. К счастью, плакать — не моя привычка. Последний раз рыдала год и семь месяцев назад.

— Верно, — хрипит и встает на ступень двумя ногами, а следом ухватывает меня за подбородок ловким, крепким жестом, отчего я теряю дыхание, — У тебя было всего два приказа. Элементарных, — теперь выдавливает, внося нотки агрессии, а я колочусь внутри, — Не опаздывать и закрыть свой гребаный рот. Сколько из них ты выполнила, Ривер?

У меня останутся синяки.

Я ношусь глазами по темным баллистическим очкам, физически не в силах потупиться в пол. Поджилки не в порядке. Ступни онемели. Красный свет вносит свою лепту. Моя кровь будет отлично сочетаться с атмосферой.

Я в аду.

— Ноль, капитан, — признаю с поражением, пытаюсь хоть как-то держать голос.

Он кивает предельно доходчиво. Вдруг наклоняется и заверяет почти шепотом, лицом к лицу:

— Не выполнишь еще один — я тебя отстраню. Мотни своей чертовой головой, если уяснила.

Он убирает руку, и я испускаю грузный выдох, моментально выполняя требуемое. Вся моя военная выдержка кончилась на этом мужчине. Набираю кислород носом, пока позволяют, и в пазухи просачивается мята: так Рейдж пахнет.

Когда-нибудь это станет последним ароматом, который я учую перед смертью.

— Хорошо, — словно поощряет, пусть и с присущим холодом.

Я хлопаю ресницами и незамедлительно шагаю за ним, обходя пролет лестницы. Такому в кадетке не учили. Нам не говорили: *"Если вас прижучит капитан, делайте следующее..."*. Я прикидываю: что должна испытывать? Чувствую исключительно стыд. Я разочаровала Рейджа. Доверие — крайне важная штука в команде. На какие задания он возьмет меня, если не доверяет? Не будет миссий. И меня отправят "домой".

Нет, я себе не прощу. Не подведу снова. Из кожи вон вылезу, но справлюсь, адаптируюсь. Моя стабильность: болезненная реакция на плохую успеваемость. Это не про синдром отличницы. Это про то, что я хочу быть достойной хоть в чем-то.

Иначе каково будущее? Служить в обычной армии, где нет никаких вылазок? Проторчать там, раскапывая и закапывая одну и ту же яму?

Я знаю, что меня недолго продержат на этой базе. Взяли для какой-то ультразвуковой операции: она через три месяца. Потом, возможно, подвернется еще одна. И все же не пробуду и года: я им не нужна на постоянной основе. Зачем тогда происходящее? Затем, что с таким опытом я могу претендовать на заявку в другое элитное место, по рекомендательному письму, — там, куда девушек берут без проблем.

Рейдж достает из кармана связку ключей, когда подходим к двери: с виду чуть ли не пуленепробиваемая. Открывает и тянет за черную ручку. Освещение автоматическое: датчики срабатывают с нашим появлением. Снова красный — нелюбимый из всей палитры. Я тепло-желтый люблю. Оранжевый. Как солнце. Или голубой, как море. Презираю слякоть и пасмурность: в моем родном городе вечно слепят горячие лучи. В местности базы снег идет крайне редко в любое время года — будь то зима, как сейчас. Однако дожди и ветер стабильны. Я с этим нескоро свыкнусь.

— Подходишь к каждому стеллажу поочередно. Ищешь свой размер, — командует, даже не смотря на меня, — Поторапливайся, Ривер.

Ему так нравится мое имя? Тут и там использует — и то, как это звучит... я не знаю, серьезно. Немного смущает.

Провожу по вымокшим темно-русые волосы, которые спутались в хвосте, и стремлюсь не затягивать. Помещение средних размеров, так что носиться не приходится. На первом сером стеллаже с вешалками меня встречает форма. Грустная АЦУ — светло-зеленый камуфляж. Самый маленький размер — S. Полагаю, на мне слегка свободен будет, но так, с какой-то стороны, лучше. Аккуратно держу, не прижимая к себе: промокнет. На следующих полках беру аптечку. На других — тактический рюкзак...

— Раздевайся.

Что?

Я поворачиваюсь к Рейджу, который стоит у черных шкафчиков, выглядя шаткой, сбитой с толку. Он вымолвил непоколебимо, будто приказ не требует обсуждений. Шутит ли он? Нет, тут нет места юмору. Для чего снимать одежду? Неужели...

— Ривер, прояви себя умной хоть раз, — выдыхает устало, протирая закрытый балаклавой лоб, — У тебя с берцев течет. Обход территории продлится еще минут двадцать: ты заболееешь. Сляжешь с температурой и не явишься на тренировку — я тебя тоже отстраню. Работать приехала, а не греться под одеялом.

Господи, какое облегчение. Меня не трахнет капитан — я поистине благодарна. Однако вновь заминаюсь, нервничая. Перед ним бельем светить? Очень спорно, я выполню, естественно, приказ есть приказ, и все же...

Рейдж снова издает утомленный вздох, покачивая головой. Он безмолвно поворачивается ко мне спиной, смотря в свои ботинки, отчего пульс возвращается к норме. Я расстегиваю кадетский китель со скоростью метеора, стягиваю обувь и штаны, конкретно замерзая. Надеваю новое, как учили: за пятнадцать секунд, пока спичка горит. Но возникает проблема: носки. С моих выжимать можно. Голые ступни леденеют на бетоне. Проверяю рюкзак: кульки из нижнего белья лежали наверху и также вымокли. Без носков сотру ноги до кровавого месива, ведь берцы не разношены, к тому же кожа влажная. Мне можно спросить?..

— Ты и собираешься полчаса? — раздражается, — Хоть что-то умеешь?

Ура, мне разрешили говорить, я опять хочу благодарить.

— Носки... их нет...

— Твою мать, мне тебе свои дать?! — рычит абсолютно справедливо, повернувшись.

Изучает босые конечности и виноватое лицо — а оно поистине виноватое, ведь я загоняю себя в яму. Мне задали вопрос. Я обязана ответить.

— Простите, капитан, я повела себя глупо, — киваю и решаюсь, — Клянусь, что не буду глупой с завтрашнего дня.

Присаживаюсь на одно колено, натягиваю твердые ботинки, поскорее шнуруюсь, и слышу хриплое, уже не такое суровое:

— Что поменяется за двенадцать часов?

Я сглатываю, ведь он подчеркивает, что не верит в мое исправление. Он главный, но наверняка ни над кем из солдат опеку не вел — сюда поступают профессиональные бойцы-мужчины, с которыми сюсюкаться не нужно. Я наслышана от полковника в кадетке: он инструктировал меня перед отправкой, предупреждал об известных ему нюансах.

— Уложу все в голове, адаптируюсь, начну проявлять себя достойно, — заверяю, справляясь с узелками.

Рейдж садится на стул у черной стены, прежде чем выдвинуть:

— На миссии случается экстренная ситуация, которую никто не предвидел. Как я отдам тебе команду, если ты нихрена не способна переключаться на требуемое за долю секунды?

— Я быстро учусь, — доказываю за долю секунды, — Я Вас поняла, капитан. До миссии исправлюсь.

Мужчина молчит, не сводя с меня глаз, или держа их прикрытыми — не могу утверждать однозначно. Почему я? Зачем они взяли девушку из кадетной академии, а не откуда-то, где водятся солдаты высшего пилотажа? Им было бы легче, не так ли? Возможно, мне на самом деле стоит помолиться — мама права, помог Бог, иначе не истолкуешь.

Он встает в той же тишине, пока засовываю аптечку в рюкзак. Выхватывает из прозрачного контейнера на столе нашивку и подходит ко мне, лепя ее на плечо. Я тяну ткань рукава, рассматривая: черный прямоугольник с серой летучей мышью. Надпись красными нитями: "База Эйприл".

Рейдж срывает кадетские погоны с мокрого кителя и закрепляет их же на новой форме, отчетливо произнося:

— Лейтенанта тебе никто не присвоит, ходишь с этим детским садом, пока себя не зарекомендуешь.

Что ж, база Эйприл... надеюсь, ты продержишь меня до одноименного месяца. Сегодня январь. Я буду ждать, когда рассеются тучи и прекратятся дожди. Я буду очень ждать.

Рейдж водил меня по улице ровно столько, сколько заявил: он выучил каждый сантиметр почвы наизусть, знает, за сколько времени минует дюйм за дюймом. Мы не обменивались активными речами, ведь на оставшихся зданиях висели таблички: «Столовая» и «Госпиталь». В больнице мне, черт возьми, выдали таблетки — нет, не от простуды.

Противозачаточные.

Я вылупилась на медикаменты, замерев рядом с Рейджем и врачом. Попыталась потребовать объяснений.

— Для чего это? Я не стану... с кем-то... зачем...

— И нельзя, — подтвердила женщина зрелого возраста, — Но, малышка, нам разбирательств не хочется потом лишних. Полюбишь там кого-то, а потом с дитенком в животе — не дай бог операцию сорвешь, поплохееет на миссии из-за беременности, о которой не знаешь.

Да они издеваются что ли? Я тут ни с кем не лягу. Господь всемогущий, что творится?

Рейдж явно злился, хоть и молчал: я задерживала его своим препиранием.

— Это не так работает, — затараторила я, — Они выписываются индивидуально...

— А то мы твою карточку обследования не разбирали, — цокнула она, — Пей давай. Каждый вечер ко мне заходить будешь, тут глотать, чтобы не забыла.

У мужчины сдали нервы. Он сунул мне пластмассовый стакан воды, который предварительно «заботливо» набрал в кулере, и строго прохрипел:

— Ривер, это приказ, исполняй, твою мать.

Ага... похоже, меня наняли личной шлюхой. Я проглотила таблетки: эту команду выполняю, как и любую другую. За исключением команды лечь в койку и раздвинуть ноги по принуждению. Я не секс-игрушка. Я солдат. Шла к этому всю жизнь, и курс не изменю, даже если в душе хочется.

Когда мы вышли из белого госпиталя, капитан пробормотал, зачем-то утешив:

— Никто тебя из наших драть не будет, если сама соблазнять не кинешься. Об этом не думай.

А следом тихо добавил, считая, что не услышу, словно вырвалось ненароком:

— Зря ты приехала, лучше бы другую выбрали.

Меня конкретно задело, хоть и в мимике не показала. Почему он так со мной? Настолько противна? Как мне существовать под предводительством того человека, который меня презирует?

По крайней мере, я покладистая — это-то он мог отметить. На все киваю, стремлюсь не оплошать. Неужели Рейдж уже так рьяно жалеет, что взяли именно меня? Что с ним такое?

Я поставила твердую цель: доказать ему свою пригодность. Он еще боготворить такого потрясающего бойца будет. Через месяц так точно.

Мы зашли в корпус общежития и поднялись по серой лестнице на второй этаж. Вот так-то я и вернулась к тревоге: передо мной комната под номером двадцать девять, она в самом конце неширокого пустого коридора. Мои соседи за дверью. Я плоха в коммуникации в дружеском ключе, хотя дружить отчаянно желаю. Не понравлюсь им и опять стану гадким утенком — в кадетке надо мной смеялись из-за странного увлечения.

Рисование загубило все годы, начиная с семи лет. Поэтому родители отослали в кадетную школу, выдернув из обычной — я применяла карандаш на уроках без устали. Когда уставала от тетради, переходила к деревянным партам. Учеба мало интересовала, в отличие от каракуль. И это не иссякло, как бы мама и отец не унижали мое хобби. Я в курсе, что занимаюсь идиотизмом и инфантилизмом, но у меня не получается избавиться от порывов изложить на бумаге то, что восхищает. Стыжусь показывать кому-то результаты или вообще рассказывать про сей процесс, исходя из многочисленных насмешек. Потому скрываюсь в укромном уголке, достаю альбом и черкаю в одиночестве.

Молюсь, чтобы новые соседи ни за что не спалили меня за творчеством. И молюсь, чтобы они не оказались жестокими, как капитан.

Рейдж стучит три раза костяшками в перчатках, и за стеной раздаются шаги. Я держу на плечах два рюкзака: прошлый и новый. Ежусь в стрессе, однако рыжий парень, ростом около ста восьмидесяти сантиметров, с веснушками и карими глазами, сбивает любые переживания. Он улыбается во все тридцать два: совершенно искренне.

— Привет, я Кáстор! Заходи, мы тебя ждали! — шустро зовет рукой, пяясь и крича, — Эй, Джастин, кончай намываться или просто кончай — что ты там завис? К нам леди приехала!

Рейдж подталкивает меня со спины, и я захожу в комнату, мечась глазами по пространству. Ого...

Я представляла, что тут будет так же блекло, как и везде, куда мы заходили. Но это настоящий уют. Я в бреду? Меня в такой рай поселили? А как же скрипучая койка с матрасом, откуда выпирают пружины? Как же потертая, старенькая обстановка?

Впереди меня, в полутора метре, две двухэтажные белые кровати, расположившиеся по двум стенам — но они современные, верхние не прикреплены к нижним. Такая... коробка, отделенная для покоя. К стене посередине приставлен коричневый диван и столик, напротив него висит крутой телевизор.

Зона досуга и зона сна разграничены. Слева от телевизора две двери: вероятно, душ и туалет. Нет обоев, вместо них краска: там, где спальня, бежевый цвет, а там, где посидеть-поболтать, желтый.

Если это не прикол и меня взаправду тут оставят, я превращусь в счастливейшую девушку мира. Таких условий еще не видала. Родительский дом — квартирка на старый лад. Кадетское общежитие, в коем провела большую часть жизни, — изношенное и скучное. Я ведь и телевизор-то никогда не смотрела, если признаться честно. Нет, мне доводилось, но так, чтобы самой каналы листать — никогда.

— Здравствуйте, — отзываюсь в уважительной форме на всякий случай.

Вдруг передо мной еще один главный? Но незнакомец закатывает глаза:

— К нам на «ты», отставить напряжение в комнате друзей! Рик, поздоровайся!

На верхней правой постели шевелится синий пододеяльник, после чего мужчина с темными волосами средней длины, постарше Кастора, привстает на одном локте и коротко машет рукой.

— Привет, — мирно кивает, откладывая книгу, и переводит взгляд на Рейджа, что стоит за мной, — Завтра идем?

Я присаживаюсь, чтобы расшнуровать берцы, и случайно проскальзываю поясницей по ноге капитана — почему-то мне кажется, что он приковывает ее к полу с пущей силой. Чтобы не упала? Рейдж, а вы бываете мил!

— С Ривер тренируюсь. Вы без меня справитесь.

Рано радовалась. Его хриплый ответ не пропитан гневом, но сквозит недовольством. Теперь-то я больше понимаю причину его ненависти. Вместо того, чтобы проводить часы с этими парнями, капитан вынужден возиться со мной. Но таков приказ, верно? Им ведь тоже руководят. Сказано — выполняй. Наша жизнь из этого состоит, мы давно смирились.

Я поднимаюсь и выскальзываю из обуви, ступая влажными ступнями на кофейное ковровое покрытие, а затем слышу звук двери: Рейдж ушел. Кастор тут же тянет:

— Да ладно тебе, чего такое? Строг слишком? Работа его, обид не держи.

Он помогает мне снять рюкзаки и кладет их под панельную батарею. На нем черные шорты и однотонный коричневый свитер, а на Рике, что поглядывает на меня сверху, приталенная темно-зеленая футболка. Поскорее бы и мне переодеться в домашнее, а потом лечь спать. Желательно на несколько часов.

— Нет, нет, нормально, — отнекиваюсь, заправляя растрепанные локоны за уши, — Мне очень приятно с вами познакомиться.

— И нам с тобой! Эй, Рик, тебе приятно? — снова обращается к мужчине, который беззлобно выдыхает и кивает, после чего рыжий кричит на всю комнату, — Джастин! Ну ты где?!

— Не ори, — спокойно произносит Рик и ложится, чтобы продолжить чтение.

Он будто привык к суетливости сослуживца, не раздражается, однако и себе изменить не может: переполох не любит. Со мной ему тоже не повезло: я шумная, если мне с кем-то хорошо. Впрочем... было это лишь однажды и давно. Все могло поменяться. Не знаю, какая я сейчас, когда преисполнена позитивом. Мое перманентное состояние — заставлять себя тому или иному. Я не успеваю осознавать день, ведь с самого пробуждения повторяю одно и то же: «Ты должна». Так и пролетает неделя за неделей, год за годом. Конечно, жаловаться не на что: я здорова, еда имеется, сплю под одеялом. Преуспею в военной отрасли, и вообще все засверкает, наверно.

Я бы очень хотела, чтобы когда-нибудь засверкало.

Из светло-дубовой двери появляется брюнет, постриженный под тройку... без гребаной одежды. Тотально голый. Я тут же отворачиваюсь к железным черным шкафам в сетку, сжавшись от стыда, и Кастор вскидывает руки:

— Джастин, да ты гонишь!

— А... ой, — бархатисто посмеивается, ничуть не смущенно, — Дак надо было предупредить. Привет, Ривер. Хорошее знакомство.

Поистине хорошее.

Я теперь не выкину его лобок из мыслей. И его пресс, с которого стекали капли воды. Голые мужчины — странная штука. То заводит, то пугает. От случая к случаю. Я точно не возбудилась, но и не на панике. Мне неловко.

А вот если бы Рейдж был голый, то я бы убежала от страха в лес. Он же буквально способен меня разодрать своим массивом...

Боже, какого черта я вообще думаю о голом Рейдже?!

— Я предупреждал! — доказывает с недовольством, — Рик, это из-за тебя. Ты велел замолчать!

Рик коротко отвечает, не выползая из книги: вижу боковым зрением.

— Велел, и ты опять орешь.

У него стальные нервы.

— Да что ты драму разводишь? — по шумам брюнет возится с одеждой, — А то она голых парней не встречала.

Ну... эм... промолчу-ка лучше.

— Тебе придется научиться одеваться, сучонок, она с нами живет, уже нельзя нагишом расхаживать...

— Как ты меня назвал? — мрачно произносит Джастин.

— А то ты не слышал, — усмехается Кастор, скрещивая руки на груди.

— Нарываешься?

— Допустим. И что ты сделаешь? — кидает вызов.

Джастин молчит пару секунд, а следом выбрасывает:

— Ну иди сюда, я надеру твою рыжую задницу.

Мои брови ползут вверх, ведь Кастор инициативно шагает к оппоненту. Поворачиваюсь и рот раскрываю: бренчит посуда, диван двигается от двух широких тел, падающих на пол. Они действительно принимают душ друг друга и бить в торс, ворочаются по ковру, как сцепившиеся кошки, пыhtят, матерятся и смеются, провоцируя другого на нечто более серьезное. Комната наполняется звуками возни и кряхтений: среди них сложно различить непоколебимый голос Рика.

— Ривер, — он спрыгивает с кровати, демонстрируя натренированные предплечья, — Иди в душ. Потом спать на час и обедать.

Я безмолвно наблюдаю за тем, как мужчина открывает дверцу шкафа. Внутри аккуратно лежат вещи: от одежды до личного оружия. Две полки свободны — явно для меня. Рик берет полотенце и слабо улыбается от того, как я вздрагиваю: Джастин и Кастор перекатились ближе к нам с громким рычанием.

— Добро пожаловать в новый дом.

Глава 2

Щекотка — недооцененное орудие пыток.

Я стону и прячу ногу под одеяло, но шутливые пальцы переходят на бока, под разлетающийся задорный голос:

— Юным крошечкам подъем! Мы на завтрак все идем!

Я морщусь и тыкаюсь лицом в подушку, отползаю к стене, но от длинных рук Кастора не сбежать. Лишь на чуток приоткрываю глаз и вижу его счастливую голову, заглядывающую на мою кровать.

Несмотря на желание продолжить сон, я ни за что не отказалась бы от такого пробуждения. Есть в этом нечто заботливое и согревающее.

— Речевки — не твое. Сколько раз повторять? — зевает Джастин, — Дружим пять лет, а я до сих пор не пойму: где ты энергию по утрам берешь?

Кастор игнорирует и принимается щекотать меня вновь, что заставляет окончательно проснуться и доказать принудительно бодрым голосом:

— Я встаю! Спасибо! Встаю!

Он щелкает языком, не отходя: как мамочка дожидается, что я действительно серьезна. Поэтому, за неимением других выходов, свешиваю ноги и лениво нащупываю ими гладкие ступени.

Я не ходила в столовую вчера: ни на обед, ни на ужин. Поела печенье с чаем, которые стоят в комнате, поболтала с ребятами, и завалилась спать, попросила не будить. Сначала самолет из родного города Аппель, потом автобус на шесть часов, потом бег тридцать километров под дождем — все это было крайне утомительно, и я действительно не хотела ничего, кроме глубокой отключики мозга. Тем более, зная, что сегодня пройдет первая тренировка с Рейджем один на один, мне требовалась перезагрузка эмоциональной системы.

Перед сном удалось узнать кое-что про него. Я боялась показаться сплетницей, коей на самом деле не являюсь. Однако аккуратно попробовала:

— Капитан Рейдж... что вы можете сказать о нем? Как мне лучше себя вести?

Соседи, к счастью, не отмахнулись. Только Рик посматривал в тишине — это ему свойственно, уже ясно.

— Он справедливый, — поразил Джастин, отпив кофе, — Но в ответ требует к себе уважения. Слушайся безукоризненно — и по маслу будет.

— Да, — кивнул Кастор, играясь с разбитой губой двумя пальцами, — Нам повезло, что он наш капитан. Лучшего не придумаешь.

Они точно говорят об этом человеке? Ведь мой подбородок действительно посинел от той хватки: ребята не заметили, так как побои — их рутина. И все же позже стало больше понятно, в чем причина его грубости.

— Он ведь на стрельбах с утра был. Пораньше ушел, чтобы тебя вовремя встретить. Поэтому и в очках. Ты не думай, он обычно без них: не псих ведь. Но балаклаву не снимает.

Значит, мужчина отложил дела, дабы не опоздать ко мне, а я опоздала. И та его грубость связана с раздражительностью от сложившихся обстоятельств. Слава Богу, Рейдж не жестокий на постоянной основе: по-настоящему облегчает душу.

Одновременно с тем внутри вспыхнуло какое-то волнение. Я увижу его глаза. Какие они будут? Какого цвета его кожа? Именно об этом, по неведомой причине, я размышляла перед тем, как уснуть на чертову тучу часов.

— Ты как себя чувствуешь? — обращается Джастин с нижней кровати, натягивая носок.

Рик, судя по шуму воды, в душе. Все встали пару минут назад, тогда как Кастор, очевидно, давно намытый и готовый — в форме расхаживает. Мой будильник был заведен на семь

утра, так как завтрак стартует в семь тридцать. Тыкаю по андроиду и кривлюсь: шесть сорок. Где мои совсем не лишние двадцать минут сна?

— Нормально, — разминаю шею, все еще ленясь спрыгнуть, — Проспала почти сутки: грех жаловаться.

Живот урчит: давненько в него пищи адекватной не поступало. С другой стороны, это своеобразная проверка на прочность — вдруг тебя враги в плен схватят, кормить не станут, а ты им от отчаяния всю информацию секретную выложишь. Когда думаю об этом, то сразу определяюсь: убью себя быстрее, чем сдамся, чтобы наверняка. С мертвого не спросишь.

— Надо вечером собраться, отпраздновать твое поступление. Ты нам о себе расскажешь, — наставляет рыжеволосый, бренча ложкой в чашке кофе.

Я пользуюсь одной ступенью, а затем спрыгиваю на пол, где между кроватями лежит круглый разноцветный ковер с пушистым ворсом. Стены Кастора и Джастина украшены. У первого все облеплено «Звездными войнами»: постеры и наклейки. У второго вразнобой: какие-то плакаты фильмов, сериалов, фотографии, граффити на бумаге и... пачки сигарет. Разные. Это коллекция: они сложены так, чтобы не было объема, и прикреплены друг под другом, в шесть рядов — последний ряд не закончен. Запоминаю что дарить на день рождения, хоть это и самый странный подарок в мире.

— Говоришь так, будто мы не собираемся здесь каждый вечер, — парирует Джастин, проводя ладонью по ежику на голове, — В любом случае все здесь будем. Но отпраздновать надо, согласен.

— Нечего праздновать, не сочиняйте, — неловко отзываюсь, — Спасибо, мне приятно, но не нужно заморачиваться...

— Ривер, не обламывай, это не только для тебя! У нас, военных, радости маловато. Так что не отменяй достойный повод!

Я тут же осознаю что к чему. Сидеть на базе годами и ловить любые случаи для разнообразия дней. Рик тут шесть лет, а Джастин и Кастор четыре года. Они довольны раскладом жизни, это заметно в лицах — никто не страдает. И все равно: людям необходимы счастливые моменты. Я лишь не помню, чтобы кто-то отмечал мои заслуги. Окончание кадетной школы, кадетного корпуса, поступление в кадетную академию, успешная сдача экзаменов — одинокая тишина, ноль поздравлений. А тут целых три мужчины, да еще и настолько прекрасных. Чудо, что мне попались именно они. Я не делаю преждевременных выводов, ни в коем случае. Но к гадалке не ходи — все и без того кристально ясно. Крепкая команда, друг за друга горой, без подлости. Я знаю, что они добры ко мне в первую очередь по этой причине: не вносить дисбаланс в коллектив. Мне достаточно, серьезно. Я и о таком мечтать не смела.

Важно уточнить: я не приbedняюсь.

В современных реалиях существует много условий для того, чтобы с тобой завели дружбу. Недостаточно прилично пахнуть и выглядеть неплохо. Нужно чем-то цеплять, дабы человеку было интересно. Цеплять я не умею: этому меня не учили. Сокровенным не делюсь, потому что высмеивали не раз. И вот как получается: мне выкладывают личное, а я рот в ответ не разжимаю, только слушаю да поддерживаю. И, не получив взаимности, люди тоже уходят — зачем им подружка, которая свою душу и через сто лет не доверит?

Замкнутый круг.

Но, может быть, с этими парнями злосчастная цепочка неудач прервется? Мы сблизимся? Отчаянно забегаю вперед, что жалко.

Рик выходит из душа, а Джастин услужливо уступает. Я киваю в ответ на идею о мероприятии и шурую в белую ванную комнату, где зеркало над раковиной застелено паром. Оттираю поверхность рукавом однотонной желтой пижамы и встречаю вполне себе здоровый вид. Светлая кожа наливается румянцем в щеках. Не заболела: по ощущениям тоже в порядке. Благодаря ли Рейджу и его приказу переодеться? Нет, точно. Я в целом никогда не болею, так

что его теория о температуре априори была ошибочной. Знаете, когда родители запрещают тебе хандрить, организм приучается стойкости. Спасибо маме за нотации. Уж если и случается недуг, то раз в три года. Но с глобальным минусом: это всегда почти до смерти. Жуткий жар, кости ломает, накатывает бред, мало что в памяти сохраняется. Словно мое тело однажды ломается и выплескивает все накопленные беды.

Умываюсь и заплетаю волосы в две тугие косы, пользуясь расческой и резинками из косметички, которую захватила с рюкзака. Начитываю стандартную мантру: «тебе нужно быть собранной, не разрешай себе и одну мысль на слезы даже в самой горькой ситуации, внимай четко, думай о деле».

Настрой боевой. Сегодня я докажу Рейджу, что не бесполезная, что заслуживаю место в его отряде. Буду той обыкновенно стойкой Ривер, а не вчерашней невнимательной потеряшкой. До сих пор стыд душит. Я его разозлила и подвела. Не повторится, как и пообещала. Еще маме вечером позвоню, передам о заслугах — глядишь, похвалит!

На улице парни подбадривают меня и посмеиваются со сосредоточенного лица. Ветер опять не щадит: я пока не освоилась, а мужчинам все нипочем. Температура плюсовая, но с Аппелем не сравнится — там стабильно двадцать пять-тридцать градусов тепла. Здесь стабильно десять.

Мы поворачиваем налево и неторопливо шагаем по прямой. Погоны собеседников намного выше моего носа. Так или иначе, посматриваю с мечтой. На моих даже звезд нет: три курсантские галочки. Я тут для всех не выше уборщицы — преувеличение, конечно, но с толикой правды. По идее, мне должны были вручить звание лейтенанта по прибытию на базу, однако Рейдж испортил малину.

Ладно, я сама испортила, немного бубню.

— Тебе с города привезти что-то? — спрашивает Кастор, — Мы после завтрака поедем. Пицца, бургеры, сигареты? Другие кайфы? Газировку?

Город? Да, город, глупо было полагать, что они вообще безвылазно торчат на базе. Добираться до людей часа три. Чего бы мне хотелось? Может быть... мармелад? Обожаю все виды, кроме кислого или сахарного. Но просить стыдно. Заплатить особо нечем: я привезла с собой около тысячи долларов и должна распределять их правильно. На какую дату там намечена моя главная миссия? Неизвестно. Месяц, два, три — я деньги только за нее получу, контракт тут не подписываю никакой, поэтому ежемесячной зарплаты не поступит. Короче: без мармелада.

— Нет, не нужно, спасибо, — радушно произношу, перебирая берцами по мокрому асфальту, — А вы в город прямо в форме? Почему не в гражданском?

Мимо нас идут другие военные: здороваются с моими соседями и оценивают меня. Мол: кого это к нам занесло и какими судьбами? Надеюсь, меня не попробуют трахнуть как-нибудь ночью за общежитием. Хотя Рейдж сказал, что никто не станет, так что остерегаться вроде бы нечего.

— Так все плюшки ловишь, — ухмыляется Кастор, подбивая Джастина плечом, — Ему вот вообще в прошлый раз бутылку виски дали за счет заведения: защитник Родины как никак! У Рика отбоя от женщин нет! Все его хотят, все...

— Это не так, — пресекает Рик, — В форме удобно. Я к ней привык. И никто не полезет никогда, а ты знаешь, чем это закончится в моем случае.

Я хмурюсь, слегка не догоняя. И чем же? Дракой? Что тут особенного? И без того понятно, что эти трое забьют тебя до горячки, если напросишься — они сами себя-то молотят без сожаления. У Джастина, например, бровь со вчера припухшая, а у Кастора губа разбита.

Но единственное, что я спрашиваю:

— Капитан Рейдж должен был поехать с вами, да?

Ривер, прости.... *а какого черта?*

Он упоминал вчера, что отказывается от чего-то из-за меня. Похоже, торопливому мозгу приспичило выяснить все до деталей. У него-то я не спрошу: прибьет и глазом не моргнет. Я для него букашка, которая не вовремя подвернулась.

Одноэтажное здание столовой уже перед носом: военные стекаются внутрь, ведя бурные разговоры — через них не разобрать тему нашей беседы.

— Ага, — Джастин тянет ручку пластиковой двери, пуская нас внутрь.

— Но мы не многое потеряли, — добавляет Кастор в "предбаннике" холла, где уже пахнет едой, — Он с нами только в пути туда. Потом уходит куда-то и на базу возвращается один.

Я не выпускаю на волю вытекающие вопросы. Странно выяснять и вдаваться в подробности. Да и к чему они мне?

Нам открывается проход к столовой: огромное белое помещение с серой плиткой. Квадратные столы: некоторые из них сдвинуты для большой компании. Вдалеке, за обособленным круглым столом, вижу полковника О'Коннора. Рядом с ним похожий комплект мебели — там сидят главные. Рейдж, полагаю, в их числе. Но его здесь нет. Логично, раз не снимает балаклаву. Вероятно, ест в своем домике или где он там живет. Оно и к лучшему: я бы глотала с трудом, находишь мужчину неподалеку.

Сегодня он будет другим, Ривер, тебя не захотят выпотрошить, угомонись, вчера произошло недоразумение, и оно сошло на "нет".

В конце-то концов, не зря Джастин назвал капитана справедливым. Я перепугалась и накрутила себя, что дурость. Тренировка пройдет отлично.

— Поднос, миледи, — рыжик сует мне черный предмет, подгоняя встать к раздаче.

Я занимаю место после Джастина и перед Риком, ставя поднос на железную столешницу из трех балок. Ассортимент весьма себе богатый. Три каши, бекон, масло, яйца, тосты, джемы, выпечка. Что-то беру из лотков, а что-то накладывают повара в голубых фартуках. Кастор впускает:

— Омлет с ветчиной! Он тут вкуснее всего. Бывает по понедельникам и четвергам. Кашу пшеничную! Да, да, вкуснятина, творожная запеканка!

— Я не люблю...

— Ривер, Иисус Господь, доверься товарищу!

Я не пытаюсь препятствовать вновь: заполняю тарелки тем, чем "заставили". Ненавижу запеканку. Искренне ненавижу. В детстве называла ее "запиханкой", так как отец не выпускал из кухни, пока не съем творог до последней крупички. Он бесхребетный человек во всем, кроме попыток с приемами пищи. Сколько бы в тарелке не находилось, я обязана этим желудок набить.

Дожидаюсь парней и следую за ними, к их столику — не прогоняли же, а значит позволили. Хотя могли бы дедовщину включить: с нами сядешь, когда заслужишь. Они определенно добры.

Столты расположены на свободном расстоянии друг от друга. Мы садимся в конце зала, откуда открывается вид на многие другие столы: в том числе на тот длинный, что соединен из нескольких. Металлические стулья с коричневой подушкой скрипят под нашими задами, когда Джастин поясняет, склонившись поближе:

— Вон тех видишь? Лысые все.

Я осторожно изучаю толпу из десяти человек: то ли посмеяться, то ли посочувствовать. Под копирку: бошки блестят. Рик вытягивает ноги в бок и спокойно приступает к еде. Терпеть не могу отсутствие волос на голове у мужчин. Хотя бы как у Джастина под тройку, а идеально средней длины.

— Вижу, — тихо соглашаюсь.

— Мерзкие типы. У них капитан Синч — та еще тварь, — бормочет Кастор, отламывая омлет ребром вилки, — Сидит недалеко от О'Коннора. С полковником-то знакома?

Я киваю, ненароком переводя взгляд к окнам, и моментально понимаю о ком идет речь. Мужчина в черной форме, с густыми русыми бровями и складкой на лбу. Чуть пониже Рейджа. Как и предполагала — за теми местами сидят руководящие должности.

— Почему он тоже лысый? — недоумеваю.

— А вот пристроили бы тебя к нему, тоже бы лысой ходила, — усмехается Джастин, прожевав булку, — Правило такое у мудака. Рейдж тебя кое-как отбил. Синч первый вызвался на себя миссию взять, а соответственно запихнуть тебя в свою команду амбалов.

Я роняю челюсть. Что? Тут за меня боролись? И Рейдж пытался к себе пристроить? Но мысленно стучу себя по затылку: не во мне дело, а в грядущей операции. За нее деньги заплатят отличные из-за степени важности. Поэтому война велась. Пульс возвращается к норме: а поначалу-то скакнул до небес.

— Есть еще капитаны? — перевожу тему, наконец приступая к каше.

Вполне вкусно. Сахара бы добавить, но мне, кажется, сколько его не положи, всегда мало будет.

— Рик, — совершенно просто отвечает Кастор, — Неправильно вопрос задаешь. Капитанов-то много.

Безмозгло с моей стороны. Очевидно, Рик не мог носить звание ниже — чисто по выслуге лет. Порой кажется, что лучше помалкивать, чем представлять идиоткой, сама того не подозревая.

— У трех людей есть свои отряды, — объясняет Рик, — Рейдж, Синч и Фог. Рейдж и Фог порядочные, а Синч неприятный — не злодей, конечно, ведь иначе бы его с базы выперли. Просто неприятный, со своими странными заморочками.

Только сейчас что-то щелкает. Рейдж — нет такого имени. По крайней мере, я не слышала. И Фог — с ним также. Без труда вытаскиваю из черепной коробки перевод с иностранного языка. Рейдж — ярость. Фог — туман. Синч — подпалить, ожог. Сами ли они выбрали себе позывные? С чем связан выбор? Знает ли кто-то их настоящие имена?

База "Эйприл" с ума сводит своими загадками.

Я обязательно расспрошу парней. Позже. Ведь в данный момент меня одолевает ступор: я вижу его. И он направляется прямо к нам.

Я сдаюсь. Сквозь конечности ток бежит. Со мной никогда подобного не случилось. Не было такого, чтобы цвет глаз, как и сами глаза, парализовали тело.

Зеленые. Темно-зеленые, как дремучий лес. Изумрудные.

Светлая кожа. Я не выявлю возраст: балаклава скрывает все, что идет дальше нижних век и выше темных, низко посаженных бровей. Вот и моя погибель, да? И название ей — капитан Рейдж.

Он подходит, окидывая меня холодным взглядом, мельком выслушивая приветствия отряда. Таким образом мужчина изучал меня вчера: без интереса, сухо. Почему-то этот факт горько скребет горло. Я бы подорвалась с места и руку к виску приложила, но так ведь не заведено тут, было подчеркнуто. Мне пора выполнять клятву. Быть той, кем бы капитан гордился.

Рейдж, словно нарочно, проверяет: здороваюсь ли? Заговорю? Нарушу приказ? И, убеждаясь, что я приступила к исполнению наставлений, хрипит:

— Вставай. Посуду уносишь и идешь за мной.

Я не успела позавтракать, и ему, черт подери, это прекрасно видно. Тарелки полные, кроме несчастной каши, откуда убавилось три ложки. Он ведь должен быть сегодня добрее, нет? У нас целые сутки на тренировки, а столовая только приступила к работе — я имею право на отведенный час

— Она не поела, — мягко замечает Рик, тогда как Кастор и Джастин не вмешиваются, им по званию не положено.

Рейдж выдает без эмоций:

— Трепаться меньше будет и уши разевать.

Кастор хмурится. Что, с ними он так себя не вел? Сюрприз? Я не медлю: встаю и поднимаю поднос, забивая на пустой урчащий живот. Моя вина. Он прав, пусть и жесток. Я была самонадеянной, уверяя себя в его снисхождении. С чего бы ему меня жалеть, если я себя не зарекомендовала никак? Проверку на прочность устраивает.

Пересекаю широкую комнату, захожу за раздачу и отдаю тарелки пареньку: уборщик, с очевидными задержками в развитии. Рейдж уже стоит у входа в кухню, опираясь бедром о косяк проема. Я без понятия, как поддерживать с ним зрительный контакт, поэтому пялюсь в ноги, пока иду — а вот мужчина глаз не отводит, и от этого хочется задыхаться. Я реально больна.

Рейдж отталкивается от дерева и следует на улицу: выдыхаю, ведь теперь передо мной широкая спина, что дает облегчение.

На волосы капает моросящий дождь: шикарное начало. Я складываю руки в карманы брюк и вновь отмечаю: на капитане все те же перчатки. Ни один солдат, коих я встретила на улице до столовой, не закрывал эту область. Мелочь, но крайне самобытная.

Мужчина спускается по каменной лестнице и поворачивает направо, к спортивной площадке неподалеку — бардовое резиновое покрытие на земле кажется невероятно ярким, благодаря тому, что вокруг одна серость. И какого же мое удивление, когда мы минуем турники и направляется к... стадиону.

Да твою же мать.

Я повторюсь: бегать — не мой конек. Возможно, ему известно, и строг слишком не будет?

Пространство громадное. Одно только поле занимает около четырехсот метров — и это самая маленькая дорожка на круге, приближенная к полю. Вокруг все тот же высоченный забор с проволокой и вышки в углах. Вот у снайперов анекдот наметится: солдатка элитной базы, которая помирает через два круга.

Рейдж шумно вздыхает и удобно устраивается на лавочке. Я неловко замираю напротив него, ожидая приказа, и он быстро поступает:

— Суставы разминай: три минуты тебе. Потом упор лежа примешь.

Ладно: отжиматься умею. Раз семьдесят получится, а он скамандует пятьдесят — так в кадетке говорили. Хороший старт, в котором не облажаюсь. Ворочаю шеей, голеностопными соединениями, кистями, наклоняюсь и тянусь. Как назло, он продолжает смотреть на меня: дырку прожжет. Чувствую себя цирковой обезьянкой.

Я отключаю сознание от помех погоды, твержу мантру, от которой тошнит. Настраиваю себя быть роботом без чувств — с детства справлялась успешно, а здесь, перед этим гребаным мужчиной, что-то сбоит. Сердце колотится наскоро. Огрейте меня лопатой, да побольнее — очухаюсь, может.

— Отсчитывать время не умеешь, Ривер? — сурово разносится, пуская мурашки по коже.

Отрываюсь от зарядки и хлопаю ресницами, пребывая под гнетом хмурых бровей. Что он имеет в виду? И как ответить, чтобы не оплошать?

— Умею, капитан, — единственное, что приходит на ум, ведь я в состоянии проследить за часами.

Рейдж, по моему представлению, поджимает губы, прежде чем гравийно проговорить:

— Прошло на пятнадцать секунд больше. Ты должна стоять в планке. Я неясно обозначил команду или ты снова нихрена не слушаешь то, что тебе велено?

Осадок: медленный, от гортани до места души. Даже мать не была настолько придиричвой, а она невероятно дотошна.

— Вы ясно обозначили команду, — киваю и мигом опускаюсь к неровному, ледяному асфальту, занимая верную позицию.

Боже, прекрати ты себя жалеть, как тебе не мерзко?

Рейдж так и сидит на скамье, но теперь разводит колени и опирается о них предплечьями — улавливаю по шорохам, интуитивно. Рядом с моим лицом его черные берцы грубой вязки: было бы невесело получить удар ботинком.

— Три подхода по сто отжиманий каждый. Приступай.

Чего, простите?

Мне почудилось?!

Триста отжиманий, с отдыхом на тридцать секунд? Он прикалывается? Я кто? Супермэн? Мне не потянуть такое количество: кому вообще это удастся? Тем не менее выбора-то нет, а потому сгибаю локти, бросаясь в погоню за недостижимым. Уж здесь-то я счет веду.

Десять, пятнадцать, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят один, шестьдесят четыре, шестьдесят семь, шестьдесят девять, семьдесят... семьдесят один, семьдесят два, семьдесят три, семьдесят четыре... семьдесят пять... семьдесят шесть, семьдесят семь, семьдесят восемь, семьдесят девять... во...семь...де...сят...

Рейдж, по звукам, усмехается от пыхтений. Я измученное стискиваю зубы.

Восемьдесят один...

Мельком, глубоко внутри, проскальзывает: «ублюдок». Потому что таковым он и является — новый смешок закрепляет оскорбление.

Восемьдесят два, восемьдесят три, восемьдесят четыре... восемьдесят пять, восемьдесят шесть... восемь...десят... се...мь... восемьдесят во...семь...восем...десят...девя...т...ь...девяносто...один... девяност...о...два...дев...я...н...о...с...т...о...тр...и.

Финал, не хватило семи упражнений. Я плюхаюсь на мокрый асфальт с разочарованным стоном. Меня колотит от перенапряжения. Выполнила на двадцать три раза больше, чем могу. Кошмарно старалась. Выжимала из себя все силенки. Мой вес — пятьдесят килограмм. Я робот в проявлении слабости, но я не киборг мышцами, мне, черт подери, жаль! До этого дня я считала, что отжимания — мой конек. В кадетке превосходила всех — здесь уступаю любому. Рейдж буквально разрушает мою личность, и ему это нравится:

— Встала. Начинаешь заново. Три подхода по сто отжиманий, Ривер. Не справляешься — результат сбрасывается.

Сукин сын.

Он находит это занимательным? Да, у меня можно спросить: «А чего ты ожидала, поступая работать на такую базу?». Ответ: да чего угодно, кроме издевательств от капитана!

Я грубо выдыхаю, вставая на уставшие ладони и носки. Уничтожит ли мужчина меня? Со стопроцентной вероятностью да. Однако умру без позора. Не сдамся.

Ничего нет вокруг, Ривер, абстрагируйся, делай.

Шестьдесят семь — столько получается, прежде чем снова падаю пластом, трясясь каждой клеточкой тела. Дождь промочил спину. Шаткие руки ерзали по земле. Я замечаю алые капельки крови, которые превращаются в розовые благодаря влаге с неба. Без слез. Лишь с надрывом внутри. Очередное доказательство, под стать выкрикам матери: ничтожество я, ничего у меня не складно.

— Ривер, — хрипит Рейдж, наблюдая за тем, как я лежу без единого движения, прижавшись щекой к асфальту, — Что ты вообще умеешь?

Я жмюрюсь и пытаюсь произносить ровно, несмотря на трясущиеся губы:

— Отлично стреляю из пистолета, легко ориентируюсь в незнакомой лесной местности и далеко прыгаю.

Вообще-то, я также хороша в знаниях по стратегиям, но говорить ему этого не стоит — прикажет сочинить план по захвату страны и высмеет любое предложение. Еще не ною, а это полезное качество. Не капризна. Почти что личное оружие любого командира: прикажи

рвануть на передовую, я рвану. Мне глубоко плевать, что застрелят через минуту. Задолбалась за двадцать один год. От всего. Есть ли свет, если я его не видела?

— То есть ты предлагаешь быть довольным тем, что в моем отряде лягушка, которая на курок жмет уверенно?

Мог бы применить «зайчик».

Сам ты жаба, Рейдж. Иди в задницу.

Я прекращаю быть овощем и с горем пополам подтягиваюсь, вставая на дрожащие ноги. И меня сбивает с толку этот взгляд: в нем нет никакого желания мучать. В Рейдже даже присутствует намек на сочувствие. Говорят, что глаза не солгут — я впервые сталкиваюсь с правдивостью данной фразы. Тогда какого черта он продолжает?

— Двадцать кругов, — твердо инструктирует, — Темп: сто метров за девять секунд. Без отдыха.

Мне не мерещится: ему не хочется говорить то, что он говорит. Напрочь путаюсь. Что за шарады? Мы не можем коммуницировать без двойного дна, без подтекста?

Наплевать на его слова, отказаться — означает отправиться «домой». Потому прикусываю внутреннюю сторону щеки, сжимаю окровавленные ладони и поворачиваюсь на изнеможенных ногах. Мы оба знаем, что я не выполню требуемое. Так и случается: я пробегаю три круга и спотыкаюсь в холодном воздухе, падая на колени и вешая голову. Легкие горят, отчаяние хлещет через край, хоть и не выдаю в лице. Рейдж встает со скамьи. Его берцы приближаются ко мне, и он неожиданно наклоняется. Я вздрагиваю от контакта с щекой: рука в перчатке прикоснулась к коже, но не больно, а... нежно? Это реальность или я ударилась и впала в кому?

— Ты сегодня же соберешь свои шмотки, зайдешь в администрацию и скажешь, что едешь обратно, — грубо чеканит, глаза в глаза, — Чтобы я тебя больше не видел.

Я глотаю кислород иссохшим горлом, смачиваю потресканные губы, вся колочусь, разбирая его речь слабым мозгом. Рейдж смотрит на результат своей работы, рвано мотает головой и резко отдаляется, будто ненавидит. Меня или себя? Я не в курсе.

Не могу подняться. Так и сижу на коленях, сгорбившись, оставаясь один на один с промозглым ветром и дождем. Вскоре шаги мужчины исчезают, как и его спина.

Он возомнил, что я все брошу? Грубая ошибка, капитан. Я поклялась, что ты будешь мной доволен. И ты, твою мать, будешь, Рейдж.

Глава 3

Диван — вот, где я примостилась после душа. Парней не было в комнате, так что меня сопровождала тишина. Я не включала телевизор, хотя раньше бы ухватилась за выпавшую возможность. Но не сегодня. Не после случившегося на стадионе.

Рейдж высосал из меня всю душу, а ведь он только начал. Я ясно поняла: он пытается выжить меня с базы, выдавая невыполнимые задания. Для чего? Неужели настолько ненавистна? А зачем тогда брал в свой отряд девушку? Чего ожидал? Он ведь даже не дал мне шанс проявить себя: сразу пропитался презрением.

Мне нужна была передышка. Руки покрылись кровоточащими мозолями, на коленях останутся шрамы. Я себя не жалею. Я лишь не представляю, как быть дальше.

Полагаю, Рейдж обрадовался, не застав меня на обеде. Я не могла идти туда, и мне требовалось восстановить силы к завтрашней тренировке — а она произойдет, несмотря на его приказ собрать вещи. Не соберу, пусть хоть на дерьмо в виде побоев изойдет: я приехала сюда ради получения опыта, ради того, чтобы не застрять в обычной армии, ради рекомендательного письма к другой базе. И я своего добьюсь во что бы то ни стало.

Единственный способ, которым он может выкинуть меня — пожаловаться полковнику. И этого я конкретно боюсь. Возможно, он уже поступил так, и меня взаправду отстранят из-за профнепригодности. Посмотрим. Пока я здесь. Пока не выгоняют. Значит, мои дела не настолько паршивы.

Звонила мама. Я не взяла трубку. Говорю же: набираюсь кислорода к новым попыткам от Рейджа. Мать бы точно дыхательные пути перекрыла — ее хобби.

Капитан унизил меня: заставил считать себя безнадежной. Усмехался и насмехался. Однако темно-зеленые глаза не дают покоя. Почему они были обеспокоенными? Почему выражали сожаление? Почему он коснулся щеки нежно, а не ударил напоследок?

Я совсем его не понимаю.

Роюсь в клубке запутанных нитей, чтобы найти хотя бы один конец. Что я имею... ряд загадочных фактов. Например, Рейдж не снимает черные перчатки и балаклаву — никто так на базе не делает, кроме него. В чем причина? Его лицо изуродовано? Беспокоили бы мужчину косые взгляды? Не уверена: ему на все наплевать. А перчатки? Все пальцы на месте, как кажется. Что, если на руках Рейджа страшные ожоги, и... нет, точно нет, он не из тех, кто стесняется подобного. Получается, он скрывает себя намеренно? Прячется от кого-то? Что-то случилось, что принудило его не выдавать личность? Ума не приложу. Место секретное, тут бы капитана никто не поймал.

Те раздосадованные, глухие слова: «Лучше бы другую выбрали». После того, как я опешила от идеи противозачаточных. Что его так смутило?

Анализ ничего не дает: лишь сильнее погружает в неразбериху. И почему я размышляю о таком? Почему рядом с Рейджем сердце так часто стучит?

Неужели это и есть то самое «он мне нравится»? Я просто не хочу быть той глупой девчонкой, которая отрицает все до последнего, тем самым терзая себя же. Но за что мне питать к нему симпатию? Он ненавидит и уничтожает. Как возможно, что жестокость не является препятствием к чувствам? И разве может человек поддаться тому, у кого одни глаза открыты? Я ведь не знаю его внешности. Я не знаю его души. За что тогда сердце зацепилось? Рейдж буквально ничего не сделал хорошего. Ни капли тепла.

Я все же не очарована монстром. Мной руководит интерес, который легко спутать с другими смыслами. Сложу ли я этот кубик Рубика? Вероятность мизерная.

В любом случае завтра его ждёт разочарование. Я заявлюсь в столовую, как ни в чем не бывало. Если его там не будет — пройду по базе и найду. Заставлю тренировать меня снова.

А пока сворачиваюсь калачиком, подкладывая под щеку декоративную подушку. Не замечаю, как наступает вечер, хотя диван приставлен к широкому окну. Неподалеку разносят уже знакомые голоса, после чего входная дверь распахивается.

— Да думал она боевая, — грустно произносит Джастин, — Ну, с виду так было.

Ого... разговорчики обо мне? Я не поднимаюсь из лежачего положения, зная, что это поможет спрятаться, пока они пристально не осмотрят импровизированную гостиную.

— Девушка как-никак, — бормочет Кастор, — Передумала. Новую пришлют... лишь бы была как Ривер приятная, но духом сильнее.

— Молоденькая еще. Хорошо, что сбежала. Не надо ей воевать, — тихо выдыхает Рик.

— С этой стороны да... — соглашается Джастин, но обрывается на полуслове, прежде чем шокировано воскликнуть, — Дак ты тут?!

Крикнуть ли им: «Сюрприз!»? Пожалуй, неуместно. Я подтягиваюсь на забитых руках и киваю, пожимая плечами:

— Почему меня не должно быть?

Рик не проявляет эмоций: обводит меня карими глазами, что-то осмысливая. Кастор же поспешнее: скидывает расшнурованные берцы и топает, ставя какую-то коробку на столик перед диваном.

— Мы встретили Рейджа: он нам сказал, что ты добровольно ушла, — тараторит, жестикулируя, — Расспрашивали, но подробностей не получили!

Забавно, как Джастин встает вровень рыжеволосому, пялясь в иступлении. Они оба под метр восемьдесят, чуть выше Рика. Широкоплечие, готовые задушить или застрелить. Но это не мешает им быть милыми. Военные противоречия.

— Я не планирую и не планировала, — вяло отрицаю, обняв себя, — Он хочет, чтобы я собрала вещи и свалила: отдал приказ. Эту команду я не исполню.

Кастор треплет свои кучерявые волосы и плюхается на диван, без спроса хватая меня за ладони, которые прячу. Какой внимательный.

— Какого хрена?... — вылупляется на раны, хлопая рыжими ресницами, — Ты что делала?

Джастин залезает на подоконник, выглядывая нелицеприятное зрелище, и тоже брови хмурит, да рот приоткрывает. У них у самих на лицах слабые синие отметины. Опять друг с другом подрались.

— Отжималась, — сглатываю, вбирая кислород, чтобы не звучать разбито, — Это пустяки. Будто первый раз раны встречаете.

— Вообще-то такие — да, — возражает Джастин, — Рейдж не заставляет отжиматься. Он вроде как... у него какой-то блок на это упражнение. Никогда не включал в тренировки.

Да вашу ж мать, для чего вы подкинули мне новую пищу для головоломки?! И что это значит? Я в хаосе, не знаю, с чего приступить к анализу. Как анализировать бардак такой величины?

Я тупая, ведь все очевиднее, чем нафантазировала. Рейдж попросту психбольной. Нет двойных смыслов. Он, черт подери, не дружит с башкой под балаклавой.

— Ну, он изменил программу, — прикрываю глаза, — И считает, что я покинула базу. На завтраке удивится.

— Ты его не застанешь в столовой, — опровергает Кастор, не отпуская ладоней, поглаживая те малые здоровые участки кожи, — Он не завтракает. Вернее, завтракает, но часов в десять. Берет еду к себе в дом. Раньше этого времени туда не ходит: сегодня за тобой пришел, исключением.

Мне до сих пор нужно верить в его адекватность? Завтраков остерегается? Уже ничему не поражаюсь.

— Тогда постучусь к нему в дом! Хотя бы тут нет нюансов? — необдуманно вырывается из потресканных губ.

К счастью, они не воспринимают мои слова злом. Немного посмеиваются, мотнув головами.

— Насколько нам известно — нет, — щурится рыжик, — Что, голова от Рейджа раскалывается?

Меня прорывает. Я здесь всего сутки, с капитаном виделась дважды, а на душе накопилось, как за год.

— У вас не так?! — бегаю глазами от одного лица к другому, — Вы его понимаете? Хотя кто-то его понимает? Что с ним такое?

— Ривер, — осекает Рик, ожидая щелчок электронного чайника.

Я сжимаюсь. Вина моментально просачивается, беря отправную точку в районе груди. Это первое предупреждение, а на новые я не буду напрашиваться.

Обсуждать с ними Рейджа нельзя. Получается, что нельзя ни с кем, ведь у меня никого нет.

— Мы не лезем туда, куда нас не приглашают, — продолжает Рик, не отводя грубоватого взгляда, — Рейдж отличный капитан. Это все, что нужно.

Вероятно, мне правильнее занять такую же позицию. Избавить себя от навязчивой идеи рыться в чужом. Джастин и Кастор придерживаются мнения Рика: тему переводят, чем подтверждают вывод. Расспрашивают о жизни — и это несправедливо. Я первая не проявила желание делиться своей сутью, как и Рейдж.

Я не получу результат, пока капитан сам не расскажет. А он ни за что не снизойдет и до крупницы информации. Я бы честно забила на все дерьмо, если бы не эти его глаза. При посторонних сохраняют хлад. Наедине пестрят чем-то пронизывающим.

Рейдж начал это. Подкидывает в мою топку поленья, чем бросает вызов: «Давай, докопайся до истины».

И все же я не одержимая. Границы не пересеку, в грезах не увязну — на переднем плане работа, без отклонений с маршрута. Не дай бог этот гребаный мужчина решит выпнуть меня отсюда. Я его задущу — заслуженно. Запудрил мне мозги.

Ребята купили торт в городе: привезли его в честь праздника, упомянутого утром. В этот вечер я действительно забыла обо всех бедах, наслаждаясь сладким, жадно поглощая ложку за ложкой, с чего Кастор хихикал. Мы провели чудесные часы, приступив к важному: сплочение. Рик, похоже, не обиделся на мою взбалмошность: показал, как вести себя не стоит, но недопониманий между нами я не выявила.

Они вытянули все, вплоть до знака зодиака — рак. Несложно догадаться, какой вопрос посетил меня: когда день рождения у Рейджа? Но судьбой решено узнать лишь астрологические метки соседей: Рик — близнецы; Кастор — стрелец; Джастин — скорпион. Говорит ли мне это о чем-то? Совершенно нет. Я не разбираюсь и слабо верю, придерживаясь рациональности. А вот Джастин верит с лихвой: деликатно рассказывает о прошлых отношениях и вечно уточняет знаки зодиака партнерш. В любви ему не особо везет...

Я узнаю о работнике с задержками в развитии, что убирается в столовой. Трогательная история. В отряде капитана Фога есть солдат Рой Уилсон. Он крепко дружит с тем парнем, а потому, поступив на базу, попросил О'Коннора взять друга, в качестве услуги — у несчастного нет родных и близких, Рой у него один, а товарищей не бросают. Полковник милосерден — потому согласился. Вот они и довольны, держатся друг за друга, не разлей вода.

Но в любом свете есть тьма.

Родителей парня кто-то жестоко убил, когда тот был ребенком. Рой мечтой горит — найти безнаказанного убийцу, чтобы тот поплатился сполна. Зол на несправедливость жизни лучшего друга. Надеюсь, все у него получится, потому что правосудие должно побеждать.

Это я произношу и для себя, перед сном, после прогулки до госпиталя ради противозачаточной таблетки. Хорошее наступит. Рейдж поймет, что от меня не избавиться, и прекратит игры. Будет относиться так, как относится к другим членам отряда. Ведь будет, да?

Будь сильной, не плачь ни при каких обстоятельствах, концентрируйся на деле. Будь сильной, не плачь ни при каких обстоятельствах, концентрируйся на деле. Будь сильной, не плачь ни при каких обстоятельствах, концентрируйся на деле.

Рутинная мантра по пробуждению, опять же.

Кастор снова мажет мозоли специальной мазью, как позаботился и вчера. Обматывает руки эластичными бинтами и хлопает по плечу с улыбкой:

— Как новенькая!

На улице дождь тут же мочит тугие косы: с хвостов течет. Я грустно вздыхаю, выжимая влагу перед столовой. На этот раз запикиваю в себя еду за минут пять, параллельно кивая на пустые разговоры парней. Они поджимают губы от моей суетливости, и Рик вздыхает:

— По прямой от общежития, вдоль оперативного центра, в конце базы три дома. Номер один — дом Рейджа.

Ну конечно, этот дьявол обязан был получить почетное место, чтобы потешить эго! Я заранее злюсь на капитана, предвкушаю изощренные мучительные команды, которые приходят в его больной мозг за долю секунды. Хлюпаю ботинками по асфальту: вода лежит идеальной гладью, на пару миллиметров выше. Вокруг подошвы разлетаются брызги. Не хочу в Аппель, ведь там безнадежно в аспекте работы, и хочу туда из-за тепла. Грелась бы под лучами солнца — главное выбрать общественный пляж. А то пробралась как-то к уединенному и застыла: парочка средних лет друг друга вылюбливала с рвением и обожанием. Я была совсем юной! Никто не оплатил мне психолога: сбежала, красная, как сочный томат.

Наконец показываются три жилища: компактные серые домики с плоской крышей, на расстоянии двести-триста метров друг от друга. Кубики. У каждого дома вход с разных сторон, рядом с которым написано число. Первый — самый дальний. Я не оставляю энтузиазма, не сбавляю скорость, шурую прямо к нему, планируя постучать, но железная дверь распаивается сама: за миг до того, как поднялась бы моя рука. Рейдж нагибается под проемом, выходя на улицу, и замирает. Создает зрительный контакт и молчит, явно озадаченный. Будто рисует себе исходы, модели поведения. В нем нет агрессии, нет шока, есть, скорее... что-то по типу: «Ты конченная дура, Ривер». Я похожа на грибочек в лесу перед медведем. Он с легкостью схватит меня и швырнет через этот семиметровый белый забор. Мои руки плотно сложены по швам — я пропущу то, как кончики пальцев дрожат из-за нервов. Подбородок смело поднят. Демонстрирую, что готова. Рейдж жмурится и выдавливает через зубы:

— Я дал тебе приказ: свалить к хренам.

Не отвечаю. Мне ведь запрещено беседы вести. Он каменеет и грубо захлопывает дверь пяткой, бая:

— Пошла вон. Сейчас же.

Не дожدهшься. Я ступаю за ним, подстраиваясь под быстрый, чеканящий темп, который ведет к заасфальтированной главной дороге. Полагаю, мужчина меня не замечает, считает, что я застопорилась у дома — это подтверждается, когда он поворачивается и вспыхивает пущим раздражением, на ходу.

— Отвали от меня, Ривер. Я не буду тебя тренировать, ты не в моем отряде.

Я неизменно безмолвно двигаюсь за ним, наверняка имея взгляд щенка — потому что сейчас, судя по его настрою, я действительно начну умолять не выкидывать меня отсюда.

И мой нос влетает в бронежилет, когда Рейдж резко поворачивается, прекращая безудержную ходьбу. Я издаю какой-то невнятный звук от неожиданности и задираю голову,

упорно смотря в скрытое лицо капитана. Что, если он блондин, а брови просто красит для устрашающего эффекта? Или рыжий, как Кастор? Я рассмеялась бы, будь это так.

Но сейчас смех не поступает, ведь меня прожигают ненавистью. Вокруг нас никого: люди заняты завтраком. Капли дождя бьются так же быстро, как мой пульс. Нехилый такой адреналин: драконить этого разъяренного мужчину.

Рейдж прикрывает глаза и вбирает кислород: широкая грудь громоздко вздымается. Со стороны это даже комично: то, как я ношусь за ним, словно ужаленная.

— Я заставил тебя отжиматься до изнеможения, Ривер, — напряженно хрипит, распахивая длинные ресницы, — Почему ты до сих пор, черт возьми, не сбежала в слезах?

Он придурок? Я от непростого дня плакаться должна? И Рейдж признал, что намеренно вынуждал страдать: кажется, до него доходит суть вырвавшихся слов, и он явно собой недоволен. В моем резвом голосе сквозит толика обиды:

— Я не такая слабая, капитан. Разрешите приступить к следующей тренировке.

Рейдж заносит ладонь, протирая пальцами веки в усталой манере. Будто я его личная проблема: хотя так и есть, очевидно. Ничего, перетерплю. Привыкла являться ошибкой, так что мужчина меня не поразил: мог бы поинтереснее что-то придумать.

— Если не разрешу, ты не отцепишься, верно? — цедит сквозь зубы.

О, ты только смекнул?

— Не отцеплюсь, капитан, — твердо подтверждаю, — Я приехала на миссию, и я настроена к ней готовиться. Пожалуйста, отдайте приказ по сегодняшнему распорядку занятий...

— На миссию, — усмехается, злобно качнув головой и отведя взгляд к администрации, — И чего ты ожидаешь от нее, Ривер? Что, по-твоему, тебе нужно будет делать, а?

Эм... простите? Ну, убивать кого-то? Вытащить ценные бумаги? По-тихому пробраться в центр врага? Вариантов масса.

— Без разницы что — я сделаю, — нахожу единственный верный ответ, — Поэтому прошу подготовить меня, чтобы я выполнила работу отлично.

Он считает, что я непригодна для серьезных задач. Уверен, что сорву операцию. Но это не так: я ведь все-все сделаю, чтобы быть полезной, никого не подвести. Рейдж не верит — это пускает звенящую боль в сердце. Он напityвается большей тьмой и ядовито выплевывает:

— Ну пойдем, подготовлю. Посмотрим, как долго протянешь.

Ура! Любимая шоу-программа: «Уничтожь Ривер Акосту». Я ненормально, потому что расплываюсь в улыбке: от того, что он все же не потащил меня силком к полковнику. Знаю, что через час буду блевать от перегрузки, но пока что счастлива. Темные брови Рейджа ползут вверх. Он шумно выдыхает и бормочет:

— Твою мать, — после чего дергает меня за локоть, дабы не отставала, и низменно предупреждает, — Хочешь тренироваться? Будешь. Целый день. Пока рыдать не начнешь от боли.

Ой, какие мы грозные...

Он моих слез не застанет: иначе правда соберу манатки и уйду с позором. Я сюда не нюни пускать приехала, так что что бы он ни выкинул — своего не добьется.

Меня мутит от вида стадиона: благодаря Рейджу и его жесткой хватке на моем предплечье, мы переместились с одного конца базы на другой за считанные минуты. Он отпихивает меня, когда подходим к тому же месту, где были вчера, и рычит:

— Упор леж. Ты знаешь, что делать.

Я покачиваюсь и едва ли удерживаю свой вес из-за силы толчка. Сбоку, в метрах пятисот, слышатся активные шумы: поворачиваю голову и вижу военных, выходящих из столовой. Там же Джастин, Кастор и Рик. Рыжик машет, но жест превращается в нечто размытое, потому что меня хватают за шкурку и кидают на землю с подавляющим, рваным криком:

— Ты меня, сука, не поняла или что?!

Ахренеть не встать.

Я имею в виду: физически не вставать. Он мне ребра отбил об асфальт. Тело зудит от удара, но я сама напросилась, так? Занимаю планку, пребывая лицом прямо над носками берцев. Ладони горят: не очень приятно беспокоить мозоли. Икры ног забиты и трясутся. Он не позволил мне размяться. Хоть как-то подготовиться к предстоящему. Сама виновата: надо было сделать зарядку перед завтраком. Урок на будущее.

Я стискиваю зубы и сгибаю непослушные локти. Бинты, завязанные Кастором, промокают, раны гудят. А Рейдж ведет счет уничтожающим тоном:

— Один.

Спасибо за помощь, капитан. Вы такой добрый и милосердный — вовек благодарна буду. Сарказм — защитная реакция. Вот моя психика и спасается, пытаюсь придать ситуации юмор.

— Два.

Заставить бы Рейджа отжиматься. Он там не фанат этого упражнения? Что, ручки слабые? Поролон подкладывает, мышцы создает?

— Три.

Задницу подотри, мудень. Ненавижу тебя.

— Четыре.

Дерьмо в сортире, ублюдок.

— Пять.

Он нарывается на маты?

— Шесть.

Меня колошматит. Я и сорока раз не осилю. На улице холодно, но ощущаю себя в пекле ада — и мной занялся сам сатана. Боже, как же невыносимо.

— Семь.

Вспоминаю прошлую жизнь, сбегая от реалий. Продлеваю свою выдержку. Помню, как хныкала и умоляла родителей не отдавать меня в кадетку. Еще и с проживанием. Они не забрали меня на выходные, объясняя это тем, что я недостаточно потрудились для награды. Мне было восемь лет. Всего восемь.

С тех пор постоянно перерисовываю мамину кухню. В доме не было эмоционального тепла, поэтому я искала физическое — от кастрюль и кипящего чайника, допустим.

Помню, как мне немного понравился мальчик. Помню, как мычала в подушку, когда он высмеял мои рисунки перед друзьями. Мы были подростками, и я тяжело перенесла сей инцидент. Прекратила рисовать мечты: себя на выставке в картинной галерее. Поставила запрет на пустые фантазии, даже на бумаге.

— Пятнадцать.

Помню, как впервые попробовала шоколад — в четырнадцать лет. У девочки в казарме было день рождения, и она оставила открытую коробку с конфетами на кровати. Я чувствовала себя воровкой, но не удержалась: стыбила одну штучку. Это было раем. Почти накинута на другие, однако вовремя себя сдержала или услышала приближающиеся шаги в коридоре. Именинница с подружками вернулась как раз в тот момент, когда я как ни в чем не бывало легла на кровать, вытерев уголки губ от сладости. Поймай они меня с поличным, еще бы хренову тучу времени подкалывали.

— Двадцать пять.

Было раз: паренек ударил. Я услышала не то, что можно было. Находилась в комнате с инвентарем, в спортзале: поручили там порядок навести. Складывала маты аккуратно, друг на друга, и раздались голоса. Они обсуждали всякую запрещенку, а я, от растерянности, гантель случайно задела: она грохнулась на пол звонко. Придурки зашли, в угрозы кинулись. Напоследок по щеке получила знатно, чтоб наверняка. Я ведь не стукачка: никогда за мной подстав не водилось. С чего решили, что заложу их?

— Тридцать два.

Рубеж. Внутри я кричу на свое тело за слабость. Руки не выдерживают. Падаю с шипением, лбом к ботинкам капитана. Он не дает передохнуть — ударение сами ставьте. Опять берет за воротник формы и тянет, как котенка, на отнимающиеся ноги. Я тяжело дышу и глотаю, нуждаясь в воде: хоть с луж пей. В глазах Рейджа очередная порция чего-то смешанного, непонятного, грустного. В голосе — привычный гнев.

— Домой, курсантка?! Все, кончился характер?!

Ой, да завались ты со своим «домой». Что пристал?

— Никак нет, сэр, — настырничая, по-глупости язвя.

Он, похоже, смыкает челюсть. Зашейте-ка мне рот. Что я сморозила и в какой интонации?

Рейдж перехватывает меня: теперь за переднюю часть воинской рубашки берется. Приподнимает без проблем, заставляя терять землю из-под ног: касаюсь только носками. Я хлопаю ресницами в замешательстве, а он наклоняется, выпуская тихое и убийственное:

— Огрызаешься, Ривер?

Я с трудом глотаю кислород и кое-как переступаю ботинками на миллиметре асфальта. Может, мне довести его до точки кипения? Убьет и дело с концом. Отмучаюсь. Куда лучше, чем к матери в город возвращаться.

— Нет, простите, — задушено шепчу.

Мужчина выискивает во мне намек на слезы: не находит. Его не устраивает безрезультатность собственных пыток, поэтому он проворачивает ту же схему: припечатывает меня к земле с хорошо-известным приказом.

— Заново. Три подхода по сто раз. Приступай немедленно.

Ладно, мышцы урвали секунды отдыха. Я встаю в проклятую планку и чувствую головокружение от боли в руках. Вот, как это работает: если размышляешь о том, что тебе тяжело, то станет еще хуже. Нельзя себя жалеть. Потому исполняю приказ: рот сжимаю, опускаюсь и поднимаясь с дрожью. Рейдж агрессивно добивает:

— Попадем на миссии к врагу. Мои ребята пострадают, а ты целенькой останешься. Как их вытащишь, а?! Или бросишь товарищей?!

Мы с парнями мало знакомы, но я уже за этих троих поперек танка встану, к дулу прижмусь, чтобы в них не попало. Я не сумасшедшая. Я просто не та, кто свою задницу ринется спасать, когда другие задницы в опасности.

— Не брошу, — тихонько отвечаю с заиканием.

Теперь меня колотит в том числе и от дождя: бинты пропитались кровью и влагой, отчего кожа заледенела. К тому же косы эти несносные болтаются по бокам, макая концы в лужи. Терпеть. Надо терпеть. У меня сарказм иссяк, а это плохо. Ломаюсь постепенно.

— А что сделаешь? — жестоко указывает и, к счастью, отходит к скамье, — Хлипкая вся. Безнадежная.

Это неправда.

Я не такая. Я не безнадежная. Нет. Почему он так говорит? За что?

— Я в тебя не верю, Ривер, — нахлестывает равнодушным тоном, — Ты абсолютно ничемная, слабая девчонка. Ни на что не способна.

Я способна. Я не слабая. Я старательная. В меня можно поверить. Я не совсем ужасная. Скажите, что он лжет.

— Ты не боец. Ты — хлам. Тебе здесь не место, — буквы вонзают ножи в сердце, которое бешено колотится от не утихающих отжиманий.

Я — хлам? Я не хочу быть мусором. Я хочу быть нужной. Я хочу быть полезной. Я могу быть полезной.

— Уже плачешь, Ривер? — усмехается Рейдж.

Я замираю в искалеченной планке. Да, мои зубы прыгают друг на друга: то ли от холода, то ли от горя. Но я не реву, как бы все к этому ни шло. Как бы ни просилось выпустить нако-

пившееся. Теперь я думаю, что плачу довольно часто, несмотря на покой в лице. Так ведь оно и бывает: мы все носим маски. Кто-то более успешно, кто-то менее. Я наловчилась маску не снимать.

— Нет, капитан, — шепчу, принимая на спину непогоду.

— Ты считаешь, я тебя не вижу? — говорит про душу.

Это разрывает на части. Я выхожу из упражнения с болезненным стоном, переваливаюсь на зад и горько бормочу тому, кто недвижимо сидит на скамейке:

— Вы не видите, — мотаю подбородком, — Вы ничего не видите, Рейдж. Вы меня не знаете. — в эту секунду мне плевать, как глупо и наивно я звучу, — Вы возомнили, что имеете право давить меня, а все, что я делаю в ответ — пытаюсь доказать Вам себя...

— Ты не докажешь, — ровно перебивает, глаза в глаза, — Я координирую тебя наперед: ты не сможешь исправиться передо мной. Каждая твоя тренировка будет ужаснее предыдущей.

Его изумрудный взгляд пронизывает меня насквозь. Я вниманию предостережение с терзанием, а мужчина полагает, будто справился с задачей: убил и сломил. Он вбирает кислород и встает, планируя уйти. Ставит точку.

— Уезжай отсюда. Сейчас стало яснее: я жить тебе здесь не дам.

Голос хранит в себе твердость, как и шаги от меня.

Но это не точка. Это всего лишь запятая.

Я бездумно подрываюсь с земли, спотыкаясь в воздухе, и бросаюсь за ним что есть мочи. Огибаю двухметровое тело и торможу перед широкой грудью, что вынуждает Рейджа опешить. Он, похоже, на мгновение теряет дар речи. А я тараторю с хрипом из-за пересохшего горла и мороза:

— Наша тренировка должна длиться целый день: Вы так сказали. Отдайте новый приказ по упражнениям, а потом уходите, если так уйти нужно.

Капитан молчаливо изучает мой разбитый, отчаянный вид. В нем снова возникает сожаление: я знаю, что это именно оно, потому что никто прежде так на меня не смотрел. Я выучила отсутствие чувств, наизусть знаю то, как это проявляется — у Рейджа нет подобного, и я себе не лгу. Ему совестно, он хоть какую маску наденет — врать не наловчился, либо со мной не получается.

Его ресницы опускаются во время негромких, будто нежеланных слов:

— Бегай. Без остановки. Если приду и увижу издалека, что отдыхаешь — сам пойду к полковнику. Все поняла?

— Поняла, — рвано киваю, — Спасибо.

Он дергает головой и обходит мою маленькую фигуру, совсем скоро скрываясь за зданием общежития. Я пытаюсь выкрутить все в позитивное русло, пошутить: «Ну да, халтурщик, устал надзор вести». Но у меня не выходит. Озираюсь на бордовый стадион, кусаю губы и уговариваю с надрывом:

— Не думай об этом, Ривер. Просто делай что должна. Пожалуйста, не думай. Будь достойной.

Я беру медленный темп, чтобы не сдохнуть через два круга. Иногда меняю на ходьбу, позволяя себе тридцать секунд перерыва, в который молюсь не нарваться на возвращение Рейджа. Полчаса, час, полтора, два, два с половиной — его нет. Тут вообще никого нет: солдаты сидят на базе, ожидая военных операций. Никто их не гоняет так, как Рейдж гоняет меня: они не курсанты, а взрослые наемники. Промозглое одиночество, скребущее кожу когтями.

Двадцать один год жизни. Из них четырнадцать лет я ненавижу эту самую жизнь. Но больше всего и всех я не выношу себя: за то, что не умею быть правильной. Разве сложно перестать питать иллюзии? Не видеть во снах другие дни, другую себя? Там, в неизведанном мраке, в удивительном забвении, я продаю картины, рисую в свободной студии, хожу по выставкам.

Как бестолково. Кто я, чтобы быть признанной? Кто я, чтобы сметь показывать себя миру? И есть ли что показать? Рисунки невнятные. Кому они сдались?

Война — тут я могу себя проявить. Я могу защитить. Могу сделать что-то существенное. Это не фантазия. Это реальность. Это осязаемо. Ты имеешь возможность потрогать ледяной автомат, а к idiotским мечтам прикоснуться нельзя — на них только молиться, на них лишь грезить.

Есть ли способ отрезать от себя прекрасные сновидения? Они приносят вред, когда просыпаешься. Потому что понимаешь: ничего из увиденного тебе не светит.

Я продолжаю бег.

А Рейджа все нет. Уйду — он пойдет к полковнику. Этого ведь и ждет: припрется вечером, не застанет меня и вышвырнет. Я недооценила его навыки истязаний. Оказывается, хуже бесцельно наматывать стадионные круги, чем изнемогать от упора лежа. Вариантов он мне не подкинул: потому не сдаюсь. И не сдамся.

«Мамина

кухня»

-Ривер.

Глава 4

Я и не знала, что лежать может быть так приятно. Кошмарно-забитые ноги свисают, парят в невесомости. А вот руки прижаты к груди. Под затылком что-то твердое, как и перед носом.

Неестественное положение для кровати.

Слух улавливает тяжелые шаги. Словно мое тело движется куда-то вместе с ними. Я так хочу пробыть во сне еще несколько часов, потому что кошмарно устала от непрекращающегося бега...

Черт возьми!

Мои веки распахиваются, а торс дергается в дезориентации, пытаюсь уловить суть происходящего: всего слишком много. Звездное небо над головой, чужие руки, подавленный хриплый голос.

— Ривер. Лежи.

Я стараюсь проморгаться, мышцы ноют, кислорода нет, несмотря на обилие прохладного ночного воздуха. Рейдж собственной персоной держит меня на предплечьях, прижимая к своему бронежилету.

Что, мать божья, творится?

Моя челюсть ни разу не отпадала так надолго.

От него исходит физический жар — я перемерзла, поэтому любой источник тепла жадно выпитываю. Вместе с тем Рейдж извергает лед — душой. Если она у него есть, конечно.

Взгляд не опускает, смотрит исключительно перед собой. В крепкой хватке нельзя отыскать покой, но безопасность так и сквозит. Он не дает опомниться: заносит в какое-то здание, в тепло. Я кручу головой, которая болит, и вижу холл столовой — через секунду и саму столовую. Тут никого нет: свет горит лишь у раздачи. Белые лампы застилают малую часть помещения, тогда как в остальной мрак. Рейдж пихает стул ногой и ловко садит меня на него, будто я кукла с весом сто грамм, после чего уходит в приоткрытую дальнюю дверь.

У меня до сих пор нет слов.

Абсолютно все, от макушки до пят, зудит и дрожит. К тому же одежда мокрая насквозь: вплоть до белья, я чувствую. Одни ступни сухие: берцы, выданные здесь, рассчитаны на обилие осадков и защиту от них. Я растерянно пялюсь на серый кафель — к нему стекает вода со штанов и рубашки, образуя подо мной лужу. Пялюсь на тактические потертые наручные часы: близится к одиннадцати вечера. Я помню, как изнашивала себя с утра, не останавливаясь ни на секунду. Помню грустные взгляды Кастора, Джастина и Рика. Они успели пообедать и поужинать, пока я продолжала исполнять приказ. Зато могу похвастаться: вроде как теперь точно бегать умею до талого.

Последнее, что сохранилось перед глазами: размытая вечерняя синева. Было около десяти вечера. Меня вырвало от перенапряжения, а потом... потом пустота. Я потеряла сознание? Значит, Рейдж увидел, что я халтуру, и ответит к полковнику? Эта страшная мысль вяжет узел тревоги вокруг шеи, как удавку, и я окончательно утопаю в смутной неразберихе, отчего не замечаю появление капитана. Он с лязгом ставит передо мной две тарелки чего-то съестного. Хватает второй стул и валится на него в чрезмерной агрессии, вытягивая ноги по полу и опуская голову. Пожалуй, мне лучше расспросить позже. Попробовать убедить его не выкидывать меня с помощью послушания: молчать, если не сказано отвечать. Я облажалась. Не вынесла испытание. Нужно было продержаться еще полчаса — он бы застал мой бег. Я бы доказала свою стойкость, доказала, что имею право быть здесь. Все было напрасно. Я заставляла себя не сдаваться, и это пошло насмарку.

« — Если ты не довела дело до конца, то в твоём труде не было смысла, — воспитывает мама, тыкая в книжонку, — Тут так написано, Ривер. Ты меня слышишь? »

Я сижу на ковре с узорами, ковыряя кисточку угла. Раскраски выкинули. Мои любимые раскраски. Врубили радио погромче: там все о какой-то ссоре. Дяди поругались: один самый плохой, а второй самый добрый. Мирить их мы должны.

— Стране служить — наш долг. И ты долг исполнишь. Всю жизнь мы слепы были. Нахлебники Родины. Пришло время отблагодарить.

Она не вела такие разговоры еще месяц назад. Потом что-то стряслось, везде трещать об этом начали, и мама изменилась. Папа вслед за ней. 2033 год — в школе на полях всегда дату пишем, так что я знаю, я точно знаю, что сейчас именно такие цифры. А дома телевизор пропал: папа там его куда-то отнес, со словами:

— Во благо, в помощь, мы то и радио обойдемся! В моей молодости только оно и было: жили бедно. Но как хорошо то, что телека не имелось! Детство замечательное. Настоящее».

Они с ума сошли. Война с Верессеки всколыхнулась вновь, агрессивная политика со всех щелей лилась — и им в головы проникла всецело. Стычки прекратились, когда я еще не закончила третий класс в кадетке, но меня все равно не забрали — в будущем то точно понадобится снова. Вот оно, мое будущее: наедине с Рейджем, в столовой, вымокшая, как собака, не совершившая за двадцать один год ничего путного. И не получится совершить. Он меня с позором выпнет отсюда, как доем. И это осознание, это отчаяние, берет верх. Я направляла себя в сторону молчания, но горе главенствует. К тому же без разницы уже: терять нечего.

— Капитан, — обращаюсь и подмечаю, что звучу отвратительно жалко.

Беру паузу. Рейдж не обращает внимание. Смотрит перед собой, вытянувшись на стуле. Свет над раздачей, к счастью, задевает его лицо. Иначе бы не уловила эмоции. Пока их нет, кроме глубокой задумчивости и злости. Надеюсь, появятся другие. Хоть какие-то мягкие. Мне это очень нужно.

Я набираюсь смелости, ерзаю на коричневой обивке — она поскрипывает, заполняя беззвучное пространство. Лишь наши дыхания, лишь мой пульс в висках и треск кож.зама. Мне так интересно: закусывает ли Рейдж губу, вровень мне? Имеет ли такую привычку? Пухлые ли у него губы или тонкие? Какой у него нос? Переносица идеально ровная, слишком симметрично. Что там, под этой чертовой маской? Он не может быть некрасив: глаза слишком выразительные, большие, глубокого оттенка. Не встречала никогда подобных. Брови яркие. Играй я в казино, поставила бы все фишки на то, что ему открыта дорога в модельное агентство. Жаль, что так и останусь витать в догадках. Либо на базе, либо в Аппеле.

От него зависит.

— Если я вернусь домой... — произношу сдавленно и убито, — Вам ничего не даст моя история, я понимаю, Вам неинтересно, и Вы сочтете, что давлю на жалость. Я не лжец, потому признаюсь, что правда прошу Вашего милосердия. Пожалуйста, выслушайте меня напоследок...

Он слегка поворачивает голову, обводя мою болезненную фигуру медленным, недоверчивым взглядом. Для него странно то, что я выкидываю. Сам то он душу не изливает, покрыт тайнами, не раскроет их даже под дулом пистолета. Более чем уверена, что чье-то сокровенное капитан тоже отвергает. И все же, вновь демонстрируя лишь профиль, мужчина кивает.

Я ему руки бесчеловечные расцелую за позволение поделиться, серьезно. Есть вероятность, что Рейдж просто хочет унижить меня в сотый раз, но наивность желает верить в иное. Что в этом гребаном мужчине содержится хоть процент доброты. Знаю, не во всех людях живет свет. Взять тех же самых Верессеканцев: ублюдки, которых вырезать пачками нужно. Но Рейдж не ужасен внутри, я в это не верю. Да, он отдавал шокирующие приказы. Да, угнетал. Да, разбивал. Однако глаза, цвета елового леса, этого не хотели: в них боль проскальзывала. Сейчас в них царит недовольство: от моей исповеди оно или возрастет, или спадет. Узнаю через минуту.

— Родители отправили меня в кадетку в семь лет. Они наслушались новостей разных. Настроили защищать страну.

Каждое слово вымученно. Я почти ни с кем не делилась личным много, а тут разом начала. Да еще и с человеком, который меня ненавидит. Я готова к насмешкам. Готова к ужасным тренировкам изо дня в день. Главное — сохранить место.

— Я стремилась к этому четырнадцать лет. Усердно зубрила теорию. Сейчас выпал шанс на практику. Рейдж... я ничего прочего не умею, — подрагивающий голос тихо сочится в глухом помещении, вызывает к мужчине в чистейшей искренности, — Если Вы отправите меня домой... там меня ждет безнадежность. Неоправданные мамины мечты. Я задышала, когда узнала, что удостоилась быть на базе «Эйприл». Прошу Вас... не надо меня отстранять, — жмурюсь и сжимаю ложку, прижатую к дну тарелки с разогретым пюре, — Я вас не подведу на миссии. И отжиматься триста раз научусь...

Рейдж сводит брови и приковывает ко мне резкий взгляд, вдруг перебивая:

— Ривер. Чего ты хочешь?

Бесполезно. Он не отступил. Я смачиваю иссохшие губы и пробую с пущей тряской:

— Доказать, что...

— Нет, Ривер, — хрипло настаивает, не разрывая зрительный контакт, — Я не спросил чего хочет твоя ненормальная мамаша. Я спросил: чего хочешь ты?

Что? Его вопрос пробирается к сердцу, как если бы мне вкололи укол с ядом: стремительно распространяется по венам, отравляя плоть. Чего я хочу?

Меня... меня никто об этом не спрашивал. Почему эти слова такие тяжелые? Почему слезы так резко подкатывают к горлу? Я не знаю что это, но по ощущениям вот-вот случился истерика. Прикрываю ладонью рот, как будто замычу, и туплюсь в стол. Словно Рейдж ткнул в какую-то рану иглой, разворошил что-то ужасное. Удастся проконтролировать плач: по щекам не бежит. Капитан мне мозг сломал. Неизведанное лопнуло и врезалось осколками в череп.

Чего я хочу?

Чего хочу я?

Какие глупые ответы лезут в ум. Много холстов для рисования и склад с мармеладом, со сладостями. Я бы не выпускала карандаш, параллельно жуя вкусности.

Нельзя рассказывать. Натуральный позор.

Но Рейдж не заставляет делиться. Сурово выдыхает, морщится и встает со стула. Отдает четкий приказ:

— Завтра ты отдыхаешь. Спи, лечись. Еду тебе в комнату принесут. Послезавтра встречаемся в восемь утра на спортивной площадке: по делу тренировать буду. Беру тебя на свою операцию, которая через неделю пройдет. За нее тоже заплатят, если выполнишь все хорошо. Сейчас доедай, иди за таблеткой в госпиталь, а затем в кровать без ответвлений. Молча кивни, если поняла.

Я гляжу на него, задрав нос, в приступе счастья, в безмерной благодарности, и часто киваю, напропалую. Он серьезно? Это правда? Кое-как не бросаюсь с уточнениями, стискиваю зубы, дабы заткнуться. Еще и на операцию возьмет? Ушам не верю. Через неделю. Первая миссия в жизни. Я не бесполезная. Я себя проявляю. Господи, храни капитана Рейджа!

Мужчина разворачивается и планирует оставить меня в одиночестве, удаляясь в напряжении — в нем нет и толики счастья от озвученного решения. Себя ненавидит за то, что все же не выпроводил курсантку с манатками на выход. Я не знаю что заставило его сжалиться, но это неважно. Я тут. Большого мне не требуется.

Смотрю на двухметровый шкаф с обожанием — не думала, что смогу к нему испытать такие рьяные чувства. Но Рейдж неожиданно тормозит в проеме арки и для чего-то добавляет, стоя ко мне массивной, выточенной спиной:

— Я тебя не бросал намеренно на стадионе. У меня дела появились, успел вне базы задание выполнить. О тебе забыл, — негромкий, зажатый голос, — Мне передали, что ты сутки бегала, — он затихает, прежде чем гневно добавить и окончательно уйти, — Идиотка.

Грубая похвала. Оказывается, такая существует.

Ребята не спали, когда я вернулась: искалеченная и хромающая. Они, мягко сказать, опешили от представшей картины. Джастин ворчал, подбирая не грубые выражения в сторону капитана:

— Это... просто... кошмар.

Кастор потащил в душ, где прижал меня к раковине и промывал раны на ладонях. Он возвышался, демонстрируя свои красивые плечи в облегающей черной футболке, и долго молчал, что ему несвойственно. Я подавила стон, когда антисептическое средство брызнуло на мое грязное мясо. Боялась заговорить о Рейдже вновь, ведь в прошлый раз меня пресекли. Но рыжик сам прошептал:

— Он бы так себя не вел, Ривер.

Я нахмурилась, ощутив новый укол головной боли. Тело еле держало: спасибо парню и его бедрам, которые впивались в мою спину.

— Что ты имеешь в виду? — тихо произнесла, пока мои воспаленные ладони продолжали обрабатывать на сто раз.

В раковину стекала обеззараживающая жидкость и кровь. Дверь была закрыта, но Кастор все равно кинул на нее проверочный карий взгляд. А после тихо произнес в зеркало, чтобы поймать со мной зрительный контакт.

— Я не знаю. Но что-то не так. Поэтому он такой.

Я бы хотела поразмыслить о его туманных выводах, но физически не смогла: отрубилась через секунду пребывания на подушке. И снились мне зеленые глаза. Изучали меня непрерывно. Пристально. Я и сама не могла от них оторваться. Пылала. Смущалась, что, черт возьми, стыдно и неадекватно.

Именно поэтому я приступила к рисунку по пробуждению. Не устояла. Творческая натура вынудила схватиться за карандаши. Мозг сигнализировал: «Нарисуй уже и угомонись. Тебя цепляет чисто с эстетической точки зрения, ничего большего». А вот сердце сигнализировало абсолютно иное.

Парни, к счастью, ушли по делам, предоставив мне свободу действий.

Я делала наброски и вздрогнула от стука в дверь. Почему-то решила, что это Рейдж, и сразу волнительной испариной покрылась. Но это была женщина в возрасте из столовой — принесла еду. Я поблагодарила с неловкостью и отчего-то ощутила грусть. Глупо было предположить, что сам капитан подаст завтрак, проявит заботу. Однако... помечтать я себе позволила в кои-то веке.

Представляла, что он рядом. Я не думала дальше, не фантазировала о том, что именно мы делаем. Просто воссоздавала его образ впритык ко мне. Зачем? Без понятия. Но от этого пульс громышал.

Его крепкие руки, то, как он держал меня, затишье в столовой, момент искренности — будто странный сон. Однако в него хочется возвращаться. И я попыталась сделать это, посвятив два часа листу бумаги. У меня не имелось желания рисовать маску. Сочинять внешность тоже не казалось привлекательной идеей. Так что я занялась тем единственным, что открыто. Тем, что будоражит до мурашек. И даже от созданной картинке в горле образовывалась сухость. Не дай бог Рейдж увидит это. Не дай бог.

В конечном итоге все превратилось в максимально тупую картину: лежала на кровати и пялилась в результат трудов. Вытягивала руки со альбомом так, чтобы нарисованные глаза Рейджа нависали, будто мужчина между коленей моих расположился, сковывая мое тело крепкими предплечьями, прижав их к матрасу...

Хватит!

Вчера, потеряв сознание, видимо ударилась головой. С ума схожу. И потому определяюсь, что нужно отвлечься от бредней. Плюс ко всему опять вернулись те многочисленные вопросы, те загадки, заполнив мысли, а это уже невыносимо!

Четыре стены могут сделать из тебя псих.больного. Пройдусь и в себя приду. С чего бы мне вообще представлять Рейджа сверху? Пубертат начался? В двадцать один год? Но ведь других парней я не представляю, мне неприятно. Или, дело в том, что я за всю жизнь лишь целовалась однажды? Потребность в мужчине зашкаливает? Ни разу не тянуло, а тут бахнуло.

Хотя, вдаваясь в подробности... нет, я Рейджа боюсь. У меня кислород кончается от этих самых секундных подробностей, пролетевших в голове. Он бы меня разорвал на части, в клоуна. Хвала небесам, что у него такой тяги не имеется. Я ему как минимум омерзительна. Да и у меня истинной тяги ведь нет. Все о чем-то тупо думают, но того не хотят. Рейдж мне не симпатичен ничуть.

Проверю-ка себя на сотрясение в госпитале, сегодня, когда отправлюсь за таблеткой.

А пока изведую спортивный зал: четвертый день тут, а еще не ходила. Заниматься не буду. Осмотрюсь только, может разомну мышцы забитые легкой зарядкой.

Надеваю черные лосины и голубую футболку. На ноги серенькие кроссовки. Волосы не заплетая: косы осточертели. Девушки ухаживают за собой: покупают разные маски, спреи, помады. У меня в косметичке только щетка зубная, расческа и резинки. Выгляжу хорошо, благодаря питанию правильному и спорту бесконечному, но... накраситься хотя бы раз хочется. Посмотреть, какой стану. Обидно, что не суждено.

Я не страдаю от своего одиночества. Не оставалась обделенной симпатией: ко мне ее проявляли порой мальчики. Никто не дразнил за внешность. Знаю, что не уродлива. Просто один придурок сломал для меня идею отношений по щелчку пальцев. Первая любовь... или не любовь это была, а увлечение подростковое. Парни всегда так делают: очаровывают тебя, цепляют, а затем медленно разрушают равнодушием. Общаются без усталости, погружают в себя, чтобы потом исчезать. Я выучила их схему на первом примере. Зачем повторять? Зачем снова болеть?

В конце еще и пала в отчаяние. Пыталась до него достучаться, получить хоть какие-то объяснения или четкий ответ: «Ты не нужна». Сидишь ночами и думаешь: «А может у него все-таки есть чувства, но сейчас много проблем. Он обязательно станет прежним через время». Тешишь себя пустыми надеждами. Тристан поступил жестоко. Я ему принесла рисунок неумелый — руки тряслись, когда держала карандаш. Там были мы, наш первый поцелуй, а ниже письмо. Он вырвал лист из моих мокрых пальцев и зашел в комнату к соседям. Показал творение всем присутствующим мальчишкам со смехом и гордостью:

— Акоста смотрите как втюрилась. А вы мне вечно: «О, никто на тебя не глянет!». Вот и любуйтесь: вам такого не сделают!

Я застыла. Тело обдало ледяным потом. Пятнадцатилетки взяли подарок и начали хохотать:

— Это че за порно? Ривер, а дай другие! Там ведь и трах нарисован, ага? Тристан, ты ее драл?

— Драл, — довольно кивнул брюнет.

Но это не было правдой. У меня дыхание иссякло, а там, в груди, плоть покрылась горечью. Старалась защитить свой альбом, но мальчики были сильнее: выхватили из липких ладоней и гоготали на каждой странице. Естественно не нашли то, что искали. Там мамина кухня была, пейзажи из снов, звездное небо.

Вечером сидела в общественной душевой, на полу, в углу, поджав ноги к груди. Малый свет от желтого уличного фонаря сочился из узкого окна под потолком. Позвонила отцу.

— Тристан сказал... он говорил, что я хорошая. Мне так никто не говорил, — из недр вырвался всхлип, за ним последовали рьяные слезы, — А потом отказался. Поступил... грубо...

Я не знаю, почему вывалила душу тому человеку, которому никогда не была значима. В такие секунды тебе требуется признание, тебе необходимо, чтобы кто-то подтвердил, что ты не сделала ничего плохого, что ты не заслужила дерьма.

Но папа скинул трубку. Он даже не поругал. Я частично ожидала ссоры, хоть и грезила об утешении. А он испарился. Повторюсь: так и поступают мужчины.

Поэтому я не терзаюсь отсутствием любви. Легче ни от кого не зависеть. Быть самой по себе. Те, к кому привязан, ранят до смерти.

Я трясую головой, избавляясь от прошлого, и спускаюсь по лестнице, на первый этаж. Оттуда новые ступени: еще ниже, к спортзалу. Перекидываю волосы на правую сторону, робко оглядывая помещение с тренажерами. Но у мужчины, появившегося сбоку, свои планы.

— Ривер Акоста, — ухмыляется он, сойдя с серой беговой дорожки.

Я узнаю это лицо. Синч: предводитель лысого отряда. Амбал, хоть и ниже Рейджа на сантиметров десять. Толстая складка на лбу, отполированная макушка, вес около ста десяти кило. Не уверена, как реагировать. Вовремя смекаю, что парней подставить нельзя: они рассказали про капитана фактически тайком, а официально мне его никто не представлял. Еще не хватало, чтобы из-за меня возникли проблемы: Кастора, Джастина и Рика окрестили слухоплетами.

— Да, это я, — отвечаю самое разумное, твердо стоя перед тем, от которого воняет за километр едким потом.

А от Рейджа мятой пахнет, если принюхаться...

— Воинское приветствие в кадетке отдавать не учили? — вдруг высокомерно басит, — Старший по званию перед тобой. Руку задрала живо.

Чего, простите? Этот мудень в мокрой футболке цвета дерьма шутит? Я вскидываю брови, так как не намерена подчиняться. Да, он капитан, но он не мой капитан, и его приказы исполнять я не обязана. Мне Рейджа-психопата достаточно. Я, может, и послушная, но только с теми, с кем иначе нельзя: мать, полковник О'Коннор и загадочник в балаклаве.

— Нет, — мирно отзываюсь, ведь не намерена сцен устраивать, — Здесь такое приветствие неуместно, и я не в Вашем распоряжении...

Мне не дают закончить. Огромная рука с силой хватается за горло и припечатывает к стене. Я стукаюсь спиной и затылком, теряю кислород, выкатив глаза в страхе, в то время как урод нависает надо мной, действительно желая удушить. Перед глазами сразу встает пелена. В ушах звенит:

— Воспитанием заниматься вынуждаешь? Ты кто, чтобы дерзить, а, шлюха одноразовая?...

Я скребу мерзкое запястье, барахтаясь, как рыба на крючке, не имея возможности ответить. Кто-то свыше сегодня проявляет сочувствие, ведь на помощь приходит чужой, увесистый голос с хрипотцой:

— Отпусти ее. Немедленно.

Синч озирается и ослабляет хватку, пусть и не отпускает. Я жадно хапаю воздух, кашляя. Голова кружится, во рту пересохло. С трудом разбираю реальность. Почему, черт подери, на этой базе меня так часто душат?

— Еще один?! — огрызается ублюдок, — Следующим будешь. Вон пошел.

— Я сказал: отпусти ее. — настаивает незнакомец с давлением, — Иначе тебе Фог и Рейдж сами шею свернут: я доложу об инциденте.

По неведомой причине это отрезвляет Синча. Нет, он не трясется от ужаса, но тем не менее фыркает и убирает руку. Я падаю на потертый линолеум, оживляя гребанные пылающие легкие. Кожа зудит: на ней яркие синяки останутся. Четыре дня здесь, а вся в ранах и отметинах. Прикосновение Рейджа напугало, конечно, но от него отпечатки на челюсти как-то приятнее было носить.

— Держи рот на замке. Тебе же лучше будет, крысеныш, — выругивается Синч и, вашу мать, харкает парню в ноги, после чего добавляет мне, — С тобой не закончил. Встретимся позже.

Он хватает полотенце с рукояти беговой дорожки и стучит пятками по лестнице: сетчатые ступени аж проминаются. Я полагала, что тут будет скучновато до миссии, но пока веселья навалом.

Спаситель, с темными волосами средней длины и карими глазами, садится передо мной и голову наклоняет со вздохом грустным:

— Совсем непорядок? Давай, поднимайся, иди ко мне.

Его заботливые, уверенные руки тянутся под мои подмышки, и я, наконец, встаю на шаткие ноги. Одет приятно и не воняет, в отличие от Синча. Треники культурные и футболка, облегающая пресс — все черное. Пахнет антиперспирантом. Обретаю дар речи только для того, чтобы искренне произнести:

— Спасибо огромное.

Незнакомца украшает легкая улыбка. Он поднимает мой подбородок мягким касанием и чуть горбится, сокращая разницу в росте, чтобы оценить тяжесть побоев. Я поддаюсь, попутно заглядывая за его плечо: огромный зал пуст. Никого, кроме нас. Это и хорошо: позорно показаться настолько слабой. Надо было Синчу вмазать, драться уметь.

— Не за что, — бормочет, отдаляясь, — Синч — настоящая Сука. Рейджу передай о случившемся: так правильно.

Нет, так точно неправильно. Во-первых, он мне шанс дал несколько часов назад. И я заявлю: «Ой, мне бо-бо сделали, защити!». Опять сочтет жалкой. Во-вторых, я не создам стычек. Хотя пойдет ли Рейдж меня защищать? Очень сомневаюсь. Киваю, чтобы не разводить споры, и тему перевожу.

— Я — Ривер Акоста. А ты?...

— Рой Уилсон. О тебе слышан, — безвредно ухмыляется, — Ты тренироваться или экскурсия?

Тот, у кого товарищ в столовой работает, точно. Его родители наверняка святые. Воспитали достойно. И друга не бросил, и меня спас.

— Экскурсия, — вздыхаю, — Какая-то неудачная.

— Ну... можем поболтать. Я закончил подход. Не занят, — пожимает сильными плечами, — Если хочешь, конечно.

Красивый. Комплекция, как у модели. По нему девочки сохнут, уверена. Но не я. Черепная коробка забита другим мужчиной. И все равно инициативно соглашаюсь: компания приятная. Он кивает на деревянную скамейку в конце комнаты, и мы молчаливо пересекаем зал, где тренажеры вплотную стоят у желтоватых стен.

— Контингент тут неоднозначный, — заводит беседу, лениво ложась спиной на стену из зеркал, — Привыкнуть непросто.

Я кладу согнутую ногу на скамью, находясь в полоборота к Рою, пялясь в выточенный профиль. Какой профиль у Рейджа? Настолько же идеальный?...

— Неоднозначный? — уточняю, — И как ты привык?

Мы почти ровесники. Он старше, но на пару лет. Около того.

— Напоминаю себе, что подавляющую часть мужчин мужчинами назвать нельзя, — слабо мотает подбородком, — Девять месяцев на базе, а меня до сих пор тянут к девушкам легкодоступным пойти — в город ездят тут все, в бордель один заходят. У Фога хороший отряд, мы отлично сплочены, но... вот эти вещи раздражают.

Я хмурюсь, мигом прикидывая: Рейдж тоже в бордель ходит?... от этой мысли чуть-чуть неприятно. Очевидно, он постоялец. Снимает напряжение. Но... он что, в маске сексом занимается? Забавный опыт.

— Почему не соглашаешься? — пытаюсь разобраться, — Неприятны такие связи?

Рой хрипло посмеивается и потирает лицо в жесте по типу: «Попал я конкретно, дурак».

— Нет, связи есть связи. Но у меня... девочка одна. О ней думаю, от чужих противно.

— И вы девять месяцев не виделись? — бормочу с малым шоком, — Отношения на расстоянии?...

Он прикусывает губу, и из меня почти рвутся извинения за то, что лезу куда не надо, но парень продолжает. У него накопело и накопилось, поделиться тут ни с кем не может: не понимают его. Возлагает веру, что я пойму.

— Не отношения, мы не вместе... Пока что, — уверенно подчеркивает, — Дочь лучшего друга моего отца. Младше меня на пять лет. Семнадцать ей. Я о ней заботился с детства. Считал подругой... идиот, — прикрывает глаза, — И вот уезжаю сюда, она провожает, а потом в комнату зовет поговорить один на один и... стой, ты же не против истории? — нервно поворачивается.

— Не против, расскажи, пожалуйста, — уверяю, — Я рада выслушать, спасибо, что делишься.

Рою нужен совет. Я чувствую, что он к этому подведет. Сердце колет от того, что ему не к кому обратиться больше. Он тут бежит в зале на дорожке и все о любви размышляет. Трогательно безмерно.

— Спасибо, — благодарно кивает, — Короче поцеловала она меня неумело. Дурочка. Маленькая же еще, — выкладывает в смешанных чувствах, — И я дурак. Щелкнуло что-то, ответил взаимностью, словно понял вмиг, что именно этого мне не хватало, ее не доставало, но от себя гнал подобное. Оторваться не мог, но вовремя отрезвел, пока далеко не зашло. Сидит плачет. Просит не уезжать. Признается в любви. Я ей объясняю с горем пополам, что она котенок, что рано ей целоваться лезть, пытаюсь обмозговать произошедшее, одновременно ее успокаиваю чудом. Говорю, что контракт уже подписал, что не расторгнуть его, а она жмется и хнычет... черт возьми, сердце мне разодрало. Держу ее крепко, по голове глажу, хотя сам-то не соображаю что творится... прости за подробности, — морщится, выбираясь из воспоминаний, — Сказал: «Год подожди, приеду. Подрастешь заодно». Трахал до того нашего поцелуя девушек без разбора, а теперь никак, мерзко. Тут осознал и принял чувства свои. Скучаю. Она скучает: переписываемся, созваниваемся. Глупая, переспрашивает постоянно тревожно: «Ты точно не подпишешь новый контракт?». Как я подпишу-то? Все планы мне обломала: к ней хочу, ничего прочего не надо. Я воевать всю жизнь стремился, как дед мой воевал, а из-за нее курс изменил. Скажи... ужасно ли отвернуться от того, к чему целенаправленно шел, потому что любовь обрел?

Я не плакса, но вот-вот стану. Разве бывает такая любовь чистая? Такая преданная? Рой выглядит спокойно, несмотря на то, что от него исходит безутешная тоска. Несмотря на то, что поставлен перед тяжелым выбором. Ловко скрывает эмоции.

— Не ужасно, — опровергаю в пронзительные карие глаза и ненароком замечаю в них слабый зеленый пигмент, — Любовь редко встречается, упустить ее — вот, что на самом деле ужасно, Рой. Ты найдешь новое призвание. Девушка твоя рядом будет, и от этого покой на душе обретешь.

Я слаба в подобном. Прикладываю все силы на подбор верных фраз. Парень проходит языком по нижней губе, прежде чем прикусить ее и опустить плечи в каком-то облегчении. Неужели помогла? Неужели получилось быть полезной?

— Не моя пока, — размеренно произносит, — Но скоро будет моей. Три месяца потерпеть. Спасибо, Ривер, — счастливо улыбается, — Большое спасибо.

— Обращайся, — неумело дразню, — А имя то у твоей жены будущей есть?

Рой настораживается и сводит брови, спешно отзываясь:

— Я не создан для брака. У меня серьезные намерения, но это... мы не будем обременять друг друга кольцами, нет...

Как же много им предстоит пройти...

Обедая в комнате, с трудом шевеля шеей от гематом, я загадываю идиотское желание: чтобы и меня когда-то так полюбили. Ошибалась. Все-таки страдаю от одиночества. Каждому из нас хочется человеческого тепла.

Интересно, в ком я найду свое? И найду ли?...

«Капитан»

- Ривер.

Глава 5

Сегодня безветренно, что удивительно. Не тепло, но дождя нет — а это уже потрясающе. Серость округи застилает туман: он сочится через пальцы рук полупрозрачной струйкой. Мышцы до сих пор ноют и гудят от двенадцати часового бега. Не жалуюсь, просто тренироваться будет тяжело. Хотя, разве бывает на базе «Эйприл» легко?

Парни ошалели от ярких гематом на шее: фиолетово-желтые отметины. У меня кожа белющая, так что на ней любые побои смотрятся ужасающе. Джастин выпытал о том, кто это сделал, лишь в столовой — до этого я не признавалась. Но когда вошел Синч, кинув на меня ухмылку, им стало ясно. Рик сжал вилку, что-то в нем вспыхнуло. Кастор тут же схватился за запястье товарища и замотал головой.

— Я сам хочу, но не надо. Рейдж разберется. Не лезь на рожон.

Рик дернул щекой, сжав зубы, и скоординировано произнес:

— Доложи Рейджу, Ривер. Поняла?

Здорово он придумал! Пожаловаться и оказаться плаксивой девчонкой, выпрашивающей защиту. Нет уж. Под дулом пистолета не выдам истину. Да и плевать капитан на это хотел. Ему в радость будет, что меня дополнительно поломали.

Но я глобально ошибалась.

Красивая фигура Рейджа виднеется на спортивной площадке, где мы и договаривались встретиться. Он... подтягивается. Согнул ноги и работает руками на сером турнике. Без заминки, спуск и подъем, да еще и качественно. Мне до такого далековато. Умею тридцать раз. Сколько заставит Рейдж? Сегодня будет пытаться меня таким образом? Похороните мои бедные мышцы.

Я шурую к бордовому резиновому покрытию, больно кусая губы от нервов. Каким капитан будет? Тем же жестоким мужчиной? Или действительно сжалился, как показалось? Я обещала, что научусь отжиматься, но не восстановилась для этого как следует. Мне страшно опять облажаться. Опять разочаровать. Опять оказаться на грани вылета с базы. Вчерашний день не дал отдохнуть. Новые травмы нанес.

Расчесываю темно-русые волосы пальцами: специально в косы не заплетала, дабы спрятать последствия от Синча. Рейдж слышит мои шаги. Распрямляет ноги: они сразу твердо становятся на землю. Турник ему мал, в то время как мне чересчур велик.

Я занимаю собранную позицию, располагаясь сбоку от железяк, и молчу. Воспитание велит поздороваться, но Рейдж такое отвергает. И снова: чертовы зеленые глаза касаются моего лица. Я пытаюсь уловить что в них, какое отношения утаивают. Тщетно. Сплошное равнодушие, от которого, почему-то, слегка больно.

Он шагает ко мне и тормозит на дистанции в сантиметров пятнадцать. Изумрудный пигмент отлично сочетается с туманом: Рейдж был создан для такой атмосферы. И каково же мое удивление, когда этот холодный мужчина обретает чуткий голос:

— Поела?

Откачивайте меня.

Это что, забота? Невозможно. Почудилось. Не было ему дела до подобных нюансов, а тут «с порога» в лоб. Так и хочется подразнить: «Ну, для начала здравствуйте...». Но я не тупая, поэтому сглатываю и отвечаю короткое:

— Да.

Он кивает, не прекращая наш зрительный контакт: будто выискивает что-то и, одновременно с этим, не ищет ничего. Я бы отвернулась, ведь это сродни терзаниям: вытерпи смущение. Однако вдруг это безмолвный приказ? Приходится подчиняться. К счастью, он первый отводит взгляд. На мои руки. Бесцеремонно берет запястье, отчего ток по коже бежит — раз-

рядом двести двадцать вольт. Поджарюсь. Пальцы в перчатках сковывают ладонь: не больно, где-то даже с оттенком аккуратности. На моих руках эластичные бинты: видимо, Рейджу они не нравятся, потому что он отцепляет металлический крабик, разматывая ткань. Я потеряно наблюдаю за тем, как он складывает в карман брюк сначала один сверток, а затем второй. Молочный воздух холодит раны. Я кусаю внутреннюю сторону щеки, а капитан осматривая повреждения, не выпуская из хватки. О чем-то размышляет, скользя зрачками по повреждениям.

— Мазь использовала? — полунедовольный, полупустой тон.

Я надеюсь, дефибриллятор не убран после прошлой откачки. Мне он нужен вновь. Что, черт возьми, в этом тумане? Наркотический газ? Рейдж под чем вообще?

Я не выдерживаю и секундно туплюсь в ноги, беря передышку, но мужчина неожиданно тянет мой подбородок ввысь. Еще выше, чем я его держала.

— Ривер, смотри на меня, когда я с тобой гово... — он обрывается в суровой речи и расширяет глаза.

Все происходит за секунду. Из горла вылетает неразборчивый звук шока, как только Рейдж откидывает мои волосы, грубовато касается щеки и склоняется, не позволяя пошевелить шеей. В нем мигом стирается безразличие. На смену ему накатывает тревога и... ярость? Аж в висках гудит, а от подавляющего хрипа подскакивает сердце.

— Кто?

Он не прокричал. Он отчеканил слово по транскрипции. Словно станок по производству монет. Я раскрываю рот, а Рейдж переводит взгляд к моему лицу, до сих пор крепко держа за щеку, повторяя громче, с возрастающим гневом:

— Кто, Ривер?!

Я не скажу, несмотря на трясущиеся поджилки. Хоть убей он меня, не скажу.

Грудь капитана тяжело вздымается, глаза носятся по моему перепуганному виду, храня в себе ядерную смесь эмоций. Длинные пальцы удерживают подбородок, дабы я не смела спрятаться. У меня едва хватает смелости заикнуться:

— Сама.

Какой неправильный подбор слогов...

— Сама, сука, себя душила?! — агрессивно рявкает от очевидной лжи, — Кто это сделал, Ривер?!

Он ни капельки не шутит, и это похоже на то, когда человек превращается в безжалостного монстра. Будто Рейдж пойдет убивать, и все, что ему недостает для этого — имя моего обидчика. Я вбираю кислород через нос, ведь мою челюсть сковали: через рот не получится. Мысли играют в хаотичную игру, разбегаясь в стороны — не могу уцепиться за конкретную. А у капитана нервы сдают...

— Если ты не заговоришь, Ривер, я пойду и убью Джастина, — хрипит без преувеличений, — Потом Кастора...

Он спятил?!

— Это не они! — отчаянно выпаливаю, таращась в испепеляющие глаза.

— Я знаю, — доходчиво наклоняется ближе к лицу, где перчатка плотнее вдавливаясь в кожу, — Но ты не оставляешь мне выбора. На кого мне еще думать, а? Если ты сидела в чертовой комнате. Там только они, Рив.

Рив.

Никто меня так не называл. Его гравийное шипение загнало в спираль переплетающихся чувств. Мы на расстоянии пары сантиметров, идеальное тело громоздкой величины совсем скоро будет вдавливаясь в мое жалкое. Я морщусь в дезориентации, заставляю размякшие извилины соображать. Нет, он не лишится своего отряда. Кто с ним тогда будет? Одна я?

Насмешил. Запугивает, но я не дура, не куплюсь. Поэтому отрезаю как можно решительнее, беря всю ответственность:

— Да, я душила себя сама, капитан. Большого Вы от меня не добьетесь.

Кто-то отменял фетиш на асфиксию? Пусть считает, что я долбанутая — лучше так, чем он ввяжется в неприятности.

Капитан, по ощущениям, смыкает челюсть — кажется, я услышала, как скрипнули зубы. Длинные ресницы медленно опускаются, а ноздри издают истошающий выдох. Рейдж кивает так размеренно, что у меня холодный пот бежит по спине. И не зря.

— Хорошо, Ривер, — тихо произносит, не открывая глаз, какого-то черта нежно поглаживая меня рядом с виском, — Я дал тебе шанс сказать самой, но ты им не воспользовалась. Поэтому сейчас я иду посмотреть камеры видеонаблюдения, — меня парализует, — А потом, когда разберусь с ублюдком, вернусь к тебе и покажу что бывает, когда не слушаешься своего капитана.

Его веки поднимаются, и мне открывается темный, неадекватный взгляд. Нет, он не имеет способность менять цвет глаз, это зрачки расширились от неконтролируемой ярости. Я чуть ли не падаю, когда он отпускает меня, мрачно кидая напоследок:

— Ждешь у моего дома. Это приказ.

Что он, черт возьми, со мной сделает? Отшлепает гребаным ремнем за плохое поведение? Какой к хренам собачьим дом?

Рейдж гремит ботинками по земле, в направлении к центральной дороге, я а плюхаюсь на зад, пытаюсь осмыслить произошедшее. Что это было? Нет, надо по порядку. Забота о завтраке, уточнение про мазь, гнев из-за синяков, обращение «Рив». Это не стыкуется с тем Рейджем, который мне до сей поры был известен. Я... я не знаю что думать.

Блефует ли он насчет камер? Есть ли они на самом деле? Глупый вопрос. На высокотехнологичной военной базе наверняка натканы в каждом углу — я лишь не замечала. Что теперь будет? Неужели мои побои имеют для него значение? Чего так взъелся? Это же тупость. Он не станет убивать Синча — высокопоставленное лицо, закрепившееся на базе, — потому что я, видите-ли пострадала от его лап. Рейдж недавно предпринимал все, чтобы меня тут не было, а теперь пойдет в разлад с «коллективом»? Он сам себя то понимает вообще?

Из столовой потихоньку выходят другие военные. Вижу Роя, который увлеченно, с улыбкой, печатает по клавиатуре телефона, и соседей — они не смотрят по сторонам и просто направляются в общежитие. Я протираю лоб, глубоко дыша, чтобы отделаться от тошнотворного нервного кома. Что, если Рейдж решит избить меня? Проучить насилием? Сам душить кинется? Или впяет сутки бега? Я сильная, но не знаю как это вынесу. Лучше бы не злить его, исполнить хотя бы один приказ за утро.

Поднимаюсь на ватных ногах, обнимаю себя и плетусь по направлению к столовой, после чего сворачиваю к опер.центру. Мое пребывание на базе длится пять дней, а что ни час, то приключение какое-то. Возникает несвязное желание: позвонить маме. Я в курсе, что она меня не пожалеет, и жалость я ненавижу. Но порой жалости хочется. Совсем немного. Чего-то ласкового. Вот, взять Рейджа — мило, что его колышет моя ситуация, хоть и неизвестно по какой причине. Однако выражает он свое беспокойство через ор и давление, а от этого еще хуже. Я настраиваю себя быть стойкой из утра в утро, но бывают такие моменты, когда мантра работает хуже. Потому что сейчас я размякла. Естественно, не плачу, в мимике спокойна. Вот только душу уговорить не в силах — она рыдает от непрекращающейся жестокости.

Пересчитываю дощечки порога у дома капитана, отвлекаясь хоть на что-то. Их четыре штуки: такие потертые, темные...

— Неужто сама ко мне пришла? — окликает уже знакомый урод.

Я обнимаю себя плотнее и смотрю в землю с немым: «Да когда это кончится то?...». Стоило предположить, что Синч пойдет домой после завтрака, а постройки то рядом друг с другом. Не поворачиваясь к нему и бормочу предельно ясно:

— Я стою у дома другого капитана.

Почему мужчинам нужно быть такими неумными на язык? Он ведь понимает, что я Рейджа жду. Мог бы завести разговор как-то более здраво.

— Продолжаешь язвить, значит, — хмыкает и, хвала небесам, не двигается, — Как мне с тобой поступить?

Ну... убей уже? Мне все равно недолго осталось. Кое-кто конкретный пообещал скорую расправу.

Синч ждёт ответа, но я кошмарно устала для разглагольствований. К тому же запасаясь силами для того, чтобы перед Рейджем себя достойно держать — мне вечно приходится заниматься подобной работой. Нет, я не жалуюсь, это... да, ладно, жалуюсь. Противно. Мерзко.

— Не знаю, — вяло мотаю головой.

Предпочитаю самые нейтральные ответы, из которых конфликт развить нельзя. Хотя Синч и тут и там видит какое-то хамство или дерзость: молчи я, он тоже сочтет это неуважением. Ему повод не давай — он его отыщет.

Но мою расклеившуюся натуру взбадривает звук отлетающей двери. Я вздрагиваю в поисках источника шума и встречаюсь с разъяренным Рейджем, который вышел из здания, где сидят айтишники.

Похоже, камеры все-таки проверил. Каюк настал.

Он озирается и за секунду находит искомую цель. Нет, не меня.

Синча.

Я пускаю корни на месте, прирастаю к почве, ведь Рейдж направляется сюда, а долбаный лысый мужик лишь брови с усмешкой вздымает. Да, конечно, не бояться же ему... но я вот очень боюсь. Никогда не видела капитана в таком состоянии. В нем нет и унции рассудка, сплошная тьма.

— Пожаловалась, — цокает Синч, стоя все также ровно, — Большая ошибка, Ривер Акоста.

Рейдж почти с ветром проносится чеканящими шагами мимо меня, и я прикрываю рот ладонью, ведь он без предупреждения хватается Синча за горло и вколачивает в его дом с гулким стуком. Лысый сам такого не ожидал: похоже был уверен, что с ним поговорят на высоких тонах да и только. Неужели они не сталкивались лбами до этого? Поджилки охватывает дрожь, а мой капитан не разменивается словами: со всей дури отводит руку и впечатывает кулак в самодовольную рожу так, что Синч на миг теряет понимание мира, и Рейдж пользуется паузой, не прекращая душить.

— Еще раз, Сука, — низменный бас, рычащий, — Посмей ее тронуть еще раз — я тебя закопаю, Гнида конченная.

Синч опоминается и с великой силой отталкивает мужчину, сплевывая кровь — вместе с тем изо рта вылетает и, черт возьми, зуб. Харчок смешивается с грязевыми лужами, возникшими из-за ночного дождя. Меня сейчас туда же вырвет. Забыла предупредить: желудок слабый.

— Знаешь, почему я тебя не ударю в ответ? — неизменно с усмешкой выговаривает Синч, «элегантно» вытирая кровь на губах, — Когда тебя к полковнику притащат, картина маслом будет. Капитанам бить друг друга нельзя — за это выкидывают, напоминая, раз ты забыл. Из нас двоих, как видишь, один ты цел.

Рейджа никак не задела угроза, в отличие от меня. Все внутри сжимается. Его отстранять? Я виновата? Однако это ничуть не тушит пожар внутри мужчины. Он стоит спиной ко

мне, извергая целый вулкан гнева. Ставлю сотню на то, что у него дюймы кожи трясутся от буйства.

— Я предупредил: еще раз — и ты труп. Второго предупреждения не выдам. Это единственное.

После слов, которые любого способны растоптать в порошок, Рейдж поворачивается и идет к своему дому, попутно беря меня за локоть, ведя следом. Я предполагала, что это будет грубейшим касанием. Капитан умеет поражать. Держит уверенно, но синяков не приносит: я бы сказала, что это вполне себе без пяти секунд нечто трепетное. Синч посмеивается, заходя в свое жилище, отчего Рейдж набирает свежую порцию беснования и почти ломает ключ в замочной скважине.

Так. Стоп. Минуточку.

Я попаду в его дом?!

И это взаправду происходит. Рейдж подталкивает меня внутрь, хрипя:

— Берцы снимай.

Я торопливо слушаюсь, расшнуровывая ботинки, что делает и мужчина. Он первый скидывает обувь и проходит, по видимому, в ванную, ведь внутри небольшой комнаты только одна дверь.

— Ничего не трогай. Стой где стоишь, — строго предупреждает и скрывается из моего виду.

А дышать то разрешено?

Адреналин безутешно циркулирует по венам, зрение с трудом ловит фокус. Хорошо. Ладно. Черт возьми, ладно, хорошо. Я вбираю теплый воздух, улавливая мяту, и молюсь стать кошкой, которая бы успокоилась от таких ароматов. В углу стоит кровать полуторка: бежевая, с коротким прямоугольным изголовьем не выше подушек, комфортная, не дешманская, явно с хорошим матрасом. Она идеально заправлена серым пледом: не придерешься, словно горничная старалась. Слева от меня деревянный стол без ножек, прикрученный к стене: на нем все разбросано, что не клеится с постелью перфекциониста. Какие-то тетради, письменные принадлежности и... цветные карандаши? Рейдж рисует? Там же точилки и ластик. Все представляет собой кашу, будто по ночам капитан судорожно что-то пишет или делает какие-то наброски. Справа от меня железный черный шкаф, такой же, как в моей комнате, и заштопленное короткими коричневыми занавесками окно. Плазменный телевизор на стене — тут везде темно-дубовая, теплая краска, благодаря чему создается уют, хоть и пространство визуально сужается. Но все равно: пусто. Перечисленное — почти все, что есть из мебели. Еще стоит маленькая тумбочка у кровати: на ней опрокинута рамка с фото. Кто на нем запечатлен? Девушка капитана? Его семья? Почему он уронил? Специально или случайно?

— Когда я сказал не трогать, я имел в виду не трогать и глазами в том числе, — выдыхает Рейдж, выходя из ванной.

Он не успел заметить, что я дотошно осматриваюсь. Просто знает, что я точно веду себя так. Мужчина бросает суетливый взгляд на стол: беглый, проверочный. От меня бы могла ускользнуть эта нервозность, но я ее четко уловила. Капитан чем-то успокаивается, как если бы я имела возможность поймать его с поличным, однако улики не обнаружила. Может, вырубить его и выиграть себе время? Узнаю тайны, успокоюсь. Только вот у меня есть предчувствие, что, пошарясь я хорошенько в его личных вещах, вопросов бы появилось больше.

— Пойдем, — коротко командует, намекая на ванную.

Меня там утопят? Боже, лишь бы не в унитазе. Пусть наберет раковину. Так умирать приятнее, менее позорно.

Я боязливо сглатываю и ступаю за ним по бежевому ковровому покрытию, отсчитывая последние мгновения жизни. Дверь, что находится в стене, вдоль кровати, открывает мне вытянутое помещение. Тут и стиралка, и сушилка электрическая, и душ, и туалет, и пару комодов...

я ахаю и пишу, выпадая из стратосферы, потому что Рейдж вдруг сжимает мою талию и ловко поднимает, сажая меня на один из белых комодов.

— Боже, ты всегда так вопишь, когда тебя мужчины на руки берут? — недовольно морщится от полученного ультразвука.

Я гляжу на него в исступлении, полностью закоченевшая от крепкой руки на бедре, которую он спустил туда и не убирает, хотя я уже сижу. Меня, черт, никто так не трогал! Он больной?

Рейджу наплевать на мой шок в шоке. Он расстегивает свободными пальцами полевую аптечку и ковыряется в ней, вытаскивая разные предметы.

А лапать то меня перестанешь?

Похоже, он сам не ведал, что не закончил контакт, ведь, наконец обращая внимание на свою ладонь, тут же убирает ее, лишая меня тепла. Я ежусь и выпаливаю в переизбытке:

— Вы... Что Вы будете делать? Делать... со мной?...

Воткнет в рот кляп из ваты и возьмет ножницы, чтобы медленно отрезать палец за пальцем? Вольет в горло перекись водорода, зажмет нос и принудит глотать и травиться? Затянет жгутом горло до смерти? Вариаций много, их туча. Нагнетает то, что Рейдж не отвечает. Продолжает копаться в аптечке, открывает шкаф и рыскает там. Ужас в том, что он стоит между моих раздвинутых ног — это добавляет тесноту. Я смачиваю горло и пробую вновь, заикаясь:

— Рейдж...

— Знаешь, чего я не понимаю, Ривер? — цедит, сжимая какой-то тюбик и хлопая дверцей шкафа.

— Нет, — хлипко шепчу.

Он завершает приготовления к расчленению и ставит руки по обе стороны от моих бедер, соединяя наши глаза — я уже не принимаю попыток потупиться в пол, так как знаю, что это разозлит капитана сильнее. Мужчина близко, я скоро его дыхание на себе чувствовать начну. Растягивает мучение, молчит, изучая мой страх. Точно схватит за волосы и разобьет голову об белую плитку.

— Ублюдок душит тебя до гематом, — напряженно хрипит, поясняя, — На следующий день подходит к тебе, а ты стоишь абсолютно спокойно, как ни в чем не бывало. Но стоит мне, Ривер, мягко посадить тебя сюда и достать аптечку, чтобы раны быстрее зажили, ты вся трясешься, — я растерянно ношусь по его глазам своими глазами, и это раздражает Рейджа больше, — Я не понимаю, почему ты не боишься того, кто тебя чуть не убил, но боишься меня, хотя я ничего подобного с тобой не делал.

На меня сходит облегчение и головная боль: все вместе. Он затолкал меня сюда, чтобы позаботиться о мозолях?... Что? Серьезно? И он задается вопросом моего страха к нему? Он... не рад, что я в стрессе? Но все очевидно, мой отчет не заставляет себя долго ждать.

— Потому что с ним я могу бороться, а с Вами нет, — смачиваю сухие губы, пребывая бардаке, — Если он нападает на меня, я имею право себя защищать. Если Вы решите со мной расправиться, мне можно лишь принять Ваши действия.

Рейдж сводит брови. Не разрывает зрительный контакт, но немного сбавляет напор. У меня был один человек, с кем спорить запрещено — мать. Как она сказала, так и будет, вне обсуждений. Здесь появился второй. Они знают как лучше. Да, я негодную и часто не согласна, но не вслух. Пойду против воли Рейджа — вылечу с базы. Вылечу с базы — вернусь в Аппель. Вернусь в Аппель — встречу с матерью, которая меня уничтожит. Элементарная цепочка.

— Значит, если бы я душил тебя в спортзале, ты бы не царапала мне руку до крови, как ему? — сосредоточенно выясняет, состыковывая что-то в мозгу.

Я расцарапала до крови? Вау... неплохой результат.

— Да, — тихо соглашаюсь.

Что его удивляет? Я ведь просто солдат, выданный на служение. И я свято верю, что отдаю себя во благо. Как бы ни приходилось, я держусь той мысли, что все же иду в верном направлении. Если прекращу так считать хотя бы на пятьдесят процентов, то мой мир расколет. Ты достигаешь чего-то множество лет не для того, чтобы потом обнаружить, как это бессмысленно. Рою Уилсону я дала обратный совет, но у него есть чаша весов, где любовь все-таки побеждает войну. У меня такой чаши нет, все, что я знаю — как быть услужливой. Жизнь не дала других исходов.

— Тогда, раз ты настолько преданная, почему не выполнила приказ? — смотрит прямо в душу, спрятаться охото, — Я спросил о том, кто причинил тебе вред. Ты не ответила, Ривер.

Мы напроочь отличаемся друг от друга. Имеем полярное мышление. Для него все мои поступки — несусветная чушь.

— Потому что от этого зависит Ваше положение, — истолковываю, не дыша, ведь он не отдаляется, совсем рядом, — Я бы подставила Вас, создала бы какие-то разборки. Я здесь не для того, чтобы Вы что-то потеряли. Я для того, чтобы Вы приобрели. Быть полезной, а не проблемной.

Я знаю, что всегда пытаюсь видеть хорошее в людях, но это скорее проклятье, чем подарок с небес. Потому что сейчас, когда Рейдж жмурится и опускает голову, почти касаясь ей моего подбородка, я откладываю все свои страхи и предубеждения, расслабляясь тем, что он не планировал меня убивать, благодарная этим фактом. Одна рука, сбоку от меня, впивается в маленький выступ дубового комода. Вторая рука, также сбоку, сжимает алюминиевый тубик, который, наверное, лопнет от силы. Я не понимаю его реакции, не понимаю, почему он меня лечить собрался. Кастора бы сажал на комод, если бы тот поранился? Это забота. Рейдж не обязан меня латать. Вполне хватило бы: «В медпункт сходи, а то автомат нечем держать будет». Но он меня в дом заволок, лично возится. Я сбита с толку. И счастлива, что не настала судная минута. Никто меня не утопит. По крайней мере этим днем.

Рейдж делает глубокий вдох и возвращает взгляд, распрямляясь. Создает расстояние. Я вроде как желала этого, и легче стало, но... сложно. Меня вполне устраивает его присутствие, если он не имеет цели измельчить мои кости.

— Ты не моя вещь, Ривер, — негромко произносит, пока открывает мазь, — Ничья вещь. Ты человек.

От этих фраз возникает та же боль, что и в столовой, при резком вопросе: «Чего хочешь ты?». Что он говорит? Почему у меня все ноет? Почему это так невыносимо тяжело слышать? Я опять, как в тот вечер, хочу плакать. Рейдж доводит меня до тремора обычными словами: я не знаю как ему удастся. Снова что-то ломает, снова давит на, как выяснилось, имеющиеся нарывы. Я впиваюсь зубами в нижнюю губу, часто моргаю, привожу себя в стабильность. Легче бегать сутки, чем получать эти наставления. Задерживаю дыхание, борясь с накатившей волной горечи, и отчаянно переключаюсь на более весомую тему:

— Вас отстранят от службы?

Рейдж явно зафиксировал изменения в моих эмоциях и предпочел не терзать дальше. У меня в сердце колет от осознания, что ему несвойственно говорить о себе, но, словно ради меня, чтобы я перестала страдать, он говорит.

— Нет.

Конечно, мизерный ответ, и все же капитан ответил, а это чудо. Не приказал закрыть рот или не вернулся к чему-то жалящему.

— А Синча?

— Нет.

Обидно...

— А меня?

— Нет.

Радостно!

— А...

— Ривер, все, заткнулась, — командует, вздыхая, — Вытяни ладони.

Я молниеносно вешаю замок на непослушный рот и подчиняюсь, предоставляя воспаленную кожу. Рейдж распыляет на нее какой-то обеззараживающий спрей — он шипит, образывая пену. Капитан ругается себе под нос:

— Мне что, всей комнате вашей провести инструктаж по выживанию? Банальную помощь не в состоянии организовать. Бинты намотали, помощники, чтобы все потело и воспалилось хуже. Ты же в них и вне тренировок ходила? — риторически спрашивает своим богатым голосом и кивает, — На тренировках — понятно зачем. В комнате для чего?

Я грустно пялюсь на неутраченные белые пузырьки и стопорюсь от предположения:

— Кастора работа? Точно не Рика.

Мои плечи приподнимаются в уязвимости. Мужчина досадливо покачивает головой, нажимая на спрей опять и опять, пока не убеждается, что все чисто. Средство стекло на пол, между комодом и его ногами. Странно забивать на такие вещи, если ты кровать заправляешь по часу. Поэтому Рейдж приходит за завтраком позже — возится с бельем, как бы сюрреалистично не звучало. У него нет армейских замашек, поэтому такой придирчивый уход за постелью становится очередной загадкой.

Он выдавливает мазь, не прикасаясь перчатками к рукам, и я сама распределяю ее, догадавшись без приказов. Совершенно инфантильно выставляю ладони по завершению, к тому же добавляя искренний взгляд: «Смотри, я все сделала, я молодец?». Но за секунду встряхиваю себя внутри и осекаю, стыдливо отвожу подбородок и выстраиваю непоколебимое лицо. Он позаботился. Мне хватило тридцати секунд внимания, чтобы включился какой-то тупой ребенок, нуждающийся в похвале. С Кастором так не было: я в тот вечер уставшая до жути была, вымотанная. Да и с ним... с ним иначе, что-то отличается. Рыжик прекрасный, милый, замечательный — все ласковые синонимы — они о нем. Но он не вынуждает меня к чему-то, не ждет результатов, потому и оценка его не требуется. Это чертовски неоднозначно и тупо...

— Ты умница, Ривер, — приглушенно произносит Рейдж.

Я сжимаюсь и метаю к нему расширенные глаза, которые он сразу ловит, утягивая в свой глубокий лес. Пульс учащается от услышанного. Мне же не приснилось, да? Пожалуйста, лишь бы я не проснулась прямо сейчас.

Однако мужчина, пусть и с заминкой, перебарывая себя в чем-то, повторяет:

— Ты умница, Рив.

Глава 6

Мне нравится слушать разговоры парней. Их «междусобойчики». Они держали себя поначалу, но потом я сказала, что им не нужно подбирать выражения, отчего быт Кастора и Джастина вернулся в прежний мотив. Заткнуть нереально, хотя попробовать — преступление. Я поняла, почему Рик терпит болтовню, несмотря на то, как нуждается в тишине. Здесь, на базе, живого мало. Жизни Кастора и Джастина держатся исключительно на беседах. Нельзя осуждать этих двоих. Они всего лишь люди, которые приспособились к ограниченным условиям таким образом.

— Ривер, тебе не помешает мяч в спину? — окликнул Кастор снизу.

— Мяч в спину? — я выглянула с верхней полки, свесив голову.

— Да, он будет кидать его в твою кровать, лежа на своей, — махнул рукой Джастин, закатывая глаза, — Если ты разрешишь, конечно.

Я пожала плечом и не противилась. Так и провела вечер: под стук теннисного мяча и не затихающие речи. Иногда они говорили что-то, дающее пищу для размышления. Иногда несли несусветную глупость. Но мне не надоело.

— У мамы ногти вечно гнили, — пробормотал Джастин, подложив локоть под затылок, — Я рассказывал?

— Сто раз, — вздохнул рыжик, — Но я еще раз послушаю, если тебе хочется.

— Она с дерьмом работала. В прямом смысле. Отходы убирала, канализацию чистила. Компания выдавала ужасные перчатки — они быстро рвались. И все эти токсичные вещества, испарения от мочи и кала, все на руках. А там за трубу зацепишься, поранишь кутикулу, и вот тебе нарывы. Я ей их обрабатывал по вечерам, а она нервная женщина — ковыряла, гнойники выдавливала, хуже делала. Не знал как отучить ее.

— Это не твоя задача. Родителей отучать, — Кастор повторил то, что, вероятно, твердил регулярно, — Родители должны воспитанием детей заниматься, а не наоборот. Ведь когда наоборот, то в чем смысл?

— Не во всем смысл найдешь. Если в деталях копаться, рехнешься.

Рик читал, воткнув наушники. Перелистывал страницу за страницей. Я мельком разглядела название книги. «Теория религии». У Рика нет христианского крестика. Полагаю, через эту литературу он как раз-таки отвергает слова Джастина. Ему нужен смысл. Ему нужно понять что к чему. Почему люди устроены именно теми людьми, какими мы их видим. Изучить разные точки зрения, отыскать истину. Судя по разочарованному, пустому взгляду, внятных ответов нет.

Джастин обратился к нему, постучав по потолку — то есть по верхней кровати. Кастор завел тему о Боге, и им потребовалось дополнительное мнение. Рик вынул наушники как раз в тот момент, когда к нему прилетел вопрос:

— А ты что думаешь?

— Насчет? — вздохнул читающий, отложив книгу.

— Насчет людей и веры, — пояснил лисенок.

Рик поджал губы от абстрактности слов, но все же выдвинул:

— Я думаю, что некоторые настолько идиоты, что лучше пожертвуют последние копейки в церковь, чтобы Бог излечил от нищенства. А могли бы купить булку хлеба.

Ребята заткнулись, размышляя о выводе, а затем перешли к чему попроще, отказываясь от мозгового штурма.

— Слушай. Женская грудь. Ты к ней как относишься? — начал Кастор.

Джастин ухмыльнулся, сложив губы трубочкой, игриво шурясь.

— Смачно.

— И что это значит, извращуга? — усмехнулся лисенок.

— Мять прикольно. Эстетично выглядит.

— А отвисшая?

— Ну так положи девушку на спину, да придержи их сбоку — вот она и не отвисшая, — застонал ценитель, — Развелись неженки, подавай им упругую. Не мужики, а фуфло. Если тебя от растяжек воротит, то ты члены любишь, а не женщин.

— Согласен, — инициативно завелся Кастор, будто у него накопело, — В отряде Синча то и дело унижают женщин. Главное сначала дерут, а потом сплетничают, уродинами называют. Мерзость.

— Мерзость, — грустно отозвался Джастин и задумался, прежде чем вынести мирным тоном, — Сто пудов друг друга в задницы шпилят по ночам. Не, я нейтрален. Но скрывать для чего? Бруталов строят.

— Давай им в гель для душа подольем соус Чили, — ухмыльнулся Кастор, — Они наверняка им смазывают агрегаты для легкого скольжения. Все отсохнет.

— По камерам нас спялят и выгонят. А мне еще маме покупать дом у моря. Я так никогда не заработаю.

Незакрывающиеся рты помогают мне сбежать от реальности. Я вслушиваюсь и отрубая мозговой штурм по поводу Рейджа. Утром, после избиения Синча, после похвалы в ванной, мы пошли в помещение, соседствующей со спортзалом — небольшая комната без тренажеров, вообще без всего. Он тренировал меня в технике рукопашного боя. В основном отрабатывали мои увороты. Как выдернуть запястье из лап врага. Как уклониться от ударов. Капитан не проявлял заботы вновь. Мало говорил: лишь по делу и кратко. Не прикасался. Занятие с инструктором, без особенностей. Я не могла ожидать, что трепет Рейджа отныне закрепится, превратится во что-то само собой разумеющееся.

Нет, я то от него так же мурашками покрывалась. Это капитан закрылся. Хотя открывался ли он до этого?

Было кое-что странное на следующий день, после схожих усердных, потных тренировок без единой искры. Я вышла на улицу, поздно вечером, так как не могла уснуть. Сидела на ступенях общежития, размышляя о глубинном и бестолковом — стабильные ночные метания, преследующие каждого. Самокопание редко приводит тебя к чему-то стоящему, за исключением тех моментов, когда без него взаправду не обойтись.

Я смотрела на густое, затянутое небо без звезд, когда услышала быстрые шаги. Черные берцы Рейджа несли их владельца на КПП. Он не заметил меня, судорожно крутя пачку сигарет в пальцах: словно был настолько глубоко погружен в самого себя, почти похоронен, без связи с внешним миром. Его мигом выпустили, без всяких подписей — неудивительно, он не новобранец, наверняка находится тут дольше, чем сотрудники поста. Широкая спина скрылась во мраке, вне территории базы, не появившись и спустя сорок минут — столько я пробыла на свежем воздухе от исчезновения мужчины. Что ему делать в лесу, да еще и в такое время? В округе нет ничего, кроме лип и дубов с тонким стволом. Я не выдержала и спросила у Кастора, как только зашла обратно в здание. Рыжик говорил с кем-то по телефону, в коридоре, и как раз закончил при моем приближении.

— Зачем Рейджу ходить в лес? — взволновано прошептала в узком пространстве.

— В лес? — недоуменно нахмурился парень, и это было максимально развернутым ответом.

Они ничего не знают об этом.

Но я не упустила возможности разгадать более вразумительную шараду, на страх и риск подпытываясь:

— Кто-то видел его без маски?

Кастор поджал пухлые губы, тихо объяснив:

— Нет, Ривер. И это отлично.

— Почему?

— Несложно догадаться, что если такие счастливики и были, то они мертвы — раз мы их не встречали.

Я не могу поверить в это. Не могу опираться на данное объяснение. Все не так поверхностно: чувствую сердцем. Хотите сказать, что Рейдж вырезает тех, кто на его нос взглянул? Не смешите.

Возможно, я занималась поиском чужой правды, потому что устала от запутанности в себе. Есть такое ощущение... всем оно знакомо. Ощущение, что ты катастрофически маленький и не имеешь значения. Что барахтаешься в болоте, мечтая об океане. Так и проходят десятилетия — или сколько там тебе отвели. Любой мертвец в гробу был убежден при жизни, что у него есть предназначение. Но вот он, разлагается в коробке, без света, полностью одинок. Вместе с ним кануло и его предназначение — и это еще повезло, если он действительно совершил нечто важное.

Я настраиваю себя на то, что мое предназначение — служить стране. Настраивает ли себя на это Рейдж? Или он просто знает, что это его, без всяких колебаний? Мне интересно узнать хотя бы малую часть его багажа судьбы, но, вместе с тем, я боюсь разочароваться. Да, у разочарования есть огромный плюс — это открывает тебе глаза, дарит полное понимание, после приносит смирение. Но я покрываюсь холодным потом от возможных мрачных исходов. У капитана трагичное прошлое — я почему-то не имею сомнений. Однако вдруг прошлое Рейджа трагично, но не для него? Буду ли я смотреть на мужчину с тем же волнением, если выведу, что он вытворял страшное? У тайн есть свойство — порой их лучше не рассекречивать, не вытаскивать из чулана на свет. Разузнай я, что Рейдж убивал людей пачками — ничто не изменится. Но разузнай я, что он убивал пачками детей — уже не будет иметь смысла что именно к этому привело. Тут есть неоспоримый кровавый факт, и ты его не скрасишь плаксивыми предпосылками как ни старайся.

Но я все равно не верю в такую кровь на его закрытых руках. Хотя одно предположение веру все же изредка подкашивает. Может быть, Рейдж носит перчатки, потому что ему тяжело на свои ладони смотреть? Мол, грязи на них немерено? Помоги мне Бог понять.

Сегодня я просыпаюсь с болью в животе, мигом смекая что берет происхождение недуга. Робко вытаскиваю средства гигиены из рюкзака — запрятала на дно. Пью обезбол, который неизменно работает пятьдесят на пятьдесят.

Будь сильной, не плачь ни при каких обстоятельствах, концентрируйся на деле. Будь сильной, не плачь ни при каких обстоятельствах, концентрируйся на деле. Будь сильной, не плачь ни при каких обстоятельствах, концентрируйся на деле.

Трудновато придерживаться этой мантры, когда твой организм скручивается, а между ног течет кровь. Рейдж сказал, что мы будем подтягиваться — это полезный навык. Например, когда нужно забраться в окно с улицы. Нежелательно кряхтеть и задерживать отряд.

Мои ладони зажили. Капитан отдал мазь, и я не пренебрегала ее применением. Все еще побаливает, но не смертельно. Заматываю бинтами, завтракаю кашей и тороплюсь к турникам, где Рейдж, разумеется, ждет — приходит стабильно раньше. Пялюсь на узкую талию и беззвучно глубоко выдыхаю. Повезет же женщине его: такого красавчика иметь. Немного завидую. Или не немного...

Меня осеняет. Он ночью уходит не в пустошь. Его ждет кто-то. Вероятно, та самая дама-счастливица. Фотка у кровати с ее лицом. Руки закрывает, чтобы кольцо спрятать — личную жизнь просто для себя одного сохраняет, не делится.

Какого черта это осознание наотмашь бьет по затылку? Будто рухнуло что-то. Как если бы я выстраивала кирпичи из чувств, а потом приехала та машина с металлическим шаром, созданная для уничтожения зданий.

— Ривер, — хриплый голос возвращает в реальность.

Я сглатываю и опоминаюсь, становлюсь ровно, вытянув руки по швам. Зеленый взгляд обводит мои распущенные волосы. Рейдж не приказывал заплетаться, поэтому я решила, что могу позволить себе такую вольность. Косы ужасны, они мне не идут. Да какая разница что тебе идет, у него вон любовь есть вне базы, а ты тут переживаешь о прическе.

— Что с тобой? — незаинтересованно произносит, подходя близко, оглядывая.

Задай вопрос попроще, я сама не в курсе.

— Все в порядке, капитан, — строю решительный голос.

Мужчина наклоняет голову вбок и молчит пару секунд. Он часто так себя ведет. Будто пытается просканировать мою душу. Для чего? Да кто ж его разберет.

— Ладно, — кивает и отворачивается, — Разминайся. Потом подтягиваешься. Два подхода по двадцать пять раз. Покажешь, на что способна.

Я концентрируюсь на задаче, выкидывая из головы всякий бред. Потом. Все потом. Миссия через четыре дня. Мне о ней в первую очередь стоит тревожиться.

Тянусь в стороны, верчу шеей, поднимаю колени и кручу голеностопами. Как положено, тщательно, пять минут — время засекаю на наручных часах, чтобы не нарваться. Не забыла, как он относится к секундам непослушания.

Подхожу к турнику: мокрому и высокому. Рейдж облакачивается о него, скрестив предплечья на груди, и я неловко вытягиваюсь. Не достаю. Стыдливо подпрыгиваю — не хватает сантиметров десяти до цели. Какой позор.

Капитан глубоко вздыхает, покачивает головой и становится за мою спину, отчего робею. А когда крепкие, большие ладони берут меня за талию и спокойно поднимают вверх, то напрочь смущаюсь. Если я рискну поднять хотя бы его ногу, то надорвусь. А он меня воспринимает не тяжелее обеденной ложки.

— Ты издеваешься? — указывает в недовольстве, бая в поясницу, — Я тебе кто? Аттракцион?

А, ой. Точно, надо же зацепиться за балку, а не покоиться в его хватке. Ну почему так то?...

Мигом обхватываю железо и стеснительно бормочу:

— Простите, пожалуйста.

Мое тело повисает, растягивая мышечные ткани, а Рейдж... продолжает держать за талию, но более мягко, поддерживая или страхуя от падения. Мне, простите, как подтягиваться, чувствуя его близкое присутствие позади? Я фактически ощущаю дыхание, меня обдает чужое тепло. Пылаю в щеках и благодарю Вселенную о том, что капитан этого лицезреть не имеет возможности.

Вбираю дождливый кислород и перехватываю турник поудобнее, прежде чем подтянуться и умереть от того, как сильные руки чуть соскользнули к бедрам. Похоже, лапоть за зад входит в привычку мужчины.

— Подбородком дотрагивайся, — наставляет, посылает голос прямо в позвоночник, — Качественнее выполняй.

Я издаю неразборчивый услужливый звук и подчиняюсь, поступаю так, как велено. Раз за разом — получается выполнить один полноценный подход. С поправкой: я чуть не упала, когда пальцы Рейджа неожиданно заправили мои волосы за уши. Они налипли на лицо из-за ветра, и мужчина исправил проблему нежным жестом. Он снимает меня, ставя на онемевшие ноги, и я чуть горблюсь от резкого укола боли в животе. Изнурять себя в первый день месячных — неудачная затея. Но у меня вроде как нет выбора.

Кожу снова бьет током, только теперь приятным, ведь капитан вертит меня, поворачивает к себе. Я приоткрываю губы и хлопаю ресницами, а он повторяет размеренным тоном:

— Ты себя плохо чувствуешь, Ривер?

Я не упущу того нюанса, что наши тела вплотную: он меня держит близко-близко к себе, мужские бедра примыкают к моему животу. Так... не уверена, как именно это должно быть, но я ощущаю твердость... нет, он не возбужден, очевидно, но... брюки не свободные, а там, похоже, спрятано немало добра... все, молчу.

Да как включить мозг?! Я скоро захнычу от перенапряжения. Кто-то бы нашел в этом романтику, крикнул: «Да переспите вы уже!». Слава Богу, Рейдж не закладывает в данную близость чего-то пошлого. Мы оба взрослые люди, можем тереться друг об друга без подтекста... наверное.

— Чуть-чуть, — уклончиво признаюсь, боясь огрести за ложь.

Он, будто прикусывает внутреннюю сторону щеки — в этой области маска шевельнулась на миг. Обдумывает и нерасторопно переводит темно-зеленый взгляд ниже, туда, где мы соприкасаемся. Затем вздыхает и понятиливо щелкает языком, вгоняя в пушную краску. Догадался? Я себе пошла могилу испанского стыда рыть. До свидания.

— Иди в комнату. Ложись и меня жди, — приказывает и утомленно потирает лоб, закрытый балаклавой, после чего отдаляется.

Чего? Я таращусь на его фигуру, вышагивающую все дальше и дальше от меня, в немом исступлении. Тренировка отменяется? А что вместо нее? Что означает «ложись и меня жди»? Он придет? Но... мы там наедине будем. Парни уехали в город, покупать какие-то военные приبلуды.

Я. Лежачее положение. Капитан.

Пиши пропало! Предстану что ни на есть застенчивой идиоткой.

Четко вывожу для себя один важный пункт. Он, как начало нити, ведущей к разгадке. У Рейджа два состояния: наплевательское и внимательное. Они сменяют друг друга без предупреждения. Мне больше импонирует второе поведение, поэтому шагаю в корпус, хоть и нахожусь в переполохе.

Мне приветственно кивают некоторые из военных, спускающиеся по лестнице. Я отвечаю тем же, минуя пролет и преодолевая расстояние длинного коридора. Общежитие кипит жизнью: солдаты позавтракали и бодро расхаживают по своим делам. Прикладываю электронную карточку к двери и разубаюсь, попутно решая где разместиться. Не на постели. Неудобно разговаривать с Рейджем, лежа на втором этаже. А кто сказал, что мы беседовать станем? Он на секунду заглянет для чего-то и испарится.

И все же выбираю диван. Сидеть на нем в мокрой форме как-то не очень, поэтому быстро переодеваюсь. Если капитан прикажет продолжить занятия, то я вернусь в исходный вид, не успев спичка догореть. Серые лосины и желтая укороченная футболка. Складываю руки на колени, как примерная ученица — нервничаю и попросту не понимаю какую иную позу занять. Ладони липкие от возникшего пота. Лишь бы Рейдж смотался из комнаты в течение минуты. Я его присутствия неформального не вынесу.

Мужчина заходит с помощью своей карты. Соображаю, что в первое мое появление здесь он стучался намеренно: дабы я не встретила голого Джастина. Не удалось.

Он стопорится в пороге, пробегаясь взглядом по моему виду, и, как бы невзначай, бросает:

— Тебе так больше идет, чем в форме.

Где мой сердечный ритм? Капитан... сделал комплимент? Я поглощаю услышанное с жадностью, не определяясь: поблагодарить или пропустить. Все-таки пропустить. Не раздувать из этого целое событие.

Меня оценили. Меня согрели. Меня заметили и отметили. Я... счастлива?

Он снимает обувь и хозяйничает без разглагольствований. Шарится за стенкой, в спальне, и кладет рядом со мной коричневое одеяло — первый шок. Потом ставит коробку чая на стол — второй шок. Потом щелкает чайник и садится рядом с диваном, на пол — третий, мощней-

ший шок. Поворачивает голову, осматривая меня с непониманием, будто это я, черт возьми, творю невообразимое, и хрипит с претензией:

— Тебя укрыть еще? Ложись уже.

Во мне кипят сотни вопросов. Мы и впрямь не будем обсуждать, что Рейдж не просто отменил тренировку из-за моих месячных, а проводит целый ритуал облегчения страданий? Но, пожалуй, целесообразнее поддаваться, чтобы он не разгневался. Я звучно сглатываю и тонко бормочу:

— Хорошо.

Укладываюсь головой на дальний подлокотник, ногами к капитану: так мне хотя бы виден его профиль. Он выражает отрешенность, будто Рейдж абстрагировался от нашего единения. Что побуждает его зависать со мной, если ему тут быть не охото? Если уйти в чертоги сознания — приятнее? Или что-то погрузило мужчину туда? Навеяли воспоминания о чем-то, и он от них отцепиться не в силах?

Одно его колено согнуто, а вторая нога выпрямлена по полу. Я обращаю внимание на упаковку чая. Вкус — мята. Вот откуда запах. Я и такой мелочи рада. Скрепила два кусочка пазла. Осталось всего ничего! Около десяти тысяч деталей.

— Разве нет ни единой причины вернуться домой, Ривер? — вдруг бормочет, не громче бурления кипящей воды.

Это прозвучало с оттенком обреченности. Я морщусь, задетая тем, что он продолжает жалеть о моем присутствии. Зачем хвалит, если желает избавиться? Поэтому пришел? Попытаться выпроводить меня снова? Ну конечно, а для чего еще? Размечталась.

— Нет, — отзываюсь сжато и не сдерживаюсь, — Я настолько Вам неприятна?

Рейдж смотрит в ковровое покрытие пола, предпочитая игнорирование. Прячется за возникшим занятием: чайник вскипел, и капитан поднимается, заваривая напиток. Он разбавляет кипяток водой комнатной температуры, из пятилитрового бутыля, и двигает квадратный стол ближе ко мне, вместе с кружкой, выдыхая:

— Пей. Это поможет.

Откуда ему знать? Беспочинное предположение? Или опыт? Не был бы Рейдж капитаном, я бы не заткнулась: спрашивала и спрашивала. И все же... мне выпал шанс, так? Мы не готовимся к заданию, он здесь по собственной воли, все очень приватно. Максимум, что я получу — пару матов, жесткое пресечение речи на корню. Стоит попробовать.

Я беру кружку в стрессе, поглядываю на мужчину, который сел в прежнюю позу, и тихо проговариваю:

— Зачем Вам возиться со мной?

Это было смело. Рейдж тоже так считает, судя по сведенным бровям. Он молчит несколько секунд. Не объяснит — так кажется. Но мужчина спокойно выдает:

— Я не отвечу.

Потрясающе, спасибо за прямолинейность.

— Почему? — аккуратно добиваюсь.

— Потому что если я начну отвечать, ты возьмешь в привычку спрашивать, — хрипит без заминок, — Начнешь лезть ко мне в голову.

В нос сочится аромат мяты, исходящий из кружки слабым паром. Это должно успокоить, отвлечь, как и согревающее одеяло, но нет, я загораюсь, ведь мы впервые ведем отстраненный от работы диалог.

— Вы переживаете, что я полезу?

Сколько я вкладываю мягкости и деликатности в голос — не счесть. Капитан прикрывает глаза, опять вдумчиво подбирая слова. Словно перед нами поле, усыпанное минами, и мы играем в нащупывание безопасных областей, нейтральных.

— Мне не нужно переживать, потому что я в любом случае не пушу тебя туда. Будешь настойчивой — отстраню от базы.

Я прикусываю губу. Глоток напитка не смывает беспросветность. Вкусный чай. Невкусный осадок от предупреждения.

— Проявите такую жестокость? — шепчу с досадой.

Рейдж тихо усмехается, не откликаясь на зрительный контакт.

— Тебя это удивляет?

Не должно, согласна. Он прав. Мне нечего добавить. Своей грубостью в наши первые встречи мужчина доказал, что без колебаний превратится в монстра и глазом не моргнет. Что в нем переключилось? Какой рычаг сработал, раз он прекратил своей террор? Не знаю, но грех жаловаться.

Из рта вырывается мучительное придыхание: живот опять гудит. Я гримасничаю, смыкая зубы, жмурясь. Откидываю голову, чтобы Рейджу не демонстрировать слабость. А затем, спустя пару мгновений выпада из реальности, вздрагиваю так, что чуть кружку не роняю. Он... что? Крепкая рука пробралась под одеяло и легла на больную область. При этом мужчина все еще избегает встречи с моими глазами.

— Вы... — вылетает в шоке.

— Знаешь, что отличает хорошего капитана от плохого, Ривер? — перебивает Рейдж и тут же злобно выговаривает, — Хороший капитан умеет наладить доверительные отношения с каждым членом своего отряда. Поэтому я делаю это, без иных смыслов, так что прекрати реагировать так бурно из раза в раз.

Моя челюсть отвисает. Я вступаю в активную погоню за сутью происходящего, внимаю его безжалостную речь, погружаюсь в бардак. Он не хочет заботиться? Заставляет себя, тем самым создавая между нами что-то, что пригодится на миссиях? Обманывает меня, ради последующей выгоды?

— То есть Вы заботитесь, хотя не хотите этого в душе? — тараторю и задыхаюсь, внутри возникает что-то до ужаса ноющее.

— Я не думаю о том, чего хочу, и у меня нет души, Ривер, — отрезает без сожаления, что контрастирует с бережной ладонью, которая греет и утешает, — Я работаю. Поступаю так, как должен поступать, исходя из должности. Теперь тебе ясно?

Это разбивает вдребезги, а я даже не могу скинуть его руку, прогнать прочь — именно этого желаю. Мне не сдалась мнимая мягкость.

— Мне, по Вашему, требуется внимание? В этом разгадка? Похвалите, погладите, возместите то, чего не хватало, и я вся в Вашей власти? — обиженно кидаю, смыкая челюсть от несправедливости.

Рейдж набирает в легкие обилие кислорода и глубоко выдыхает, спокойно произнося:

— Сама признала.

Жалость. Он все это время меня жалел, что омерзительно. Я готова быть от того, как заблуждалась, как не видела другую сторону монеты, от едкой раны, возникшей в груди. Меня мутит, глаза стекленеют. Я не заслужила искренней поддержки. Я никогда подобного не заслуживала.

— И какие подходы к Кастору, Джастину, Рику? — ломко отстукиваю.

Теперь его прикосновение ненавистно. Я с трудом терплю наш контакт. Мне плохо.

— Я не выдаю слабые части других.

Пошел ты нахрен, урод. Добивает. Подчеркивает, как я немошна в своей проблеме. Я ведь ему поверила, мурашками покрывалась, улыбалась в подушку по ночам. Вот, к чему это привело. К раскрошившемуся сердцу.

Почему я понадеялась, что наконец-то кому-то сдалась? Я ни разу не была нужной. Я и не буду. Со мной что-то не так. Во мне ошибка. Я и есть ошибка. А ошибки, как правило,

не решаются, на них только учиться. Спотыкаюсь об собственную безнадежность, оправдывая это неподходящим временем и местом. Мол, наступит тот миг чудесный, когда все былое покажется чем-то, что стоило пройти ради счастья. Нет, не случится волшебства. Я как была брошенной, так и останусь. Рейдж наглядно доказывает.

— Я и без этого любой Ваш приказ исполню, — горько выкладываю, не скрывая эмоций, — Вы не поняли? Я себя отдаю, чтобы Вам угодить. Поэтому можете избавить себя от такой мороки...

На всю комнату раздается трещащие: мой мобильник звонит. Это мама. Некому больше. Рейдж убирает руку нервным жестом и резко встает, злобно — ему услышанная дерзость не пришлась по нраву. Я помещаю кружку на стол, тру лицо, пока мужчина идет к источнику мелодии, дабы принести телефон, не напрягать меня. Вновь проявляет свою фальшь. Я себя презираю. Показала то, что терзает, и он ухватился за это, играл на моих чувствах.

Рейдж прокладывал путь к моей преданности. Цеплял особенно натянутые струны, которые нуждаются в послаблении. Привязывал меня на поводок, уверял поступками, что ему безразлично. У боли тысячи граней, однако мужчина сумел открыть для меня новые. И если я спрашиваю себя, есть ли предел у страданий, то обнаруживаю, что предела нет. Всегда найдется нечто подкашивающее сильнее.

Мои брови сводятся, потому что мобильный не умолкает. А после в голове раздражается гром. Телефон лежит под подушкой. А еще под подушкой лежит альбом — я рисовала вчера, когда соседи ушли покурить, подышать воздухом, возникло вдохновение, они вернулись быстро, и я не успела убрать творчество в рюкзак. Онемевшие ноги подпрыгивают с дивана, я, как ошалевшая собака, бегу за стену, в спальню, и раскрываю рот.

Рейдж стоит, прирос к полу и впивается глазами в свои же глаза, нарисованные. Я себя перестаю чувствовать, кровь не циркулирует. Он сжимает бумагу пальцами в перчатках и не моргает. Звонок обрывается, и это отрезвляет мужчину. Он откладывает увиденное резким жестом и торопливо проходит мимо, задевая мое плечо, отчего отшатываюсь.

— Это...

Хочу оправдаться, но мне нечем, голос скачет, пульс долбит в висках. Рейдж безмолвно, торопливо надевает берцы и выходит со скоростью света, попутно хлопая дверью — так громко, что аж дергаюсь. Прикрываю трясущиеся губы и давлюсь образовавшейся тишиной.

Он выгонит меня с базы. Как еще воспринимается рисунок, если не влюбленностью?

После этого не будет тренировок.

Я закопала себя самостоятельно. Любовь к сказкам во взрослом возрасте ничем хорошим не оборачивается.

«Рив. Не надо, Ласточка. Не надо»

— *Рейдж.*

Глава 7

Кастор пытается запихнуть в меня запеканку. Мало того, что я ненавижу творог, сегодня еще и не то утро, в которое вообще кусок в горло ползет.

— Ривер, ложечку! — уговаривает, подбивая плечом, — Она правда вкусная!

Я прикрываю глаза, отвечая в сотый раз:

— Нет. Меня стошнит. Ты будешь убирать?

Рыжик, по звуку, дует губы.

— Отстань от нее уже, — сонно ворчит Джастин, — Чего прицепился?

Я отсчитываю секунды до судного момента. Всю ночь не спала: размышляла над разными вариантами того, как выпросить Рейджа не выкидывать меня за забор. Не придумала. Он делает это, и я, если честно, удивлена, почему тянет. С другой стороны, очевидно: хотел, чтобы я мучилась. И у него получилось: ком в горле не проходит, а лишь возрастает.

Я оставила себе маленькую надежду на его милосердие. Не собирала рюкзак. Хотя это и бессмысленно, но я все равно молюсь на что-то хорошее. Я даже готова, чтобы меня перевели к гребаному Синчу. Главное, чтобы не отстраняли от базы совсем. Конечно, с лысым будет несладко. Тренировки превратятся в ежедневные побои, а жизнь с другими соседями — в ад. Но я справлюсь. Как-нибудь. Наверное.

С Рейджем то не так уж и плохо было, оказывается.

Или меня отдадут Фогу? Там Рой. Знакомое лицо. К тому же ребята Фога машут мне головой в знак приветствия, хотя мы незнакомы. Они хорошие, судя по слухам. Но моих парней никто не заменит. Я буду скучать по Рику, Кастору и Джастину. Очень.

И этот миг наступает. Мои веки распахиваются от знакомого взрослого голоса:

— Доброе утро, Ривер. Пройдем со мной.

Я кусаю внутреннюю сторону щеки, смотря на полковника О'Коннора. Вот оно как. Рейдж не удосужился выпроводить самостоятельно или поприсутствовать при выгоне. Доложил вышестоящему и закрыл тему. Это... Господи, я была душой, когда рисовала его. В очередной раз творчество выходит мне боком. Выкину альбом и карандаши, как только покину базу.

Соседи смотрят на меня с непониманием, а я послушно бормочу:

— Здравствуйте. Конечно.

Что мне остается? Сама виновата. Встаю и собираю тарелки на поднос, после чего быстро отношу все за раздачу. Мужчина дожидается меня в холле, и мы выходим на улицу, где льет мелкий дождь. Полковник не затевает беседу, а я уж давно — не положено. Возможно и хорошо, что не пересекусь с капитаном. Стыдно ему в глаза смотреть. Так обидно, что отныне ему в мои неприятно.

Мимо нас идет врач, женщина такого же возраста, как и О'Коннор — они улыбаются друг другу не в дружеском плане. Она мне таблетки выдает стервозно, а тут прямо милашка. Вроде как за это порадоваться можно: организм травить не придется. Никаких противозачаточных, упаковку которых мне не удосужились показать: я банально не знаю название того, что принимаю. Меньшая из моих проблем, но...

Я стараюсь найти хоть какие-то плюсы в отстранении от службы.

Есть и толика злости. Какого черта Рейдж полез в мои личные вещи? Разве имел он право вот так внаглую вторгаться в то, что ему не принадлежит? Да, хорошо, я — его подчиненная. И все равно: не оборзел ли, а? Скот рогатый.

Я также анализировала: что заставило меня нарисовать его глаза? Причина одна. И она ой какая пренеприятная. Даже мысленно произносить не желаю. Особенно после тех слов в комнате. Он все это время лгал. Не был искренним в действиях. Мотивы имели определенную цель, совершались ради выгоды. Омерзительно. На это я тоже кошмарно зла. Однако глупо

питать агрессию к тому, кого ударить нельзя. Что я ему сделаю? Дело не в том, что он мне в ответ шею свернет. Дело в том, что я в целом не имею такого права — выяснять с ним отношения, а уж тем более врезать хуком с правой.

Забавная картина бы вышла: прыгаю рядом с двухметровым дядей, чтобы выразить свое недовольство через силу. Он бы усмехнулся, да похоронил на месте — за стремления безрассудные.

О'Коннор открывает дверь администрации, придерживая ее для меня, за что благодарю. Мы шагаем на второй этаж и попадаем в один из кабинетов коридора. Официальное, деловое помещение. Стол офисный, как и кресло. Светло-коричневые оттенки, а стены желтят.

— Садись, разговаривать будем, — вздыхает мужчина и располагается напротив.

Твою же мать. Это взаправду происходит. Могу ли я умолять его? Проситься к Фогу? Или унижения излишни? В эту минуту я отказываюсь думать о реакции матери, иначе действительно кинусь в отчаяние.

Придвигаю деревянный стул и робко складываю ладони на колени. Смотрю на закрытые жалюзи. Кто же знал, что самый худший день своей жизни я проведу в комнате, где свет еле пробивается. Быть рядом с ловушкой — не то же самое, что в ловушку попасть. Я бродила вокруг капкана, решив изложить чувства с помощью карандаша, в скупой вере, что они не явятся чужому взору. Угодила в железные зубы, как бы прискорбно не было. Коротко: типично для Ривер Акосты. Ничего не добиться, как бы ноги не ломала на пути к успеху.

— Произошел инцидент, насколько мне известно. Хочу услышать твой взгляд на случившееся, — четко произносит, ставя предплечья на мягкие подлокотники, требуя зрительного контакта.

Я сжимаюсь, задержав дыхание. Как... Как мне выразаться? Это же натуральное издевательство. Я не могу. Нет. Не получится. Позор какой. Рейдж знал, на что меня отправил. Все рассказал как есть. Растоптал. А мог бы сочинить другие обстоятельства. Теперь мне нужно сидеть тут, перед уважаемым человеком, и повествовать о влюбленности? Влюбленность? Нет, это не то, что я имела в виду...

— Ривер, давай побыстрее, — утомленно торопит полковник, — Что произошло с капитаном Синчем?

А?

Стойте... мы о чем тут толкуем?

Я приоткрываю искусанные губы, соображая с бешеной скоростью. Я здесь из-за этого? Рейдж... он меня не сдавал? Он не выкидывал? Он... правда нет? Правда-правда? Почему?

Ривер, отвечай наконец.

— Я спустилась в спортзал, где между нами произошло недопонимание, — подбираю фразы, принуждая себя говорить, ведь молчанка навредит, — Небольшой конфликт, и он исчерпан.

Я остаюсь на базе? Или Рейдж не успел доложить? Он собирается делать это? Боже, я сюда из-за Синча приглашена, не из-за тупого творчества! Снова чувствую пульс. Снова дышу.

— У тебя гематомы на шее не до конца сошли, Ривер, — указывает, поджимая губы, — Что ты ему сказала? По-порядку, рассказывай честно. Последний раз вежливо прошу.

Я сжимаю руки между собой и киваю с извинениями, заявляя скоординированным тоном, отчитываясь:

— Я отказалась отдавать воинское приветствие, которое он потребовал. Здесь так не делается, я помню Ваши слова. Он схватил меня за шею. Рой Уилсон остановил капитана, проявив доброту и смелость. Я не хотела жаловаться капитану Рейджу, но он посмотрел по камерам, и ударил Синча, потому что... защищает свой отряд. Синч сказал, что не будет бить в ответ, так как за это выгоняют с базы: покажет Вам свое лицо, и Вы сделаете незамедлительные выводы. Это все, полковник О'Коннор.

Я не в курсе версии Рейджа, но и лгать здесь не могу. Да и не думаю, что капитан стал бы врать. Не такой он. Совсем не такой. По тому, как полковник покачивает головой, мне ясно, что мои слова сошлись со словами мужчины. О'Коннор потирает глаза: медали кителя соприкасаются друг с другом, издавая характерный звук. Я ежусь, ожидая вердикта, и он поступает:

— Молодец, что отпор дала, но впредь: послушнее будь, умнее. Конфликты не создавай по возможности. Двух капитанов стравливать... нехорошо. Понятно?

А что он еще скажет? Естественно. Я тут новобранец жалкий. Поэтому мотаю подбородком, твердо отзываясь:

— Поняла. Обещаю, не повторится.

О'Коннор поощрительно кивает в ответ, бормоча:

— Иди.

Я встаю со стула, мигом направляясь к плотной дубовой двери, но меня окликают на выходе:

— И, Ривер, — я оборачиваюсь, немного пугаясь того, что о рисунке известно, однако полковник снимает опасения, — Рейдж вчера вечером сказал, что берет тебя на свою миссию. Он обозначил, что предупредил, но я повторяю: не заплатят за нее, ты тут для другого задания. Претензии если имеешь, то мне обозначь. Вдруг ему перечить не смеешь. Даю шанс отказаться.

Стоп, погодите. Рейдж еще вчера за меня поручился? Значит, сто процентов не вышвырнет? И в каком смысле «не заплатят»? Капитан упомянул, что я знаю об этом? Но мне он говорил противоположное. Еще так твердо заявлял, словно убежден полностью. Может, ошибся?...

— Я не отказываюсь, — уверенно произношу, — Благодарна, что меня берут.

Без разницы на деньги. Полезной стану. Не буду в комнате зад просиживать, важным займусь. Я тут для опыта прежде всего, не для зарплаты.

О'Коннор прощается, и я шумно выпускаю кислород из легких, скрываясь из его поля зрения. С чего бы начать анализ... меня пощадили по неведомой причине. Рейдж обрел повод, чтобы отделаться от ненавистной курсантки, но им не воспользовался. Синча, похоже, наказали. А с моими деньгами ни черта неясно. На базе «Эйприл» вообще когда-нибудь бывает скучно?

Спускаюсь на первый этаж и замираю.

Нет, тут все же не заскучаешь.

Широкая грудь Рейджа прямо перед носом. Он как раз завернул на серую каменную лестницу, а я шагнула на первую ступень и врезалась в него. Все, убейте меня и сожгите останки. Я не выношу уровня испанского стыда. Поднимаю нос со страхом, моментально обретая дрожь в теле. Рейдж держит свои глубокие глаза на моем лице, неотрывно: в них непонимание и сердитость. Я почти пишу ломающимся тоном:

— Здравствуйте... — мигом вспоминаю, что первой рот открывать запрещено, и вспыхиваю хлеще, от нервов, зачем-то усугубляя положение, тараторю шепотом, — Простите...

Шевелю трясущимися коленями, собираясь обогнуть мужчину, юркая, как мышь, но он вдруг хватает меня за локоть. Сжимает и резко притягивает к себе, отчего теряюсь и трепещу — ему прекрасно видно, как я напугана и сбита с толку.

— На меня смотри, курсантка, — негромко выдавливает, цепляя подбородок.

Я тяжело сглатываю от материала перчаток и поддаюсь, бегая глазами по его глазам, не отводя их, как и приказано. И без того кошмар как неловко, а он дополнительно стыдит. Я до невозможности красная.

— Что тут делаешь? Домой поехала? — хрипотца раздавливает в щепки, как и агрессивная близость тела.

Он считает, что я зашла к О'Коннору, дабы сбежать отсюда? Спешу огорчить...

— Нет... меня позвали на диалог по поводу капитана Синча, — заикаюсь, ведь мужские руки до сих пор не отпускают, — Я... мне казалось, что меня приглашают... потому что Вы...

— Зачем мне выгонять тебя, если ты просто рисовала, как художница, то, что видишь часто? — перебивает несвязную речь, прожигая взглядом, — Ты же поэтому рисовала, Ривер?

Художница.

У меня по венам разливается облегчение. Я молниеносно лепечу, запыхавшись:

— Да, да, поэтому, конечно, капитан, это я и пыталась объяснить вчера...

Рейджа настигает такое же чувство: он немного расслабляется. Массивные плечи плавно опускаются, когда он слабо кивает и разжимает хватку, ровно командуя:

— Все. Иди отсюда.

Капитан не оборачивается, поднимаясь на второй этаж, а я ошарашено вылетаю из здания, впитывая дождливый воздух так радостно, как никогда. Мужчина спас этот бардак. Перевел все в недоразумение. Я забываю любые обиды, серьезно. Мои проблемы исчезли. Не напортачу снова — и все пойдет как по маслу. А я не напортачу. Клянусь.

— Бар. Выпивка. Отдых, — ухмыляется Джастин, — Тренировок нет, значит ты с нами.

— Я не уверена... — мямлю, ерзая по дивану.

— Мы уверены, — подбивает Кастор, — Давай, надевай гражданское и погнали.

Я озадаченно смотрю на Рика, что попивает кофе. Он жмет плечом и коротко поддерживает:

— Молодая же.

После столкновения с Рейджем прошло всего несколько часов. У меня в голове хаос. Слово «художница» никак не выветрится: наматывает круги по сердцу, заставляя кончики пальцев покалывать. Может и полезно отдохнуть, но тут такое дело... я ни разу не пробовала алкоголь. Где мне напиться? В кадетке? И с кем? Друзей особо не было.

В двадцать один год пора бы, да? Я только чуть-чуть. Совсем капельку.

— Ладно, — до сих пор сомневаюсь, — А мы на чем поедем?

— О, детка, — дразнит Джастин, снимая футболку и кидая ее на постель, красуясь кубиками, — Капитан Рейдж выбил нам на парковке администрации место, еще полгода назад, как у Рика тачка появилась. Так что Джип Вранглер цвета металлик к Вашим услугам.

— Ты не ахренел моей машиной понтоваться? — Рик устало трет лоб, — Пешком пойдешь.

— Ты не бросишь товарища. Вдруг я заблужусь? Лес темный...

— Да уж подарком было бы, — парирует Кастор, отыскивая чистые носки в шкафу, — Я устал на твой член пялиться, когда ты с душа выходишь.

Ага, Джастин и вправду привычек не поменял... нет, он прикладывает усилия ради меня, но все равно порой забывает взять одежду и полотенце.

— Дак не пялся, — скептически отвечает нудист, — Стой, ты все время моим членом любишься?

— Можно не про члены, — бормочу, прикладывая ладони к красным щекам, — Пожалуйста.

Кастор улыбается и тянет меня за руку, вынуждая запнуться в воздухе при подъеме с дивана.

— Что из гражданской одежды имеешь? Джинсы?

Я стеснительно ежусь и почесываю затылок, тупясь на свою скромную полку вещей.

— Ну... платье одно.

В кадетке были выступления разные: девочкам вверяли обязанность носить праздничное. Джастин затихает в активных сборах и таращит глаза, вровень Кастору. Они переглядываются, а следом, чуть ли не хором, горланят:

— Вперед! Да, да, да, да!

Рик посмеивается, мотнув головой.

— Не сожрите ее. Приказ забыли?

Я скидываю брови, доставая одежду из аккуратной стопки — к счастью, платье не из мнувшегося материала. Желтое, на запах, с прикрытыми плечами и небольшим вырезом. На талии веревочки завязываются. Материал легкий: не по погоде. Но мы же на авто.

— Приказ? — шурюсь.

— Тебя не трахать, не заигрывать и никак не обижать, — усмехается Кастор, — Рейдж выдвинул: кто ослушается — вылетит. Без разбирательств. Еще до того как ты приехала обозначил, а в первый твой день здесь дополнительно подчеркнул, когда пересеклись...

Чего? Ладно... хорошо. Спасибо, что ли?...

— Ты много болтаешь, — предупреждает Рик, как бы невзначай, — Ривер, тебя ждём. Одевайся и выдвигаемся.

Я шурую в ванную, отказываясь загружать себя новым мозговым штурмом. Натягиваю бежевые колготки и провожу по идеально гладкой коже. Мама наказала бриться каждый день, приучила с шестнадцати лет, вбила в привычку: проверяла, когда виделась. Я из-за этого не пропускаю никогда. Вроде бы благодарна, но то, в какой формулировке это подавалось...

*«— Чую, вижу, ничего не получится, разочаруешь меня. А если так, то хоть мужа най-
дешь. Мужики, Ривер, волос не терпят, у них это отвержение вызывает. Ты меня слушай,
мать дурному не научит».*

Вот и вожусь с бритвой, хотя на какие-то отношения не настроена. Карьеру хочется построить. И неважно, что не в той отрасли, о которой мечтаю... нет, глупо мечтать, хватит.

Поправляю волосы и обреченно прикрываю глаза от отсутствия косметики. Помаду бы. Тушь. Я не умею пользоваться, да, и мне бы не пошло, вероятно. Однако разок то хочется. Глянуть на получившегося клоуна и все смыть.

Тем не менее парни, поголовно одетые в джинсы и футболки, восклицают:

— Что за принцесса? — широко и лучезарно лыбятся Кастор.

— Эй, королева она, ранг повыше бери! — нахлестывает Джастин, излучая тепло, — Рик, ты тоже похвали!

Приятно. Необычно и ценно. Топчусь под прицелом любви, ловя закатное солнце на кожу.

— Красиво, Ривер, — мягко подтверждает самый старший, допивая кофе, — Половину бара перебьем, похоже.

Кастор разминает кулаки, подмигивая.

— Давно не дрался.

Ладно, теперь они преувеличивают в комплиментах.

Я протестую, надевая белые короткие носки, покачиваясь на каждой из ног поочередно:

— У меня новая просьба, добавочно к запрету о теме членов. Никаких драк по моей вине.

Джастин запрокидывает затылок и стонет:

— Ну так ведь скучно!

На меня накидывают бомбер Кастора: коричневый, весь в нашивках. Я достаю из закров чернo-белые кеды, и мы выходим из комнаты, превращаясь из военных в ребят, которые на чуть-чуть полюбили жизнь. Странная штука: притворяться, что ты не тот, кем являешься. Или откладывать привычного себя, заменяя его другой личностью. Это как ящерица: линяет, избавляясь от старой кожи. Мы старую не выкидываем: снимаем на одну ночь, чтобы утром вновь в нее нарядиться.

— А Рейдж знает о вылазке? — аккуратно выведываю, залезая на заднее сиденье с Кастором.

— Мы не мальчишки, нам не надо перед ним отчитываться, — спокойно говорит Джастин, пристегиваясь спереди, — Если заданий или собраний нет в ближайшие сутки, то мы вольны.

Причина, по которой лучше быть наемником, нежели служить в армии: малая свобода. Мне ее тоже позволят на следующей базе, если себя зарекомендую, как надежного человека. Хочется верить, что так.

— А тренироваться вам никогда не надо?

— Надо, если плохо нормативы сдадим: каждый месяц проверка, — отвечает Рик, вставляя ключи зажигания, — Хоть в чем-то оплошаем — все, из спортзала или стрельбы не вылезти.

— Но мы итак тренируемся три раза в неделю, так что все отлично, — гордо заявляет рыжик, — И давай-ка не о работе. Сменим тему.

Три с половиной часа болтовни, в которой мне активно уделяют внимание. Я обнимаю себя руками и рассказываю отрывки из прошлого: незначительные. Поиск радостных — сложная штука. Да и не все яркое для других, что яркое для тебя. Мальчишки не особо хихикают над историей про мармелад. Я делюсь, как накопила на пачку, и села в парке, на скамейке, смакуя долгожданное лакомство, ни разу не испробованное до той поры. Им не мило, и оттого задумываюсь: а действительно ли я правильно воспринимаю эту мелочь? Почему улыбаюсь от того, как нескладно текла судьба?

Рик высказывается, пока едем по узкой трассе, вокруг которой царит темно-зеленый лес.

— Все здесь странное.

— Как это? — вздыхает Кастор, растягиваясь рядом со мной.

— Как будто сюда попытались запихнуть жизнь, но не удалось. Пусто, несмотря на заполненность. Ривер, ты как считаешь?

Он кидает на меня короткий взгляд через зеркало заднего вида. Мнение ребят наверняка ему известно, а вот мое — неизведанная зона.

Как считаю? Да умела бы я считать. Обзавестись бы точкой зрения для начала.

— Жизнь, наверное, пестрит, но не у нас, — пробую, пока деревья плывут из-за большой скорости, — У букашек, которые тут ползают.

— Мы тоже ползаем, — тихо проговаривает Джастин, — Ничем от букашек не отличаемся.

Я согласна. Полагаем, что все имеет смысл, а в масштабах Вселенной... никакого смысла в нас нет.

Город можно описать также, как и меня, мы с ним похожи: посредственность. Не огромный и не маленький — средних размеров. То ли круг образует, то ли овал рваный. Не современный и не старый — опять же, середина. Вроде интересный, а вроде интерес держится исключительно на моем первом приезде. Я не питала иллюзий, касательно вылазки. Честно признаться, я просто рада тому, что меня берут с собой и принимают.

Кастор помогает мне вылезти из Джипа, который припарковался около шумного бара — тут разный континент, каша. От юных лиц до байкеров за сорок. Одноэтажное, деревянное здание, внутри которого люди пляшут, будто у них праздник великий. Джастин с лучшим другом обнимают меня по обе стороны, проводя через толпу, к барной стойке. Я залажу на высокий, крутящийся, лакированный стул из ели, и снимаю бомбер, укрывая им колени. Свет желтый, но не тот, который греет, а тот, что омрачает. Кастор кричит бармену в красной клетчатой рубашке:

— Нам как обычно, но в двойном объеме.

Тот кивает и хватается за бутылки. Я тарашусь на парней, звонко уточняя:

— Вы же не имеете в виду набухать меня, да?

— Еще как имеем, — улыбается Джастин, сидящий сбоку, — Посвящение считай. Тот детский сад с тортиком не считается.

Кастор барабанит ладонями по стойке и восклицает что-то неразборчивое, получая рюмки. Мне предупредить, что я алкоголь даже не нюхала? Пожалуй, не нужно. Как-то неловко. Да и их это только больше заведет.

— Как мы обратно поедem?

Не планировала умирать в аварии. Возможно, на миссии, при исполнении долга — в этом хоть что-то стоящее есть.

— Рик трезвенник, — лисенок ставит передо мной несколько шотов прозрачного цвета.

Я морщусь, ведь кто-то потный случайно толкнул меня со спины, как бы подавая знак: пей уже. Друзья чокаются и торопят меня, не опрокидывают спиртное. Была не была, ага? Я капельку, опять же. Меня не разнесет.

Жидкость обжигает горло так, что аж задыхаюсь, теряю способность говорить на полминуты. Они хохочут с покрасневшегося вида, и я кричу, перебивая суету повсюду:

— Что я выпила?

— Водку, — хмыкает Джастин, — Давай, впереди таких пять. А потом ром.

На будущее: это было ошибкой.

Через полчаса я лежу в стельку, вровень рыжему. Мы расплатились по барной стойке, на что Рик, опираясь на ту же стойку спиной, покачивает головой. Мой мир плывет: я его не видела подобным образом раньше. Вполне себе удивительный опыт. Я недооценивала выпивку. Она классная!

— Короче, — мямлит Кастор, зачесывая влажную от духоты гриву кудрявых волос, — Моя мать...

Он обрывается, забывая о чем толкует. Я икаю, выбивая:

— Твоя мать?...

— Да, она женщина, — с трудом вяжет лыком.

— Америку открыл, — вяло стонет Джастин, закидывая новую порцию.

Я пялюсь на свой стакан: тут, вроде бы, джин сорока процентов. Его еще не пробовала. Надо! Напиток проходит влекую: все онемело. По ощущением, как вода. Ахренительно. Абстрагируешься от всего лишнего, к тому же без горечи.

Интересно, а Рейдж пьет?

«Художница».

А что он рисует?

А он художник?

Нет, он буква. Ой, то есть буква.

— А, — встряхивается Кастор, и я кладу ладонь под щеку, показывая ему свое внимание, — Ты знаешь, родители иногда рожают детей, чтобы решить свои проблемы. Вот моя из этих... Тех самых, которые уверены, что мы дадим им ответы на сложные вопросы. А у нас... мы не способны помочь им, потому что... нам бы кто помог...

— Чем больше понимаешь, тем меньше понимаешь, — кивает Джастин, доставая сигарету из пачки Camel, — Рик... расскажи ты... свои эти заумные штуки, просвети.

Трезвый пьет сок, следя за обстановкой, как бы... дает нам безопасность? Создает вокруг нас вакуум, пузырь, где никто не тронет, где мы можем не волноваться ни о чем.

— Три типа людей, — негромко произносит Рик, приходится прислушиваться, — Первый — копает до истины, но ему не найти, потому что истины нет. Второй — делает вид, что копает, но на самом деле не ниже грядки лопату втыкает. Третий — живет одним днем, пока дни не кончатся, ни о чем не парится.

Я кусаю губу, потерявшую чувствительность, и отзываюсь:

— Из какого ты типа?

Он жмет плечом, что сложно разбирается по вине клуба дыма от толстой сигареты Джастина.

— Из первого, хотя все бы отдал за третий. Но когда в первый окунаешься, то в третий не попасть, как ни старайся.

— А я из тех, кому любви хочется, — оживляется коротко-стриженный.

Рик поджигает губы, ворча:

— Повод задуматься и тип поменять.

— Почему? — возмущается, стряхивая пепел в пустую посудину.

— Потому что такие всю жизнь себя одинокими чувствуют.

— Ну а я из третьего, — еле проговаривает Кастор, — И знаю: все у меня будет. Дом... нет, особняк! Жена любимая. Детки-конфетки. Мы будем накрывать каждый день вкусный ужин, наслаждаться. Я хочу наслаждаться.

— Звучит как тост, — улыбаюсь, ища среди десятка пустых рюмок полную.

— За наслаждение! — присоединяется Джастин.

Мы бьем стеклом, и этот глоток становится финальным. Я не удерживаюсь на стуле и почти падаю: к счастью, подоспевший Рик ловит меня со спины. Он стаскивает мое тело, поднимая и прижимая к себе, после чего командует всем:

— Поехали. Достаточно.

Разве? Я бы еще посидела. Музыка в стиле кантри — не моя музыка. Но сейчас я ее люблю.

— Так и сознайся, что обожаешь играть в отца, — дует губы рыжий, — Ладно. Я тебе уступлю, папочка. Спать клонит.

Кастор поднимает бомбер, упавший с моих колен, и мы вытаскиваемся на улицу — ну, они вытаскиваются, а меня на руках несут. Я не в том состоянии, чтобы противиться или стыдиться. Путь до базы протекает коматозно. Однако я успеваю чуть-чуть восстановиться. Лежу на лисенке, а он на мне. Обнимает, как брат. Братьев не было, откуда мне знать, вроде бы? Но вот так бы я описала дом. Не мамой и не папой родными. Кастором.

Машина тормозит, я избавляюсь от дремы. Время незаметно пролетело. На базе тишина. Ни единой души. Слава Богу, а то было бы непрофессионально расхаживать около администрации вусмерть пьяной. Иду своими ногами. Рыжему больше помощь требуется — Рик его придерживает. Мы не беседуем, словно это вызовет рвоту, и так наговорились на сто лет вперед. Минуем закуток, показываются уединенные домики и... Рейдж: он покидает свой.

Какая веселая встреча...

Ребята не особо замечают, да и если бы заметили, то плевать бы им было, он их не поругает. А вот мне опасаться стоит. Я распрямляюсь и заставляю себя передвигаться ровно, дабы не нарваться. Не смотрю в сторону капитана. Только он, похоже, смотрит пристально.

— Ривер, — грубо зовет, когда мы оказываемся в двух шагах от него, — Подойди.

Зрение до сих пор подводит. Я слабо концентрируюсь. Просто фигуру Рейджа ни с кем не спутаешь. Мощный, красивый, мощный, красивый, и очень мощный, и очень-очень красивый...

Ребята оборачиваются на мое закованное тело, но спасти не могут. Сочувственно глядят с немой: «Мы пошли. Прости. Капитан как никак».

Я в заднице.

Дышу полной грудью и поворачиваюсь, обнимая себя покрепче, дабы привнести баланс. Территорию освещают лишь белые фонари, но на нас свет почти не падает, когда оказываюсь подле мужчины. И он заводит шарманку, тем приказным тоном, который уже достал.

— Завтра. В восемь утра. На стрельбы пойдем. Поняла?

Как же надоел... сколько можно терроризировать? Я цокаю и кидаю:

— Ну, поняла. Все?

Туда его! Правильно, топи...

Из меня тут же вылетает тихий писк, так как щеку обхватывают и принуждают смотреть в глаза, что неудивительно. Зеленый пигмент прожигает в неподдельной ярости, одновременно с тем капитан цедит сквозь зубы:

— Что ты только что сказала?

Глухой? Я фыркаю и отбиваю его руку — взгляд Рейджа мрачнеет. Я его плохо разбираю, как и вообще происходящее, но претензии льются самостоятельно.

— Вы же в курсе, что я Вас терпеть не могу? — заявляю, не опуская голову, — Вот, взять к примеру... Как Вы меня швырнули, помните? Накричали и швырнули, когда отжималась, а?

Он молчит. Как-то подозрительно. Не разрывает зрительный контакт. Не трогает снова. Хм...

Испугался? О да, я его напугала!

Смело продолжаю тираду наболевшего, задрав нос, находясь почти впритык:

— И еще Вы залезли в мое личное пространство! Альбом открыли! А я в Ваше не полезла, когда у Вас дома была. Думаете, мне неинтересно? — он чуть наклоняет голову вбок и сжимает кулаки, — Вы полны тайн, мне бы поскорее эти ребусы разгадать, иначе от них с ума сойду! — бесконечно часто стучу в каменную грудь пальцем.

Мужчина медленно переводит взгляд на мои удары. Он весь трясется. Ура! Видимо, боится сильнее. Пускай, верно! Ривер Акосту бояться нужно!

Ко мне поступает очередная претензия, которую я выкладываю более дерзко.

— Пока не забыла! Вы повели себя ужасно, когда сказали, что заботились обо мне чисто потому, что работаете! Что я жалкая. Как Вам такое говорить? — вскидываю брови, осуждая, — Не стыдно, капитан? Какой же Вы мудака конченный...

Обрываюсь на полу речи и хвастаюсь за низ живота, пошатываясь назад. Меня скрючивает, и я горблюсь. Алкоголь вдруг выходит из желудка: прямо на берцы Рейджа. Вся рвота на них. Он не двигается. Улицей завладевает прежняя тишина. Что-то ударяет в голову, нечто моментально отрезвляющее, и я расширяю глаза, прикрыв рот, поднимаясь, сталкиваясь с невиданным ранее гневом.

Я идиотка. Нет, нет, нет, боже, какая же я дебилка... Мой испуганный шепот пронзает воздух, я тараторю, чуть ли не падая от сотворенного.

— Черт... что я наделала... что я наговорила... простите... я... я уберу... Рейдж, умоляю, простите... сейчас...

Судорожно собираюсь наклониться, но он жестоко дергает меня за локоть, не позволяя, и приказывает через дрожь от переполняющей агрессии:

— Пошла отсюда. Пропись.

Меня колошматит: мелко и истошно. Что это было? Какая оса укусила? Капитан через секунду взорвется и разобьет мне тупую бошку: кажется, этот исход относительно прекрасен. Лучше, чем завтра пересечься с ним, когда отойду. Пожалуйста, убейте, закопайте меня, прошу.

Я панически скулю:

— Рейдж, простите...

Он хватает меня за липкий подбородок, чуть ли не отрывая шею, и повторяет низменным басом:

— В комнату. Живо.

Я бы упала, но спохватилась, удержавшись на своих двух: Рейдж меня оттолкнул в сторону без жалости. Он стряхивает блевоту резким жестом и направляется обратно в дом, грубо закрывая дверь, как если бы был готов вернуться и содрать с меня скальп.

Что ж...

...кажется, я конкретно попала...

Глава 8

Мою щеку ласкает что-то шершавое. Гладит ласково. Подушка — потрясающее место, лучшего на планете не существует. Я морщусь и кутаюсь в одеяло, издавая тихое, страдальческое:

— Кастор... не надо, я сплю...

Волосы с одной стороны заправляют за ухо — совсем нежно. Что ему неймется? Мне нужно отдохнуть, мне катастрофически нужно, я устала...

— Ребята пытались разбудить тебя, Ривер, но ты их прогнала, — хрипотца разносится по комнате, проникая в сердце, и я тут же подсакиваю, перепуганная до смерти.

Бьюсь макушкой о потолок и скулю, ведь голова и без того раскалывается. У кровати стоит Рейдж. Черт возьми. Черт. Черт. Черт!

— Аккуратнее надо, — бормочет без злости, смотря в глаза, — Знаешь, сколько времени, Рив?

Я приоткрываю рот, хлопая ресницами, и судорожно вынимаю телефон из-под подушки, тыкая по экрану с трещинами. На дисплее показывается: восемь тридцать. Я опоздала на тренировку. Полчаса как должна быть там. И предшествующие события быют похлеще, чем потолок. Я нахамила ему. Назвала конченным мудаком. Наговорила с три короба и под конец наблюдала на берцы. Боже... твою мать...

Как стыдно. Это цепляет удавку на шею.

Я ничего не понимаю. Полная дезориентация. Тру лоб ладонью, дыша, как заяц перед волком — часто, паническими отрывками. А Рейдж так и стоит около моей постели: совершенно мирно, будто ничегошеньки не случилось. Что за...

Он пришел за мной? Он... ждал меня, а я и здесь напортачила? Да. Сука, да, так и есть. Он меня убьет? Почему уже не убивает? Почему не стащил на пол за волосы и не прострелил... господи, на нем тот самый AR15. Нет, я помню, что мы должны были идти на стрельбы, но что-то мне подсказывает, что мишенью буду я.

— Капитан... — лепечу через сухость в горле.

— Собирайся, приводи себя в порядок, — по интонации как будто не приказывает, а просто общается, спокойно, — Справишься за десять минут?

— Я за три справлюсь! — тараторю и хочу слезть, но непослушное, ватное тело соскальзывает, и Рейджу приходится меня ловить — иначе бы ноги переломала.

Он бережно сжимает мою талию и ставит на пол, давая опору, прежде чем снова заправить волосы и утешительно произнести:

— Аккуратнее: уже говорил. Давай, одевайся, у нас много дел.

Я трудно глотаю, пытаюсь смекнуть что к чему. Он заботлив — и это страшнее, чем любые прошлые крики. Может... может мне все приснилось? Я не дерзила? Я на пачкала его обувь? Все нормально же было, да? Точно так, иначе бы Рейдж был в другом расположении духа.

Плохо. Меня мутит и тошнит. Засуха. Мышцы болят и ощущаются, как желе. Я вообще ни на что не способна. Тем не менее выбора нет. Киваю и отыскиваю форму на полке. Похмелье не щадит. Кожа в мурашках колючих, вся трясусь мелко. Хочется плакать. Упасть тут ему в ноги и раскаиваться. Потому что произошедшее не было выдумкой сознания, как бы мне того не желалось. Я позволила себе невиданную дурость. Меня за это не то что прогнать с базы нужно, меня правильно отвезти на смертную казнь. Горько и противно от себя же. В чем моя гребаная проблема? Почему я такая безмозглая?

Рейдж садится на подоконник, а я прячусь в ванной, залезая в одежду, параллельно полоская рот пастой. Помятая кожа, опухшая, изнуренная. Никакого спиртного впредь. Я повела себя не просто глупо, а отвратительно. Мне стыдно. Стыдно. Стыдно. Мне очень

стыдно. Я жить не хочу сейчас, не выношу своего естества, готова вены вскрыть, чтобы исчезнуть, потому что каждая новая секунда невыносима.

Понимаю, что послужило причиной моей выходки: все накопилось. Я ведь даже не плачу. Из груди вырвалось то, что давно бурлило. Но не на того человека. Нельзя на Рейджа. Хоть на кого, кроме капитана. Лучше бы закрылась в туалете и наконец разрешила себе рыдать. Куда лучше, чем весь тот цирк.

Он же меня закопает сегодня. Запугивает добром, а потом расчленит. Я не дурочка, иллюзий не питаю. К тому же опоздала на тренировку. Забейте меня камнями, прошу. Я согласна на смерть от рук мужчины. Справедливо. Ноль претензий. Надеюсь, он правда меня убьет, потому что я себя ненавижу. Презираю.

«— Пока не забыла! Вы повели себя ужасно, когда сказали, что заботились обо мне чисто потому, что работаете! Что я жалкая. Как Вам такое говорить? — вскидываю брови, осуждая, — Не стыдно, капитан? Какой же Вы мудака конченный...».

Какого хрена я устроила? И какого хрена помню до миллисекунды? Я бы предпочла слепое пятно, нежели подробности.

Робко выхожу, не поднимая взгляд. Надеваю берцы колотящимися руками: от страха и последствий выпивки. Рейдж терпеливо ждёт, а следом открывает дверь — все безмолвно. Я поспеваю за ним из последних сил — кости, будто гудят, даруя полную никчемность. Мы выходим на улицу, где идет слабый дождь — стабильность. В нормальном состоянии я не особо мерзла: форма соответствует условиям местности. Но сейчас зуб на зуб не попадает.

Я ни за что не притронусь к выпивке вновь. Я трезвенница. Как Рик. Пью воду, чай и сок.

Рейдж заходит в здание оперативного центра, и я молюсь, чтобы он не отвел меня в комнату для пыток — я не знаю, есть ли она, но была бы не удивлена. Однако спускаемся мы в то же подвальное помещение, в котором я получила форму и прочее. Рейдж, под красным освещением, выглядит более устрашающе. «Наверное, он прикончит меня здесь» — так я думаю. Однако мужчина открывает железный шкафчик и достает оттуда автоматическую винтовку, как у него. Вешает ее на меня, и я чуть ли позорно не горблюсь от тяжести — в данный час любой вес сложен. Он присаживается на одно колено, что заставляет опешить. «Может, он отрежет конечности» — мысленно предполагаю. Вот только капитан аккуратно крепит на моей правой ноге ремешки, а после вставляет в кобуру Глок19.

Это точно Рейдж? Его не подменили?

— Не туго? — приглушенный, богатый голос вьет из меня веревки.

Рейдж не поднимается, так и расположившись у моих колен. Задирает голову и создает зрительный контакт — эта картина кажется нереальной, такая же фантастика, как «Звездные Войны» на стене у Джастина. Я кусаю внутреннюю сторону щеки и сдавленно шепчу:

— Прекрасно...

Он встает, возвышаясь как всегда, попутно проводя ладонью по бедру, мягко скользя от зада к талии, где выводит медленные поступательные движения — гладит...

— Автомат перевесь правильно, — я молниеносно слушаюсь, вытаскивая одно предплечье, на что Рейдж покачивает головой с поощряющим, — Умница, пойдём.

Умница.

Превратил мои органы всмятку.

Капитан отступает, вышагивая к выходу, а я, черт возьми, собираюсь себя с пола, потому что преобразовалась из человека в лужу. Что? Это шутка такая? Мое сердце сворачивается в клубок от максимальной потерянности, и я издаю что-то неразборчивое, услужливо направляясь за ним. Не уверена, что конкретно меня душит — его внимание или сушняк.

Я перебираю ногами, преодолевая ощущение нахождения на Луне — гравитация снижена. Меня конкретно ломает и размазывает, тянет блевать опять, одновременно с тем и есть хочется: что-то жирное и плотное. Но мы не заворачиваем к столовой.

Идем за территорию. В лес.

Ну все. Мне конец. Я в курсе, что стрельбы находятся вне базы, но я вряд-ли постреляю. Постреляют в меня, создав решето — уже предполагала. Рейдж скоро отправит во мрак. Так... кого бы я хотела поблагодарить перед смертью? Ну, наверное... Кастора? И Рика. И Джастина. Но шанс упущен. Что бы я хотела вспомнить перед кончиной? Вкус мармелада, полагаю. У меня есть последнее желание? Рейдж позволит съесть лакомство перед тем, как всадит пулю в лоб? Нет, без вариантов. За ним ехать долго. Сложный запрос. Полегче я не найду.

Мы переходим асфальтированную дорогу и ступаем в намокший плотный лесной торф. Липы и дубы — тонкие стволы окружают повсюду. Обилие ветвей закрывает нас от дождя. Под берцами скрипят сучки и желуди — этот звук, как дрель, разъедает ушные раковины. Я вбираю свежий кислород, моля себя оклематься, но не получается. Как отмотать часы вспять и не поехать в бар? Я бы за это душу дьяволу продала.

Оглядываюсь и не вижу белый забор базы. Повсеместно глушь. Никого, кроме нас. У Рейджа нет лопаты: как он тут мне могилу выроет? Ха, размечталась. Я себе ее рыть сама буду наверняка. Голыми руками. По приказу. Как же страшно...

Мы поворачиваем влево, где россыпь деревьев учащается. Приходится бесконечно оги-
бать стволы. Вдалеке виднеется узкая дорожка из щебня. Хорошо... это искусственно создан-
ная тропа, значит мы и впрямь идем стрелять? Пока волноваться не о чем...

— Ривер, как думаешь, — хрипотца Рейджа неожиданно разрывает молчание, — Я доб-
рый человек?

Этот вопрос был подан без издевки или подтекста. Абсолютно беззаботно. Я ускоряю
темп ходьбы, чтобы не отставать от мужчины, и выбираю наиболее подходящий ответ. Зачем
он спрашивает? Его волнует такое? И что лучше сказать? Я не ищу истину, не опираюсь на
свое мнение, произношу то, что считаю уместным:

— Вы... добрый, — подтверждаю.

Ну не назову же я его злодеем. Мы негодяев убиваем, вроде как находимся на стороне
света. Мои берцы скрипят от контакта с щебнем, сбоку вырисовываются высокие кусты, однако
впереди, слева, они кончаются, как кончается и все прочее из растительности, потому что...
начинается обрыв. Резкий склон, массив почвы срублен, будто вырыли огромный котлован для
постройки нового здания — так и есть, вероятно...

Болезненный толчок в грудь. Из меня вылетает весь воздух, и я чувствую свободное паде-
ние, пульс подскакивает и замирает, я пытаюсь поймать себя, но тщетно, истерия возникает за
секунду, ведь мое тело вот-вот разобьется, однако рука Рейджа хватает мое оружие так, что я
успеваю удержаться на щебне ступнями, вися в пространстве, где не за что зацепиться. Меня
спасает исключительно ремень AR15, и я озираюсь с рваным пискom, глядя на семь метров
под собой.

— Поэтому ты возомнила, что можешь пересечь границы, Ривер?! — низменно цедит
мужчина, пока я отчаянно дышу, переступая ботинками по сантиметрам земли, ведь если
ослаблю ноги, то свалюсь, упора не будет, как и наклона, — Потому что считаешь, что я доб-
рый и все прощу?!

Боже, что происходит? Я упаду. Я разобьюсь. Я не могу больше дышать, у меня отказы-
вают легкие, я задыхаюсь, в ушах звенит, мышцы натянуты и накручены, но через секунду
сдадутся...

— На меня смотри, это приказ! — сокрушающий бас велит моей безвольной голове
выровняться.

Эти яростные зеленые глаза... Они заживо испепеляют. Мужчина стоит непоколебимо,
ему меня держать на волоске от смерти несложно во всех смыслах, и все же его уверенная
хватка не послабляет мою панику, он меня отпустит, он скоро отпустит, я расшибусь. Позво-
ночник работает из последних сил, создает каркас, мне приходится заложить всю выносли-

вость на то, чтобы оставаться собранной, если хоть одна часть туловища подведет, потеряет крепкость, я погибну.

— Отвечай на вопрос, который тебе задали, — чеканит, не отпуская мои налитые глаза.

Вопрос? Какой? Что мне делать? Что он спросил? Я кусаю онемевшие губы до крови, истошно трясясь, и молю с заиканием:

— Пожалуйста...

Не плакать, нельзя плакать, не плакать. Я беззвучно всхлипываю пустым носом. Глоток сырого воздуха выстреливает в голову, кружа ее пуще прежнего. Капли дождя мелко бьют по щекам. Брови Рейджа сводятся, в нем мелькает намек на сожаление, но он продолжает: сурово и требовательно.

— Еще раз, Ривер, ты назовешь меня конченым мудаком, или заговоришь со мной в таком тоне — я тебя уничтожу. Ты меня поняла?

Я не отвечаю, так как утрачиваю силы. Мои колени сгибаются, отказывают, спина расслабляется — и капитан незамедлительно дергает оружие к себе, притягивая меня рывком к своей груди, пока не свалилась, а это бы свершилось ровно через секунду. Я сжимаю зубы, из горла исходит какой-то тихий скулеж, ноги подкашиваются от пережитого, но Рейдж впивается в мою талию и поднимает, утаскивая от края на пару шагов. Я не могу говорить. Я не умею. Язык не подчиняется. Меня вырвет.

Он почти убил меня. Еще мгновение и из расколотого черепа вытекала бы кровь.

— Ты меня поняла? — гравийно добивается своего, но почему-то не заставляет смотреть, задирать нос.

Осознаю, что цепляюсь за края его бронежилета до боли в пальцах. Если бы не большие руки, то я бы осела на землю, меня колошматит мелкой дрожью. Чужой жар не согревает. Ничто не согреет. Я не хочу повторить инцидент, поэтому шепчу омерзительно плаксивым тоном:

— Поняла. Простите.

Он проходится ладонью по моей спине, словно успокаивает, но тут же пресекает себя и отходит, поворачиваясь ко мне спиной. Я молниеносно приколачиваюсь задом к щебню, обхватываю колени и опускаю голову, тихо выпуская и вбирая воздух. Это было самое доходчивое предупреждение. Рейдж не даст других. Сразу расправится. Оплещаю снова — умру. Не то чтобы я не знала этого прежде, я лишь не получала прямых доказательств. И какой же надо быть удачливой, чтобы на них нарваться.

Мужчина прирос к камням и сам как камень.

Нет, я ошибалась. Я больше не могу испытывать от него что-то теплое или приятное. Я знаю, что сама виновата, но это... это было за гранью. Не забуду тот миг. Не выкину из памяти, как он стоял в незыблемой решимости, наблюдая за тем, как я отчаянна. Я не обижена. Я просто... не знаю. Мне кажется, что я сильно заблуждалась в каком-то аспекте.

Он повел себя правильно с точки зрения военного, но неправильно с точки зрения человечности. С чего я вообще продолжаю уповать на его доброту? Нет в нем такого ни грамма.

— Вставай, — сжато командует, протирая глаза, все еще не поворачиваясь, прислушиваясь к моим жалким звукам, — Либо иди к полковнику и домой отпрашивайся, либо со мной стрелять. Выбирай.

Мне нельзя домой. Я не хочу стрелять. Под одеяло, обнять себя и отключиться от паршивой реальности — вот, что нужно. Но я опираюсь на не работающие запястья, кое-как поднимаясь, сжимая кулаки и жмурясь, стараясь себя уговорить. Рейдж тяжело выдыхает, понимая, что никуда я не сбегаю, и шагает вперед по дороге. Я молча иду за ним, смотря в ботинки. А он не оглядывается, как если бы ему это было сложно физически.

Проявляю себя стойкой, беззаботно здороваясь с теми, кто здоровается со мной на стрельбище — в том числе с Роем Уилсоном. Рейдж коротко, но гневно цепляется за улыбку

парня, подаренную мне совершенно чисто. Похоже, ему не особо нравится наш контакт. Знает ведь, что Рой меня защитил. И наверняка видел по камерам, как мы беседовали позже, на скамейке. И что? Мне теперь дружить запрещено?

Голова раскалывается. Похмелье и аттракцион на обрыве — убийственная смесь.

Очухиваюсь с горем пополам. Мы делаем вид, будто ничего не произошло — а как по-другому? У нас исключительно «деловые» отношения, разбирать конфликт никто не станет. Да и не конфликт это был, а наказание. Он меня проучил. Преподал урок, который я хорошо усвоила.

Я не вступаю в диалог, хотя никто меня и не просил. Лежу на земле, слушаю объяснения и поправки, держу автомат у щеки, целюсь и спускаю курок. Первые пули пролетают мимо. Я ожидаю получить грубость, но Рейдж, стоя надо мной, коротко бормочет:

— Соберись.

Следующие попадают в десятку или близко. Я говорила, что хорошо стреляю, и это правда. Похвалой является отсутствие нареканий. Хорошо, что он не поощряет вслух, ведь сейчас это бы воспринималось фальшью. Он же не искренне. Он никогда искренним не был.

Обратно идем в той же тишине. Я прохожу обрыв в напряжении, но, к счастью, кошмар не повторяется. Пока не повторяется, Ривер, у Рейджа как-то настанет плохой период, и он на тебе отыграется, ты подожди.

Как только пересекаем КПП, капитан хрипит:

— Со мной идешь.

Я кусаю внутреннюю сторону щеки и сжимаю оружие в ладонях, смиренно следуя за ужасом моей жизни. Солдаты расхаживают по базе в отличном настроении — мечтаю когда-нибудь обрести такое же счастье. Неважно от чего именно они испытывают радость. Мне это незнакомо. Будет ли когда-то? Маловероятно. Помню, как поступала на базу «Эйприл» — воодушевление царило. Оно кончилось уже через неделю. Мне необходимо отыскать новые стремления, иначе расклеюсь хуже. Отосплюсь, приведу себя в норму и снова буду готова горы сворачивать. Наверное, меня расстроил не столько поступок Рейджа, сколько моя реакция. Я забоялась смерти, а это стыд. Нам нельзя так реагировать. Что я за солдат? Сплошное разочарование. Права была мать.

Я хмурюсь, ведь мы подходим к домикам и Рейдж достает из тактических брюк ключи. Он открывает плотную дверь и пропускает меня первой. Звал ли он сюда ребят? Я тут второй раз, а они хоть заглядывали? Без разницы. Не имеет значения. Он меня душить подушкой собрался, так что никакая это не привилегия.

Захожу и отступаю, пялясь на коричневый коврик под берцами. Что Рейдж говорит? То же самое, что и в прошлый мой визит.

— Разувайся.

Все-таки планирует добить. Тренироваться мы здесь не станем, ран у меня нет, так что привел для казни. Я беру все свое мужество и снимаю ботинки, как и капитан.

— За стол садись, — наставляет и открывает шкаф, где стоит холодильник и микроволновка.

Что у нас на обед? Яд? Любимое блюдо.

Я снимаю автомат и ставлю его к стене, робко располагаясь на деревянном стуле со спинкой. Стол чист, за исключением катышек от ластика — мужчина их явно смахивал, но они, заразы, всегда прилипают. Кучкуются на краю в обилии, как будто капитан стирал пару рисунки или текста до дыр. Никаких листов, но, косясь на тумбочку с опрокинутой рамкой, я замечаю торчащий кусочек бумаги из шкафчика. Он их туда так судорожно запихивал, что не уследил?... зачем?... неужели после моих слов о том, что я ребусы его хочу разгадать? Такие крошки, незначительные детали дают ответы или создают предположения.

Микроволновая печь издает жужжание. В родительском доме такого не было. Мама предпочитала готовить на один прием пищи: трудилась на кухне три раза в день. Как бы учила на будущее что должна делать хорошая жена. Мне было мало лет в наше совместное проживание, поэтому я не вобрала знания. Яичницу не сварганю. Полный ноль в кулинарии.

Короче: безнадежный солдат и безнадежная женщина. Заслуги для двадцати одного года потрясающие.

Через минуту передо мной ставят две белых тарелки: с пшенной кашей и бутербродами с маслом и сыром. Еще через минуту чай мятный в черной кружке. Я таращусь на еду в исступлении, а мужчина садится на пол, облакачиваясь спиной на толстый матрас кровати, заправленной также идеально, как и тогда. Ага... интересно. Это что-то вроде прощальной пищи смертника?

— Ты не завтракала. Обед через два часа, — поясняет почти равнодушно, но какие-то нотки выдают... волнение, — Ешь, Ривер.

Я ненавижу его. Ненавижу это мнимую заботу. Я устала. К чему все это? Ты хотел угробить меня, а теперь кормишь, дабы в обморок не свалилась. Сколько можно меня мотать? Я наконец шепчу хоть что-то, впервые за долгое время, сочтя, что это уместно в неформальной обстановке. Его дом, как серая зона — тут можно позволить себе чуть большее.

— Капитан, Вам не нужно делать это, — аккуратно выдаю неровным голосом, — Не нужно находить ко мне подход или налаживать связь. Я послушаюсь Вашего приказа на миссии: любого. Вне зависимости от наших взаимоотношений...

Он перебивает, словно я несу нечто оскорбительное.

— Я не поэтому, Ривер, — прикрывает глаза, звуча немного сдавленно, — Не надо.

Я зачесываю волосы, убирая их за уши. Он опустил голову в пол, опирается предплечьями на колени. Не понимаю. Ему стыдно? Не верю.

— Что «не надо»? — произношу тихо-тихо, заламывая себе пальцы.

Рейдж не торопится. Опять слова подбирает, разгуливая по окраинам своего бардака, выражается максимально туманно, чтобы я не смела коснуться души... у него ее нет, он признался, точно. Моя наивность.

— Концентрироваться на одной вещи, упуская прочие.

Я поджимаю губы и утыкаюсь в тарелку, мотая головой. Он о чем? Мне не опираться на то, что резало без ножа? Пропустить мимо речь о поддельной заботе ради выгоды?

— Иногда так случается. Одни слова перебивают остальные, становятся главными.

Я не скандалю. Говорю сдержанно, как бы внутри громко не было. Мужчина погружается в раздумья. Он берет паузу, а мой голод берет верх — я погружаю ложку в рот, и теплая каша обволакивает загигающий желудок, облегчая мучения. Еда из столовой. Рейдж берет в дом, ведь маску прилюдно не снять. Стоп. Он свое мне отдал? Сам то завтракал? Станный.

— Ночью, когда я планировал то, как накажу тебя, — вдруг делится, пряча взгляд, наверняка знает, что я в нем вижу то, что видеть нежелательно — чуткость, — Я поставил себе цель: столкнуть тебя, а после добавить сто отжиманий.

Отлично: каша теперь не проходит. Встает поперек гортани. Я вешаю нос, разбито отвечая:

— Сейчас отжиматься? Тут?

Рейдж морщится, на что-то злясь, и рвано чеканит:

— Нет. Я не к этому сказал.

— А к чему? — путаюсь.

Он отворачивается и жмурится, отрицательно мотая подбородком, отказываясь объяснять. Не имел же он в виду: «Хотел, чтобы отжималась, но посмотрел на твое состояние и не смог отдать эту команду». Или имел? Нет, глупости. Он бесчеловечен. Я накручиваю.

Хотя мужчина очевидно не наслаждался тем, что перед ним предстало. Отвернулся. Мое горе не вызвало в нем феерию. Не такой он монстр, каким себя позиционирует порой... Осечка. Скорее всего я делаю преждевременные выводы. Он еще поразит своей изощренностью.

Занимаюсь пищей, прожевывая тщательно, пытаюсь уловить неестественный вкус. Не отравлена. Или у Рейджа есть яд, который не распробуешь. Узнаю позже. Ночью у парней появится шоу-программа: откачивать Ривер Акосту.

— Хочу тебя перевести, — говорит то, чего боялась, а потому застываю, — Но у Фога загруженность. Синчу не отдам.

Вот оно как. У капитана возникла потребность общаться. Накопилось, а излить некуда? Иначе к чему он это рассказывает? Я то впитываю губкой, в душу, получая ключи к некоторым запертым дверям, но на мужчину это совсем не похоже. Чувствую вину. Растормошила осиное гнездо, выбила его из колеи, а это вредно — он главнокомандующий отряда, обязан быть холодным в уме. С момента моего появления Рейдж, определенно, выходит из себя ежедневно. Ребята отзывались о нем, как о незыблемом человеке. Рядом со мной пуленепробиваемые стены порушились. Тайфун создаю.

— Отдайте Синчу, если я не приношу пользу, — тяжело сглатываю, опуская ложку в кашу, — Если я мешаю, отдайте, не жалейте. Справлюсь.

Это прежде всего из стремления сберечь Кастора, Джастина и Рика. Не дай Бог на них повлияют наши разлады с Рейджем. Никому не хочу проблем.

— Он тебя сразу нагнет, Ривер, — натянуто отвечает, поднимая глубокие глаза, где пестрит злость и разочарование, — Или тебе плевать? Ляжешь?

Ему противно от мысли, что я соглашусь? Мне от этого тоже противно. Что угодно, но не под лысого громилу. Не так я себе первый раз представляла. Я в целом никак не представляла, но Синч — наихудший кандидат.

— Нет, — отрицаю с горечью, без сомнений, — Не лягу. Но Вам не нужно думать о последствиях. Я сама разберусь.

Рейдж приглушенно усмехается: сложно было разобрать. Запрокидывает голову, балаклава смещается, и меня током пробивает. Миллиметр шеи приоткрывается, малюсенький участок кожи, а на ней узоры... это тату. У Рейджа на шее тату. Или показалось? Померещилось? Я ощущаю себя так, будто увидела то, что запрещено, перешла черту, а потому, пока он не понял, отворачиваюсь к порогу, пылая. Меня не приглашали к этой картине, но я ее застала, это вышло случайно. Татуировки. Рейдж татуированный. Никто на базе не знает, а я знаю. Боже, как мне жить с этой ничего не означающей и, одновременно с тем, ахренеть какой имеющей вес информацией?

Хоть кто-то в мире видел это? Или одна я и тату-мастер? Что там нарисовано? Какие еще части тела покрыты чернилами?

— Он тебя не тронет, а если тронет — умрет, — тихо заявляет, насливая очередные мурашки, — К нему ты не попадешь никогда.

Да погоди ты, я тут утонула в ином.

Потом. Обмозгую позже. Ерзаю на твердом стуле, глупо уточняя, переключаясь:

— Почему Вам не без разницы на меня?

Отклик, прилетающий без промедлений, ошарашивает:

— Потому что ты — часть моей команды. Так сложилось. С заданием справишься послезавтра — я тебе младшего лейтенанта присвою.

Я поворачиваюсь, хлопая ресницами, и натыкаюсь на зеленый пигмент, неотрывно следящий за моими эмоциями, коих уйма.

— Правда? — стараюсь контролировать восторг, но в лице свечусь.

— Правда, — кивает Рейдж, — Не подведи меня и парней. Если не соображаешь чего-то, то под ногами не путайся. Веди себя хорошо.

Я завизжу. Запрыгаю по комнате. Накинусь на него с объятиями. Ладно, прощен, в конце-то концов мы квиты: хамство и рвота против трех минут над пропастью. Было и было!

— Я буду, — отвечаю более частыми кивками, — Буду хорошей. Когда Вы расскажете о моей роли на миссии?

Рейдж смягчается, расслабляя вечно напряженные брови. Так ему больше идет: без хмурости. Я его, конечно, не перестаю побаиваться, но страх уже не размером с Эверест.

— Завтра собрание на два часа. Слушай внимательно, запоминай, — он встает, шагая в ванную, заканчивая диалог, который и без того перешел все полномочия, — Доедай быстрее и уходи.

Я не задерживаюсь: засовываю в себя остатки каши и один из трех бутербродов, наедаясь до отвала. Выпиваю чай и стопорюсь над грязной посудой. К счастью, мою неразбериху спасает мужчина. Он появляется в комнате, и я понимаю, что теряю дар речи. На нем нет формы, вместо нее черные домашние треники и спортивная кофта, застегнутая до горла — в нее же направлена прежняя балаклава. На ногах носки белые.

Боже помоги мне.

С мольбой смотрю на перчатки: их не снял, а ведь надежда была. Что там такое? Тоже татуировки? Поэтому прячет? Я моргаю, приоткрыв рот, иссушаясь под огромным телом, подходящим близко. Он нежно дотрагивается моей щеки и создает зрительный контакт, о чем-то нервничая. Я молчу — простояла бы истуканом вечность, клянусь, так как герметичность мозга нарушена.

Большой палец водит на коже последовательные линии: Рейдж этим не управляет, руки сами действуют, пока он копается в себе. Зеленые глаза ласкают мои серые, затем спускаются к губам в ранах от бесконтрольных укусов. Меня пробирает хриплый негромкий тон:

— Я не думал, что так испугаешься на обрыве, хорошо? — это завуалированное оправдание, отдаленно сквозящее сочувствием, — Должен был проучить. Я знал, что тебе будет не по себе, но я не знал, что настолько. Этого я не хотел, Ривер. Обещаю.

Я умираю в сотый раз за половину дня. Кожа горит от касаний на щеке и талии. Включаю рот, сбивчиво шепча:

— Хорошо.

Он, по ощущениям, смыкает челюсть. Твердая грудь расширяет от тяжелого вздоха. Рейдж отводит взгляд, последний раз изучив губы, и кивает, согласовывая.

— Иди.

Посуда перестает волновать. Натягиваю берцы, беру автомат и выхожу на дождливую улицу, утешая стук в висках — уж больно звонкий стук.

«Прости»

— *Рейдж.*

Глава 9

У меня украли трусы.

Я не шучу.

Стиралки и сушилки в общежитии находятся на этаже, они общие. Я стою в комнате, где крутятся с десяток стиральных барабанов, и недоумеваю: где, черт возьми, мое нижнее белье? Я засунула его сушиться вместе с носками, отошла на час, а теперь обнаруживаю пропажу.

Никто не мог перепутать. Я одна девушка здесь. Их что... взяли ради... ну, смотреть, представлять и удовлетворять себя? Какой кошмар. Ладно. Не такая уж и трагедия...

Тру лицо и шурую в комнату, не способная даже пожаловаться парням — как-то неловко что-ли. Да и у нас не то настроение, чтобы шутки шутить. Все собранные, готовые внимать информацию — я в особенности. Переживаю, как перед сдачей экзаменов. Но все должно получиться. Я с собой листок и ручку беру: на всякий пожарный, чтоб наверняка.

Утром успели с Риком пофилософствовать. Проснулись оба раным рано, он позвал с собой на улицу выйти. Блеклый рассвет касался наших лиц. Треск сигареты мужчины раздавался, по ощущениям, на всю округу. Я боялась нарушить момент, но все же подняла голову, прошептав совершенно наивно то, что гложет:

— Нам убивать завтра придется?

Рик покосился на меня со снисходительной, слабой улыбкой, и подразнил:

— Нет конечно. Мы едем территорию врага цветочками усаживать. Облагораживать, чтобы они добрее стали и исправились без насилия.

Очень смешно. Его, похоже, совсем не волнует наше положение. Привык. Считает своим долгом.

— Без насилия не исправить людей?

Пожалуй, я тут одна такая на всей базе: сомневающаяся. Другие точно знают, кто они и для чего.

— Людей исправить, — обозначил друг, затянувшись вновь, — А к тем, к кому мы зайдем, Ривер — они нелюди. С ними по-другому никак.

Я почесала затылок, облакачиваясь спиной о стену общежития. Обнимала себя руками, слегка запутавшись, а Рик, твердо стоящий напротив, попробовал истолковать:

— Знаешь, что говорил Карл Маркс по поводу насилия?

Мои плечи приподнялись, голос немного сбился в стыде.

— Нет, я в этом плохо разбираюсь.

— Он считал, что мир насилия необходимо насильственно уничтожить — так человек придет к свободе, перестанет лгать себе. Мы потеряли покой, обманываемся тем, что он существует, но пока хоть кто-то на Земле совершает зло — покоя нет... — я нахмурилась, и мужчина добавил для ясности, — В Бога ты веришь?

— Католицизм... Иисус, наверное. Отчасти. Когда верить надо — верю.

Рик кивнул, словно ему это было очень знакомо.

— Вот Иисус твой предостерегал в Евангелии от Матфея, что того, кто обзовет своего брата глупцом, ждет огонь Ада. Все выставляют его милосердным, но он отправляет к чертям за короткое оскорбление ближнего. Насилие везде: в любых текстах, будь то Библия. Без него никуда, Ривер. Вопрос в том, что должны иметься те, кто с этим может бороться. И мы боремся. Понимаешь?

Теперь я думаю, что правда понимаю больше. Нет, не тему насилия. Я лучше понимаю Рика. Его взгляды.

Рейдж встречает нас в одном из кабинетов оперативного центра. Тут столы и стулья, доска для маркеров — все бело-серое. За самой дальней «партой» расположился мужчина в

возрасте — лет сорок, но уже седой. Лицо у него неприятное: словно ему чем-то воняет, хотя воздух свежий. Кастор сдвигается к моему плечу, щекоча щеку копной рыжих волос, и шепчет:

— Это майор Ханс. Злыдень тот еще. Он тебя отдать Синчу хотел, когда распределение было между капитанами.

Я сижу, потирая потные ладони так, чтобы никому не было видно. Рейдж у доски стоит, пересматривает исписанные листы на планшетнице. Рик и Джастин за соседним столом: по делу переговариваются.

— Почему Рейдж себе забрал? — шепчу, убедившись, что никто, кроме лисенка, не услышит, — Из-за задания запланированного? Капитан хочет выполнить ту миссию, для которой я здесь?

Кастор мотает веснушчатым носом, полностью отрицая:

— Он еще не знает что это будет за миссия. Никто, кроме наших программистов, которые информацию выискивают, и сильно вышестоящих лиц, не в курсе.

У меня все путается. Если он не имеет представления о том, сколько ему заплатят, зачем за меня боролся? Я открываю рот, успевая вымолвить:

— Тогда что...

Но меня обрывает Ханс: грубо и надменно.

— Я не понял. Курсантки шибко общительные или как? Рыжие тоже? — Кастор закатывает глаза, не поворачиваясь, а вот я затылком шевелю и встречаюсь с разгневанной рожей, — Пасти закрыли оба.

Рейдж напрягается и переводит взгляд на майора, а затем более мягко смотрит на Кастора. Лисенок гримасничает, мол «серьезно?». На меня капитан внимания не обращает. Слава Богу. Вбирает кислород и прикрывает глаза, безмолвно отвечая: «Не нарывайтесь. Замечание справедливое». Ладно, он действительно умен, нам тут не к месту разборки затевать, причиной которых, в том числе, окажусь я.

Плакали мои попытки выведать что к чему — так кажется. Но рыженький ворует мой листочек и ручку, незамысловато черкая, втихаря:

Они вывесили твоё фото на том собрании. Устроили целое шоу. Вели себя мерзко. Ханс намекал на то, как Синчу удача улыбнулась: в бордель ездить не надо будет, ты же рядом. Рейдж не вытерпел такого отношения к девушке, в конфликт вступил. Пресек, что если тебя не заберет, то дойдет до полковника и доложит про этот цирк. Он нам рассказал обо всем в комнате, оповестил, что ты скоро в отряде будешь. Злой был. Так то ты ему не нужна была по сути. Просто защитил.

Как только мои глаза касаются последней буквы, Кастор зачеркивает текст, чтобы он был нечитаем. На случай, если Ханс решит подойти. А знаете... Рейдж то не так уж и плох. Ну, немного психопат поехавший, да, толкает с обрыва, отжиматься заставляет до обморока, но в целом-то ничего такой. Где-то даже милый.

Немного яснее, почему Рейдж так мной недоволен: я ему изначально не сдалась. Но я не просила меня защищать. Конечно, благодарна. Только вот зачем на меня крест расплаты взваливать? Это несправедливо.

В комнату заходит незнакомый мужчина в форме и отдает Рейджу еще пару распечаток, после чего тот кивает и открывает маркер. А... я то думала он конспекты повторяет — поэтому не начинал. Придурочная.

— Что мы имеем, — вздыхает капитан, — ОБН накрывает огромный наркокартель. Несколько мест разом. Распределили всех своих людей, но неделю назад выяснили, что есть еще одна точка, и на нее сотрудников уже не хватает. Поэтому мы занимаемся этой мелочевкой.

— Курсантка Акоста, — нахально произносит Ханс, заставляя капитана прерваться, — Как переводится аббревиатура «ОБН»? А то сидишь глазами хлопаешь. Элементарного не понимаешь если, то как задание выполнишь?

Я панически сглатываю, чувствуя покалывания в кончиках пальцев. «ОБН»? Я не знаю. Позор мне, но я не знаю. Судорожно сочиняю возможные варианты и приоткрываю рот, собираясь повернуться, но Рейдж грубо чеканит:

— Как она глазами хлопает видно только мне, к тебе она спиной сидит, — я поднимаю к нему ошарашенный взгляд щенка, и встречаюсь с разгневанным видом, — Весь мой отряд в курсе, что такое Отдел по Борьбе с Наркотиками, иначе бы здесь не находились. Не мешай мне инструктаж проводить.

Господи, я ему сейчас в ноги упаду, благодаря за спасение. Он прекрасно уловил, что я растерялась из-за недостатка знаний. Возможно, мне придется получить от капитана позже, но лучше уж от него, чем от чужих. Удивительно в целом, как он меня защищать ринулся, ведь Ханс — майор. Выше звание, чем капитан.

— Продолжаем, — четко сообщает мужчина, не позволяя уроду ответить, — Дом двух-этажный, есть подвальное помещение — там вся варка происходит, — ловко рисует план на доске черным маркером, — На улице будет сторожила. Его снимет снайпер Фога... — Джастин поднимает руку, и Рейдж спокойно кивает, — Спрашивай.

— Джереми?

— Нет, Фог дал Роя Уилсона, — говорит капитан и мельком, почему-то, смотрит за моей реакцией, — Еще вопросы?

Рой владеет снайперкой? И он с нами будет? Более чем потрясающая новость. Поеду в самом прекрасном окружении... если не считать Рейджа, конечно.

— Вокруг поле и лес, ноль прочих построек. Приступаем ночью. Две входные двери. С главной заходят Кастор и Рик. С задней захожу я с Ривер, — пульс учащается, а Рейдж все еще избегает любого зрительного контакта со мной, будто это его собьет или выдаст в чем-то, — Джастин у окна: подашь сигнал, что войти безопасно. Нам нельзя всех перебить, ясно? — приказно обращается к соседнему от нас с рыжиком столу, жестикулируя, — Они нужны ОБН для допросов. По возможности стараемся оставить в живых каждого. Огонь открываем в крайнем случае. Поэтому действуем по-тихому. Вы трое, — указывает на парней, — Осматриваете первый этаж. Я и Ласточка — второй. Всех, кого находим, тащим в подвал и кладем лицом в пол.

Я путаюсь, а Кастор шепчет на ухо:

— Видишь, позывной тебе дали. Красиво.

Что? Какой позывной? «Ласточка»? Это так Рейдж придумал? Я бы спросила, но боюсь вмешиваться. Ласточка. Ласточка. Ласточка. Хорошо звучит. Вот только к щекам отчего-то краска приливает. Он мог бы назвать меня лягушкой, как на тренировке. А назвал так. Почему?

— У меня кстати тоже позывной есть, — добавляет лисенок, пока Рейдж открывает какой-то большой конверт, — «Бибер». Типа... я пораскинул в начале службы... Забавно будет, если по рации скажут: «Джастин и Бибер — на позиции». Понимаешь? Выкупаешь? Певец такой...

— Выкупаю, — коротко отзываюсь, веля ему помолчать со своей дуростью.

Позывного может и не быть. У Джастина нет. У Рика тоже — иначе бы Кастор сейчас сказал. Зачем Рейдж нарек меня таким именем? Нет, я не против. Просто... не понимаю.

Ласточка.

Нежно и трепетно. Необычно. Над базой такие птицы не летают.

— Если ОБН облажается и кто-то с другой точки передаст сигнал на нашу — они могут быть наготове, — Рейдж вывешивает несколько фото мужчин и женщин, прикрепляя их магнитами, повторяя, похоже, шаблонную информацию, — Смотрим на дверные проемы, на лестницу, на любые пространства, где возможно поставить растяжку. Если они стреляют, мы стреляем в руки или ноги. В подвале химикаты, вы — не химики. Не знаете что взорвется. Так что не паляйте куда ни попадя.

Он упоминал, чтобы я не путалась под ногами, если чего-то не понимаю. Дак вот это дельный совет. Судя по тому, что слышу, запутаюсь влегкую. Следовать за ним на второй этаж, поймать там тех, кто будет, спустить в подвал, при этом не зацепиться об растяжку, а потом уложить врагов.

Я, похоже, идиотка, но только сейчас осознаю, что все время размышляла об этом как-то... эфемерно? Вроде: ну да, миссия, постреляю. Не вдумывалась в количество нюансов, в четкую последовательность каждого действия. Я справлюсь. Конечно. Справлюсь. Должна. Иначе для чего я тут? Это пробная версия перед тем заданием, для которого меня пригласили. Рейдж вообще подчеркнул, что грядущее — мелочовка. Они чем-то поважнее занимаются. И то, для чего я прибыла, видимо, намного серьезнее.

Я не планирую геройствовать завтра. Достаточно не испортить — уже подвиг. Заткнуись и буду делать все строго по команде. Неплохо, верно?

— У нас несколько лиц, но мы не знаем, будут ли именно они в том доме, — я обращаю внимание на вывешенные фотографии и внутренне морщусь от того, что мою туда тоже помещали, как рассказал Кастор, — Ахмед Асад — главный всех главных, — стучит маркером по человеку в арабской бордовой шапочке, — Хусейн и Малика Асад — брат и сестра Ахмеда. Садун — варщик, — с ним сложнее. Может сам себя зарезать, чего, повторяю, допустить нельзя. Запомните их рожи. Если они выпадут нам, то мы сорвали джекпот. Заплатят больше. По основному прошлись. Есть вопросы?

Ребята молчат, и Рейдж удовлетворительно кивает, переходя к разным вариациям того, как все может пойти дерьмово. Ханс удаляется, так как проконтролировал, что суть изложена капитаном полностью. Мы сидим около полутора часа, разбирая от и до все исходы, составляя к ним инструкции. Я помалкиваю: записываю сосредоточенно, никого не отвлекая глупостью. В груди возникает то чувство, которое совсем недавно ярко пестрило.

Страх.

На самом деле страшно. Не до того состояния, когда прячешься. Однако холодок по коже идет. Мне наплевать на врагов, мне не наплевать на то, что у меня что-то не получится, и я подведу отряд — по этой причине напугана. Если я затуплю в моменте и, тем самым, подставлю парней. Они отвлекутся на меня, а должны быть сконцентрированы на обстановке.

Крайне мало веры в себя.

С этим тяготящим ощущением я покидаю собрание. Парни в боевом настрое: обсуждают операцию и про обед болтают. Идут чуть впереди, а Рейдж рядом, сбоку. Чувствую его взгляд, но тем же не отвечаю — боюсь, что покажу свои опасения, и он меня никуда не возьмет. Увидит душевные метания — назовет бесполезной. Младшего лейтенанта так никогда не получу.

Коридор длинный, и мы уже почти вышли в холл оперативного центра, но нам навстречу идет Синч. Ребята напрягаются, а мне, вроде бы, переживать не о чем: с одной стороны стена, с другой Рейдж, а перед лицом три спины соседей. Мне кажется, что мы просто разминемся, но лысый поражает:

— Рив, погоди.

Я хмурю брови от сокращения, которое он использовал. Рейдж каменеет. Мы все останавливаемся, и мужчина подходит поближе, протягивая мне с улыбкой какую-то вещь — скомканную и теплую от его громадной потной ладони. Я разворачиваю полученное и расширяю глаза. Желудок падает.

— Забыла в моем доме, крошка. Не теряй, — подмигивает.

Мои труссы. Это, черт возьми, мое черное белье. Парней озаряет шок — всех, кроме Рика. Он наполняется злостью, вровень Рейджу. Синч усмехается:

— Надо было не при всех, прости, глупо получилось, — он хочет потрепать меня по волосам или погладить по щеке, но Рейдж отбивает его руку и закрывает меня собой.

Я чуть ли не подпрыгиваю от низкого голоса:

— Ты была у него дома, Ривер?

Он не поворачивается, но звук обволакивает мое тело, как ежовая рукавица. Я тарашусь на спину мужчины, которая даже подрагивает от ярости, и сбивчиво лепечу:

— Нет, Вы знаете, что я бы не стала, Вы знаете. Эта вещь, моя вещь, утром она пропала из сушилки, Рейдж...

Ему достаточно для того, чтобы поверить. Синч хочет обойти, закрыть тему, но мой капитан резко толкает его в приоткрытую дверь рядом с нами, отчего тот пошатывается. Я кладу ладонь на рот, ведь мужчина входит в комнату и толкает дверь ногой — она громко хлопает, оставляя меня и парней одних. И это ужас, потому что там, за стеной, в кабинете, раздаются тупые удары — очевидно, бьет не один Рейдж. Сдавленные ругательства. Оборванные угрозы, среди которых трудно разбирается:

— Назови ее «Рив» еще раз. Давай, сука, назови.

Меня трясет, и я делаю шаг назад, но впечатываюсь в лисенка. Кастор тут же обнимает меня с тихим:

— Пойдем отсюда. Не надо ждать.

Я сминаю гребаные трусы в подрагивающих руках и пытаюсь соображать онемевшим мозгом. Синч хотел выставить меня подстилкой. Хотел создать иллюзию того, что мы трахаемся. Публично навесить на меня такое клеймо. И все мои трусы разглядели — меньшая из проблем, но я от стыда сгораю.

— Разниму их, — цедит Рик, вышагивая мимо нас.

— Тебя отстранят, — протестует Джастин, тормозя друга за локоть.

У них у всех проблемы из-за меня будут? У Рейджа точно. Вторая драка. Полковник просил быть уступчивой, не создавать конфликтов, не срамливать. Но в чем моя вина? В том, что не стояла у сушилки весь час? В том, что не заботилась о безопасности нижнего белья?

— А кто разнимет? — натянуто отзывается Рик, вырывая руку, — Вы — лейтенанты старшие. Вам не положено. Я — капитан. Хуже, если они друг друга прикончат.

Он больше не обсуждает: заходит внутрь. По коже бежит мороз, когда взору открывается Рейдж. Как в замедленной съемке: он теряет главенствующее положение от удара в лицо, и мужчины меняются местами. Синч залезает сверху, нанося побои. Рик оттягивает лысого, игнорируя маты в свою сторону, а затем толкает Рейджа в грудь — он встал и хотел напасть снова. Капитан рычит совершенно бредово и бесконтрольно:

— Отойди к хренам. Вышел отсюда.

Рик не сдается, не пропускает его, пихая опять и опять, с четким:

— Хватит. Очнись, Рейдж. Что с тобой?

Синч поворачивается ко мне, обводя глазами с ног до головы, ухмыляясь. С носа ручьем бежит кровь, челюсть припухла. Инцидент для него — забава, шутка, средство для создания проблем Рейджу. Я хочу вернуться в комнату, схватить выданный глок и расстрелять его уродскую морду.

И правда: что с Рейджем? Чего он так взъелся? Мужчина кидает на меня горящий взгляд, а затем трясет головой и тихо выругивается, бормоча Рику:

— Нормально все. Вас защищаю.

Его колотит от тьмы. Рик поджигает губы, как будто в его голове появилась однозначная мысль, разъясняющая ситуацию. Может, он поделится? Мне вот ничего не ясно. Почему Рейдж так из себя вышел? Окей, ему не понравилось поведение Синча к члену отряда. И что с того? Устраивать кровавое побоище? Нам снова предстоит пройти допрос у полковника.

— Хорошо размялись, дружище, — кидает Синч напоследок, хрустя шеей, — Увидимся.

Джастин и Кастор закрывают меня собой, когда лысый направляется в коридор. Я смотрю исключительно в пол, работая над мозговым штурмом. Унимаю хаос. Прижимаюсь к серой стене и жмурюсь, сочиняя оправдания для О'Коннора. Отошлет ли он меня домой? Я тут

немало шума создаю. Попробую отстоять честь Рейджа. Смещу на себя ракурс. Он ведь из-за меня во всю эту кутерьму ввязывается. Мне домой нельзя, но лучше я, чем капитан. Его отставка страшнее. Ребята к нему привыкли. Тут нужно делать выбор во всеобщую пользу.

Рик присоединяется к друзьям, и они желают утащить меня обедать, но я отнекиваюсь:
— Попозже. Идите одни. Я вас догоню.

Мне нужно поговорить с Рейджем. Я не уверена о чем именно, но мне нужно. Спрошу, как вести себя у полковника. Сочиним легенду, допустим. Хотя что-то, что бы нас защитило от отстранения. Или защитило бы его.

Ребята вздыхают и шуруют к выходу, а я жмусь к стене еще пару секунд, заламывая пальцы. Он ведь запросто меня пошлет куда подальше, но попытка не пытка как говорится. Прячу трусы в кармане милитари-брюк и заправляю волосы за уши нервным жестом, робко шагая в кабинет. На всякий случай запираю за собой дверь, боясь нос поднять. Ботинки Рейджа около крытой батареи не сдвигаются. Он сидит на подоконнике. На окне, за ним, жалюзи, пускающие тонкие полоски зимнего света. Я нерешительно перебираю берцами, исследуя границы дозволенного — мужчина просто молчит. Но глаз с меня не сводит.

Так тихо. Дыхания наши совсем разные: у меня сбивчивое, а у Рейджа глухое и размеренное. Я оказываюсь между мужских ног, но сохраняю хоть какое-то приличное расстояние. Кажется, капитан был бы не против и еще одного шага, но я не рискую. Кусаю губу и понимаю, что надо бы ртом по назначению пользоваться, иначе все грозит обернуться во что-то глупое и романтическое. Так... слова, пожалуйста, отыскивайтесь...

— Почему «Ласточка»?

Гениально.

Я молодец. Ага. Это ведь то, о чем я хотела пообщаться. Ну да. Морщусь и мотаю головой, почти извиняюсь, но Рейдж тихо произносит:

— Не нравится?

Я хлопаю ресницами, чувствуя облегчение. На меня не накричали, не надавили, не прогнали. Уже хорошо. Балансирую на тонком канате момента, замерев в позе, внимательно обдумывая ответ. Перчатки мужчины в крови. Алый цвет не виден на черном материале, но костяшки сырые. Хотела бы я знать, что находится в зеленых глазах, но такой контакт может все нарушить.

— Нравится. Очень. Вы долго сочиняли?

Рейдж меня изучает пристально, я ощущаю. Глядит без усталости. Надеюсь, щеки не красные. Что он обо мне подумает, если заметит, что смущаюсь от диалога наедине?

— Нет. Первое что на ум пришло.

Это задевает. Факт того, что он все-таки обо мне не думал особо. Не должно колоть, но колет. Я ведь о нем думаю днями и ночами, без перерыва. Это моя проблема, разумеется, и все же... было бы хорошо, чтобы он ее разделял.

— Посмотри на меня, — хрипло... просит, а не приказывает.

Ток пронзает конечности. Мне почудилось или он всерьез не командует? Точно почудилось. Голова не варит, вот и заблуждаюсь. Пропихиваю ком в горле и нерасторопно поднимаю голову, после чего испускаю неровный выдох. Его бровь рассечена. Кровь огибает глаз, прокладывает дорожку к балаклаве. А глаза... самые чистые, искренние глаза. И что-то в них болит. Что-то его мучает, но он, естественно, не поделится.

— Не переживай. Не выгонят тебя за это, — негромко уверяет, — Синч не пойдет к полковнику: ему в прошлый раз досталось немало.

Это сравнимо с грузом, который упал в море, исчезновением беды — но лишь отчасти. Потому скромно отзываюсь:

— Я за Вас переживаю. Чтобы Вас не отстранили.

Он усмехается: как-то обреченно. Необдуманно, совсем неслышно признается в том, что цепляет сердце раскаленными щипцами:

— Они меня не отпустят.

Я хмурюсь, а Рейдж потирает лоб, пряча свои красивые, глубокие глаза, опуская голову, как если бы вмиг заволновался, что я расспрашивать начну. Нет, если его это так трогает, то не начну. Он — закрытая книга. Дергать за страницы — неудачный способ узнать что к чему. Постепенно, когда-нибудь, но не через уговоры.

Однако эти четыре слова оседают в душе. «Они меня не отпустят». Значит, он бы хотел уехать? Закончить службу? Рейдж не заложник, это нереально. Что его удерживает? Кто? Или он просто не так выразился?

Я перевожу тему, пытаюсь побыть с ним подольше, используя шанс. Пару часов назад считала его компанию неприятной, но вот, стоило ему меня защитить дважды, и все, пиши-пропало. С ума схожу от недостатка тепла. Это жалко.

— Тут есть аптечка?

Рейдж, похоже, улыбается? Так воспринимается его тон.

— Позаботиться хочешь?

Ладно, я пропущу тот нюанс, что он часто отвечает вопросами на вопрос. Удобный способ улизнуть и напасть одновременно. Что мне тут сказать? Ставит в неудобное положение.

— Вы заботились, — неловко провожу по распушенным волосам, — Ну... неискренне, и все равно. Латали мои ладони...

— Это было искренне.

Мое сердце отстукивает от груди, внимая сдавленные, отчасти тревожные буквы. Как его понимать? Есть ли конец у загадок? Мы опять потеряли зрительный контакт: он в одну сторону серого пола смотрит, а я в другую. Мужское тело широкое и массивное, но не опасное. Синч и Рейдж — они оба внушают буйство. Но буйство это разного характера. Сложно объяснить. От моего капитана я стабильно испытываю волнение, однако порой оно приятное — как сейчас.

— Аптечка, — стеснительно напоминаю.

— В столе, — выдыхает, и я сразу делаю пару шагов к белой мебели.

Достаю полевую сумку с красным крестом и раскрываю ее на подоконнике, случайно касаясь своим плечом предплечья мужчины. Меня скрывают волосы — храни Господь Рейджа за то, что он не приказывает заплетаться. Он поворачивает голову, наблюдая за моим копошением с интересом. Я нервничаю. Вероятно, подойдет что-то обеззараживающее, вата и пластырь?

— Ты делаешь это искренне, как я, или чтобы угодить? — вдруг раздается недалеко от уха.

Я застываю с баночкой распыляющего средства в руке. Хороший вопрос. Сама себе я его боялась задавать. Прочищаю горло и вновь встаю между ног, только на этот раз чуть ближе — держите меня семеро, чтобы я к этому мужчине не прижалась. Странное желание, но оно имеется. Неадекватно с моей стороны, если учитывать, что вчера он меня чуть не угробил.

— Искренне, — смотрю в пронзительные глаза, от которых покрываюсь мурашками.

Рейдж молчит, словно выискивая во мне ложь пару секунд. Убеждается, что говорю правду, и слабо кивает, возвращаясь к привычным приказам — это поистине облегчение, ведь неформальность между нами превысила все рамки.

— Оторви кусок ваты. Промокни, чтобы избыток крови убрать. Потом брызгай средством.

Я послушно управляюсь с задачей и меня осеняет: это первый раз, когда я трогаю его кожу. Только краешками пальцев, рядом с бровью, и все же... гладкая, теплая, даже нежная. Столь близкое нахождение и прикосновения дает понять: ему точно не пятьдесят и не сорок.

Рейдж молодой, просто глаза вымотанные, повидали многое. Наверное, тридцать пять? А вдруг младше? Тридцать?... Я снова трудно дышу.

Он опускает веки, когда распыляю жидкость. Опять убираю избыток влаги, опять контактирую с кожей, и капитан челюсть смыкает — благодаря отсутствию расстояния могу утверждать. Ему не нравится? Или наоборот? Слишком нравится? *Ага, грезь дальше, Ривер.*

Хочу наклеить пластырь, но Рейдж перехватывает мое запястье — мягко.

— Мазь используй заживляющую. Это оставь, — я буквально ощущаю его горячее дыхание, пробивающееся через ткань маски.

Мята. Прекрасная мята. Приподнимаю плечи и услужливо достаю тюбик, протыкая его крышкой, прежде чем невесомо распределить вязкую массу по ране. Все готово, к сожалению. Я итак зависла с ним, обедать давно пора, и Рейдж правда гонит:

— Поешь хорошо, а то совсем хрупкая.

Комплимент или оскорбление? Да кто ж его знает... я кусаю губу, нехотя отходя от капитана. Иногда от него сбежать мечтаю, а иногда побыть вместе — неразбериха. Что это такое вообще? Сплошная неоднозначность. Пора бы определиться в чувствах, но это невозможно, когда человек передо мной то убивает злобой, то воскрешает нежностью. Я не знаю чего от него ожидать. Вот, например, снова: уже в дверях Рейдж окликает.

— Мы не прощаемся. Заберу тебя из столовой через сорок минут. Сходим в одно место, — я оборачиваюсь, чуток сбита с толку.

В одно место? Какое? *Только бы не на обрыв...*

— Поняла, буду ждать, — коротко соглашаюсь.

Рейдж смотрит в мои глаза и, пораскинув, добавляет, словно преодолевая самого себя:

— Спасибо, Рив. За заботу.

Похоже, все-таки обрыв. Мы вышли за территорию базы. Отличное начало!

Я шурю за капитаном по влажной почве. Три часа дня, но в лесу темновато — из-за пышной листвы. Кошусь на знакомую дорожку с гравием, однако мы не сворачиваем к ней. Что на этот раз? Снимет ремень и сделает из него удавку? Подвесит меня на ветке? Поэтому кушать надо было плотнее? Чтобы была надежда, что дерево сломается, благодаря моим килограммам?

Я опять его побаиваюсь.

Путь длится минут двадцать. Отличная такая прогулка на полный желудок. Пюре и гуляш были потрясающе вкусными. Вроде как съела двойную порцию... и в чем меня упрекнуть? Я правда проголодалась.

База осталась далеко за нами, будто Рейдж специально куда-подальше уводит, ради чего-то. Он эту местность знает как свои пять пальцев. Ориентируется в ней без труда. Я хороша в таком то же, но, покрути он меня с повязкой на глазах, я бы запуталась и сложно вернулась обратно. Мы же не этим будем заниматься, да?

Хуже. Я вылуплююсь, когда Рейдж тормозит и достает из кобуры личный Глок 19, вручая его... мне. Что за...

— Так запрещено делать, но недалеко от нас стрельбище, на котором пусто. Подумают, что стреляют там. Три патрона. Уверенно. Поняла?

Куда? Кого? Где?

— А?... — задираю нос, растеряннo глазея на мужчину.

Он грузно вздыхает от тугодумства. Накладывает свои огромные ладони поверх моих, чтобы я наконец схватилась за пистолет, а не держала его, как на подносе, и повторно инструктирует:

— Стреляешь три раза. Без заминок.

Да в кого мне стрелять?! Я взвинченно тараторю:

— В дерево? В какое?

А Рейдж непоколебимо отвечает:

— В меня.

Он debil? Я вскидываю брови и кое-как сдерживаю смехок. В смысле в него? Это шутка? Мне его убить надо? Это приказ? Он устроил мне такой праздник? Сколько раз я мечтала его задушить, когда он делал мне плохо, а тут, когда мы в мире, ему приспичило умереть? Нет, я вообще-то уже не хочу его убивать. Вчера хотела. Но то было вчера.

— Рейдж, Вы... я не понимаю, простите...

— Ривер, твою мать, — чеканит и фокусирует мой взгляд на себе, когда касается щеки, — Включи голову. Ты стреляешь в бронежилет, идиотка. Я от этого не умру. Но стреляй в разные области, а не в одну. Третья пуля может пройти.

Он издевается?! Я смачиваю горло напропалую, судорожно метая глаза к груди капитана. Мне серьезно? Он серьезно? Нет, я не смогу, что за бред?

— Давайте лучше Вы в меня, — отстукиваю, не смекая к чему все устроено, — Если это такое занятие на выдержку, то давайте Вы будете стрелять, а я терпеть...

— Ривер, — чуть сжимает подбородок, как бы встряхивая меня, давя хрипотцой, — Я тебя уговаривать должен? Приказ отдан, исполняй. Я не могу взять на задание того человека, который не способен выстрелить. Ты ни разу этого не делала, мне нужно знать, что ты сможешь. Теперь уяснила?

До меня, наконец, доходит. Я затихаю, не вступая в новую полемику, потому что капитан непреклонен. В грудь? Три раза? В разные области, иначе прострелю? Я ни разу не делала подобного: всем на базе очевидно. Курсантки в боевых действиях не участвуют. Мне придется завтра. Что, если враг нападет, а я затуплю? Рейдж прав, конечно. Но он в качестве мишени — самый отвратительный выбор.

— Притащим сюда Синча? Я влегкую выпущу всю обойму в лысую черепушку, — спешно бормочу на стрессе.

И Рейдж... смеется. У меня перестают функционировать органы, планета больше не кружится. Рейдж смеется. Он впервые смеется. Это чистый, искренний звук, который льется от всего сердца. Красиво, хрипло и идеально. Приглушенно, он не хохочет, однако я в ауте. Рейдж умеет смеяться. Вызывайте скорую, тащите дефибриллятор, реанимируйте, я в припадке.

Меня не привлекал чей-то смех прежде. Не было такого, чтобы в душе прыгали какие-то котята с бубнами — сейчас именно так и происходит. Я отчаянно не хочу признавать очевидного. Не хочу сознаваться перед собой, что мне симпатизирует тот, с кем априори невозможно что-то построить. Поэтому записываем: Рейдж мне не нравится.

— Я полагал, что меня ты ненавидишь не меньше, — щелкает языком, медленно стирая улыбочивость, возвращаясь к привычному сдержанному.

Он сам удивлен: это читается во взгляде. Анализирует реакции: собственную и мою. Прячется за маской: в прямом и переносном смысле. Похоже, капитан давно не пребывал в подобном настроении. У меня получилось его развеселить? У меня получилось... это невероятно приятно.

— Нет. Вас я иногда очень боюсь. Но не ненавижу, — тихо откровенничаю, смотря в широкие плечи.

В ушах до сих пор стоит его смех, и я не хочу его забывать. Вдруг никогда не услышу снова? Мне бы хотелось записать это на диктофон и переслушивать множество раз... так, стоп, он мне не нравится, я же записывала.

— Представь, что я — Синч. Или враг, — наставляет на выдохе, — Давай, Ласточка. Не разочаровывай. Либо никакого младшего лейтенанта не получишь.

Это нечестно. Хитрая манипуляция перед которой я бессильна. Мужчина отходит примерно на десять шагов и прирастает к земле, не шевелясь. У меня руки подрагивают. Тут, к тому же, не очень светло. Я замечательно обращаюсь с пистолетом, но сейчас не уверена ни в

чем. Помогите, пожалуйста. Прилетите на вертолете, киньте веревку. Заберите из этого мига. Молю.

Не выполнить команду — равно вылететь с базы. Я — военная. Рано или поздно необходимо выпустить первую пулю в кого-то. Кто бы знал, что это будет мой капитан, да?

Тяну время, отсрочиваю и мямлю:

— Эм... Вы... Вы только не двигайтесь ни при каких условиях, ладно?...

— Ривер, стреляй, — недовольно чеканит Рейдж, — Прекрати телиться.

«Телиться». Тебе точно не сорок? Что за словечки старческие?

Ему не нравится, что я так долго мнусь. Логично, согласна. Для меня такое не должно предоставлять сложности. Но оно, черт возьми, предоставляет. Это стыдно. Сколько раз мне было стыдно на базе «Эйприл»? Сотню минимум. Позор. Кстати, с позором такая же ситуация.

Навожу дуло, прицеливаясь. Выбиваю десятку обычно, так что не промахнусь. Точно не промахнусь, ведь так?...

Пульс молотит жутко.

Надо, Ривер. Надо.

Или не надо? Рискнуть отговорить его?

Нет, надо.

Мне страшно.

Я вбираю лесной воздух в легкие. Курок под пальцем гладкий из-за пота. Чем дольше думаешь, тем больше появляется сомнений. Поэтому я ставлю блок и смыкаю зубы, прежде чем нажать на спусковой крючок раз за разом, чуть меняя ракурс — на пару-тройку сантиметров. Это произошло быстро и громко. Рейдж даже не колыхнулся, как стоял так и стоит, хотя я знаю из лекций, что попадание в бронежилет — больно. Синяки остаются знатные.

Тут же опускаю Глок и бросаюсь вперед для перепроверки. Собой не владею, переживаю исключительно о результате стараний. Судорожно дотрагиваюсь вмятин, дышу, как запыхавшийся зверек, тело потряхивает. Периодически таращусь на подушечки пальцев: крови на них нет, значит не пробила, значит в порядке все. Верчусь, как ненормальная, от одной пробоины к другой, погружаюсь в беспорядок, но мою суетливость утешает мужская рука.

Рейдж заправляет локоны за уши и поднимает мое лицо, что скоро станет привычкой... нет, уже стало. Его глаза успокаивают и ласкают, погружают в какое-то тепло, в покой. Это длится с полминуты, и я обнаруживаю в себе неизведанный трепет, будто щелкнуло что-то, переломилось — я навсегда сохраню это в памяти, сложу в воображаемую коробку воспоминаний. Он больной — я в него стреляла, а в нем довольство плещется. Делать ли так почаще? Определенно, ведь капитан поглаживает меня, слабо кивая, и мягко хвалит на выдохе:

— Умница. Очень хорошо, Рив.

Это конец или начало моей личности. Второе признание заслуг за двадцать один год. Единственное, что беспокоит, вырывается наружу: скомканными слогами.

— Вы говорите искренне?

Рейдж обещает так, что не остается колебаний:

— Искренне, Ласточка.

Глава 10

Пять тридцать утра. Подъем. Сегодня я не хочу поспать подольше. Будто по щелчку готова приступить к заданию, но внутри царит настоящее безумие. Сердце колотится, руки минусовой температуры, в горле сухо. Никогда так не переживала о чем-то. Никогда.

Ребята без стресса: спокойно обмениваются репликами и прокручивают план действий. Я тоже этим занимаюсь — мысленно. Бесконечно.

Перед сном читала конспект на сто раз. Кое-как уговорила себя лечь в девять вечера, как поступили парни. Все-таки уснула, отдала себе приказ — и получилось. Мама однажды наставляла: «Не показывай другим свой страх. Это сделает тебя слабой и уязвимой в чужих глазах». Она часто говорит сомнительные вещи, но здесь я согласна. Мне нельзя выглядеть напуганной, иначе сочтутся жалкой. А быть таковой — последнее, чего я хочу.

Мы поедem на машине до штаб-квартиры, где пробудем до вечера. Оттуда уже на локацию. Одеться нужно в гражданское, чтобы нас не раскрыли, а на месте переоденемся в военное. Много нюансов, много сложностей. Что, если я облажаюсь?

В родном Аппеле тёплые вещи были не нужны — там круглый год жаркая погода. Поэтому, надевая синие джинсы, черную футболку и черное короткое худи с молнией, я конкретно мерзну на улице. Кастор предлагал свой бомбер, но я отказалась. Все равно скоро сменю на форму, а в машине должно быть тепло.

Кеды, на ногах, кстати тоже неуместны. Рик держит на плече спортивную сумку, куда уложены наши берцы, но мы, опять же, пока в них обуться не можем. Конспирация на высоте. Ничего нас выдать не должно.

Я обнимаю себя руками, потирая бока, чтобы отогреться. Дождь моросит. Мы стоим на парковке администрации, у машин, ждём Рейджа и Роя. Они как раз идут вместе, обсуждая миссию — судя по тому, как Уилсон сосредоточенно слушает и кивает. Его не было на собрании: он там и не нужен. У него задача одна — занять позицию и выстрелить в сторожину.

— Нам выдали запеканку? — бормочет Кастор Джастину, который ответственный за еду.

— Нет, только бутерброды и чай в термосах, — вздыхает друг, поправляя кепку, — Ты со своей запеканкой всех задолбал.

Я перекаत्याюсь с пятки на носок, грустно тупясь в промокшие кеды. Рик молчаливо курит Camel, морально настраиваясь на долгую поездку за рулем. Хотела бы я их размеренность себе перенять. Вчера маме СМС наконец-то написала. Поделилась, что у меня все хорошо, что стараюсь, еще чуть-чуть и, вероятно, получу младшего лейтенанта. О миссии не говорила — ну на всякий случай, если она это решит всем раструбить и информация просочится куда не надо... бред, знаю, и все же я перестраховалась. Женщина ответила, чтобы я старалась усерднее, потому что только выжимая из себя все силы я способна чего-то стоять. Рейдж также думает? Наверное также.

— Привет, — улыбается Рой, давая мне пять.

Я выдыхаю от этого лучика света и смотрю, как ребята пожимают ему руку. На Рейджа боюсь взглянуть: чтобы он во мне переживания не увидел. Капитан что-то складывает в один из автомобилей, и я немного ошарашена, когда понимаю, что это его машина. Большая, черная. Додж Рам. Навороченный, матовый. Наконец и мужчину глазами обвожу. Серые джинсы свободные, молодежные. Кроссовки черные, куртка короткая такого же цвета. Под ней худи, видимо — капюшон графитового оттенка накинута поверх балаклавы. А на руках все те же перчатки. Надеюсь, мне удосужится разгадать хоть эту загадку...

— Эй, выпишись на нас с Кастором, — Рой легонько подбивает плечом, списывая мое состояние на недосып, — Залезем, поедим, и ложись сразу же. Отдыхай.

Я улыбаюсь ему, будучи благодарной, хочу что-то сказать, но меня обрывает приказной голос:

— Ривер, в машину.

Концентрируюсь на капитане, как и все ребята, и не верю. Он на свою показывает. Правда? С ним? Черт возьми, где я так провинилась? Могла бы в веселой компании путь держать, а тут...

— Почему? — протестует Уилсон под боком, хмурясь, — У нас место есть. Почему с Вами?

Он тут единственный имеет возможность такие речи вести — так как у Фога в распоряжении, не у Рейджа. И я всем богам молюсь, чтобы он убедил, но мужчина медленно поворачивается, хлопая задней дверью авто, и непоколебимо отрезает:

— Потому что я так сказал.

Плакали мои бутерброды. Плакали мои веселые беседы. Плакала я сама. Пять часов наедине, в молчании и напряжении: да, мы вчера как-то сблизились, и все же я не забываю, что Рейдж есть Рейдж. Он сегодня греет, а завтра ненавидит. Этим утром у него явно нет настроения меня за щеку ласкать.

Рик дергает Роя за локоть, смотря как-то понятливо, хотя я и не понимаю. Уилсон щурится, а потом у него брови на линию роста волос ползут, и он проговаривает тихо-тихо, ошарашено:

— Реально?...

Рик кивает со вздохом и бормочет:

— Не лезь лучше.

Рейдж на все это уже не обращает внимания — возится с сумками в авто, стоя спиной, ожидая меня. Я приподнимаю плечи и с досадой шурую к большой машине, желая залезть назад, но Рейдж качает головой:

— На переднее.

Он издевается? Нет, это не такая уж и пытка, конечно, я просто и без того подавлена, а с ним коэффициент угнетения увеличится. Тем не менее не медлю, чтобы не разозлить. Тяну за увесистую ручку, ставлю ногу на вспомогательную ступеньку и располагаюсь на дорогом кожаном кресле. Тут чистота идеальная, не за что глазу зацепиться. Не пахнет ничем. Приоткрытые задние двери добавляют сквозняк, отчего совсем сжимаюсь, покрываясь болезненными мурашками. Рейдж хлопает этими дверьми и отходит к парням, наклоняясь к водительскому месту Рика, что-то обговаривая. Я прикрываю веки, пряча ладони в рукавах кофты. На улице еще темно, рассвет только наступает. А от мужского тела, что садится слева от меня, становится еще мрачнее. Интересно, перестану ли я когда-нибудь ждать, что мне прилетит по башке от Рейджа? Сложно, если совсем недавно он меня над обрывом подвесил.

— Разворачивай, завтракай, — закрытая рука ставит на мои колени пакет.

Я сую нос внутрь и обнаруживаю свертки из фольги. Ого... так меня не оставят голодной. Кашей кормил. Сейчас бутербродами.

— Сзади два термоса. Один тебе.

Капитан вставляет ключи зажигания, поясняя все ровным голосом. Я жую губу и ворочаюсь, встаю коленями на свое сиденье, тянусь к сумке, из которой выглядывают серебряные крышечки.

— Любой брат? — робко уточняю, оглядываясь к мужчине.

Он... миготом отрывает глаза от моего зада, как будто не смотрел, и я вспыхиваю краской, осознавая, что реально свечу пятой точкой, к тому же в спине прогибаясь. Господи, какой стыд то... но я не специально, клянусь!

— Любой, — прочищает горло, отворачиваясь к ближнему окну.

Я вытаскиваю один из термосов и шустро возвращаюсь в приличную позу, тупясь в коврик. Нет, показалось. Он не любовался. Я о себе много думаю. С чего бы ему? Ведь так?

Тихо выдыхаю и достаю еду, стеснительно откусывая кусочек за кусочком. А Рейдж, пока не отъехали, командует:

— Сними кеды и носки. Ноги ко мне положи.

Я чуть не роняю крошки изо рта, так как челюсть отвисает. Вылупляюсь на него, ничегошеньки не понимая. Он мне сухожилия подрежет? Или для чего? Что происходит? С горем пополам пропихиваю бутербродный ком в горле и заикаюсь:

— Для... чего?

Он снимает с себя куртку, объясняя, будто это не нормально:

— У тебя обувь промокла. Я видел на улице. Мне твои болезни ни к чему.

Тарашусь на него в испуге, а капитан недовольно соединяет наши глаза, повторяя:

— Ривер. Живее.

Что ж... приказ нельзя игнорировать... я, полностью сбита с толку, стаскиваю кеды и опускаю руку, чтобы стянуть носки. Боязливо поднимаю термос, перестраиваясь на сидении в полу лежащее положение, прежде чем нерасторопно протянуть ноги вперед. Рейдж щелкает языком от того, какая я улитка в скорости, и уверенно берет мои голеностопы, прижимая их к своим ногам. Я задерживаю дыхание, пока мужчина кладет сверху свою куртку, как одеяло, и сжимает мои ступни одной большой ладонью. Материал перчаток плотно прижат к моей голой коже, от верхней одежды исходит тепло... должна напомнить: я до сих пор держу покусанный бутерброд и выгляжу отсталой.

Простите, а что мы сейчас делаем?

Это отношения между капитаном и подопечной? Не думаю, что он Джастину ножки греет. У меня недостаточно опыта, я не эксперт, но так себя даже друзья не ведут — разве что лучшие. А мы с Рейджем не состоим в такой связи. Его со мной сводит исключительно работа.

Он странный, я упоминала.

И я странная не меньше, потому что не отталкиваю его. Потому что наслаждаюсь, потому что током от контакта бьет. Как глупо. Для него это ничего не значит, а для меня... я три ночи не усну, буду размышлять, представлять и гадать.

Мужчина сдает назад и вырывает одной рукой: уверенно. То, как красиво он обращается с рулем... меня завораживает эта картина. Не меньше, чем то, как он отогревает мои бедные ноги: сжимает то одну, то другую, используя пальцы для того, чтобы погладить кончики моих. Завтрак отменяется. Я не могу питаться, пока он делает это со мной. Нет, меня не возбуждает, но меня влечет. Сам факт бережливости. Я знаю, что он творит это не по причине того, что я для него — нечто драгоценное. Ему не плевать на мою возможную простуду лишь в аспекте пропуска тренировок. Он не терпит отлынивания, а потому думает наперед. Рейдж регулярно женщин трогает — и не за ноги, а гораздо интимнее. Не знает, что со мной такое впервые, что я воспринимаю все в романтическом ключе. Теперь еще грустнее. И кушать хочется что-то более вкусное.

— Я тебе куртку купил и кроссовки по погоде, непромокаемые, — негромко произносит, выезжая за КПП, — С собой взял. Тоже в пакете на задних местах. Наденешь, когда выйдем в городе. От парковки до штаб квартиры двадцать пять минут пешком.

Он обзавелся новой миссией на день: убить Ривер Акосту нежностью. Я растеряно обмозговываю информацию. Капитан заметил на мне бомбер Кастора, когда была пьяная. Заметил, что на ногах кеды. Понял, что я не имею чего-то теплого. Поэтому купил. Сложно не влюбиться в того, кто о тебе так печется. Или... нет, не так. Сложно не влюбиться в Рейджа, который о тебе переживает. Он ведь переживает? Я себя не накручиваю? Мне не по себе. Не хочу любить: это больно, усвоила однажды. Тем более с капитаном ничего не выйдет. Он ко мне подобного

не питает, очевидно. И я не должна питать, это настоящая дурость — обмякнуть, забыв о его жестокости.

— Спасибо, — шепчу, никак не в силах оторваться от касаний.

Профиль закрыт капюшоном. Непривычно видеть Рейджа в гражданском — и ему очень идет. Такой молодой. По одежде я бы дала ему не больше тридцати. Хотя есть и старики, которые одеваются современно. Может он это специально: скрывает возраст за современными шмотками.

В моем гардеробе нет и не было чего-то прикольного. Простая кофточка и джинсы — вот и все, хватит. Признаться, я и на шоппинге то ни разу не была. Мама сама вещи привозила. В ТЦ моя нога не ступала.

Дождь бьет по капоту, впереди нескончаемая узкая асфальтированная дорога. Машина ребят за нами следует. Я складываю бутерброды в пакет и кладу все на панель Доджа. В руках термос литровый держу, прикидываясь, что царапинками на крышке увлечена. Но вопрос все-таки вырывается:

— Хотите о чем-то поговорить или мне лучше заткнуться?

Ну а что? Вдруг согласится. Аккуратно выведаю у него по крупницам мыслей. Рейдж молчит с полминуты, а потом, на удивление, разрешает:

— Давай поговорим.

Окей. А дальше как? Я предложила, однако с темой определиться трудно. Пробую вслепую, молясь на то, что он не взъестся.

— У Вас есть любимое блюдо?

Начнем с азов. Вроде как не опасно. Рейдж вздыхает и мешкает, похоже, не желая делиться о себе даже такой мелочью. Наверняка проклинаят то, что дал добро на общение.

— Не блюдо. Напиток. Лимонады, где мята есть: любые. Главное, чтобы мята чувствовалась. И чай с мятой, — он нервничает, это неосознанное, но я чувствую, — У тебя?

Мята... духи что-ли с ней купить. Может, так я ему понравлюсь...

— Тоже не блюдо, — приподнимаю плечи, — Мармелад, но не сахарный и не кислый. Сладости разные.

Он метает на меня короткий сканирующий взгляд и коротко уточняет:

— Почему?

А у него на мяту причины есть? Это ведь то, что не несет смысла. Твои вкусовые рецепторы влюбляются в определенную еду, и ты с ними не поспоришь. Сколько раз мне нужно назвать его странным? Но он правда такой.

— Эм... впервые я попробовала в подростковом возрасте, выделила средства на пачку маленькую. Вкус нравится слишком, — истолковываю, раз ему важно, — А у Вас? Почему мята?

Мужчина смещает ракурс. Ладно, обойдемся без пояснений, видимо.

— В родном городе, где ты жила. Парень не ждёт?

Чего? Рейдж моей любовью интересуется? Не диалог, а вынос мозга — я уже взрываюсь от неоднозначности. Почесываю затылок и неловко бормочу:

— Не ждёт. Нет у меня отношений.

Как жаль, что я вообще не вижу его мимику. Даже глаза недоступны. А ласка под воображаемым пледом не прекращается: Рейдж неустанно гладит. Это, между прочим, послабляет мою здравость. Он и отверстия панели, откуда дует теплый воздух, к моим конечностям направил. Как мило.

— Высокие стандарты?

— А? — вздымаю брови.

— За тобой точно полкадетки носилось, — в хриплом тоне сквозит какое-то недовольство, — Никто не подошел под твои критерии?

Спятил или как? Я готова рассмеяться. Только вот Рейджу не смешно. Он абсолютно серьезен, будто в его словах нет абсурда.

— Не носились, — стеснительно проговариваю, — Я нравилась кому-то, конечно. Но не так, как Вы говорите.

Он поворачивается ко мне, и я тону в красоте темно-зеленого пигмента. Идеально сочетается с лесом вокруг. Рейдж выглядит так, будто вообще мне не верит: немного хмуро, словно во лжи меня уличил. Дорога прямая, никаких машин, кроме наших, так что он может отвлечься от пути. Осматривает меня внимательнее и застает врасплох:

— Чем закончились последние отношения?

Мне не улизнуть от пристального мужского взора. Он считает, что у меня было много партнеров? Вопрос неверный. Правильнее: чем закончились первые и единственные отношения. У меня никого, кроме Тристана не было. А с ним только поцелуй два раза. Я играюсь двумя пальцами с нижней губой и отрывисто признаюсь:

— Он... опозорил меня. Показал всей комнате мальчиков мои рисунки: в них не было ничего романтического, обычные каракули. Все хохотали. Как-то так.

Рука капитана сжимает одну из моих ног в каком-то защитном инстинкте. Кажется, он смыкает челюсть, после чего возвращает глаза на утренний горизонт. В груди опять болит от тех картинок, всплывающих и воссоздающихся.

— У тебя не каракули, Ривер, — сжато исправляет, и я аж мурашками новыми покрываюсь, — Зовут как?

— Кого? — недоумеваю.

— Того уroda, — ровно произносит Рейдж, — Имя и фамилия. Отвечай. Это приказ.

Как удобно! Что угодно получит, если подчеркнет должность. Не понимаю зачем ему знать, но не создаю проблем.

— Тристан-Ноа-Коллинз.

Он кивает с поощрением, а я раскручиваю термос, наливая себе чай в крышку-кружку. По дурусти ляпаю:

— Будете? — но затем опоминаюсь и тихо тараторю, — Простите, да, не подумала.

Он же в маске. По-моему от нее больше минусов, чем плюсов. Рейдж курит: он держал пачку сигарет ночью, когда уходил в лес. Получается, капитан сам себя лишает элементарного, того, что доступно всем. Если жажда замучает, то попить сможет только в штаб квартире, закрывшись в комнате. То же самое с сигаретами. Не легче ли ему перестать скрываться? И будет ли тупо, если я спрошу кое-что... в целом, добавлю шутливость в голос, и не такой уж и позор...

— А Вы под балаклавой красивый?

Не стоило. Я дура. В следующий раз подумаю дважды.

— Ты оборзела? — чеканит, — Меру знай.

Вот и поговорили.

Он не отпустил мои ноги, как бы ни был зол после тех моих дурацких слов. Четыре с половиной часа молчания, из которых три я спала. Проснулась от того, что он мои ступни снимает и вылезает из авто. Я разлепила глаза, что было легко, ведь свет не бил. Крытая многоэтажная парковка.

Рейдж открыл сначала заднюю дверь, а затем мою. Он безмолвно отдал куртку, кроссовки и... носки — даже о такой мелочи подумал. Я глянула на обувь и застыла. Это найк. Понимаю, что для кого-то фигня, однако не для меня. Мало того, что он не обязан был вообще об этом париться, дак еще мог бы взять что-то из сегмента побюджетнее. Куртка тоже удивила. Я такой бренд не знаю. Дизель. Сзади, как джинсовка по ткани, а спереди гладкая. Укороченная. С

клепкам какими-то, на спине надпись фирменная, разрисованная зеленым. Короче: вся навороченная и крутая. Деньги бы за это отдать. Надеюсь, моей тысячи хватит.

Я переоделась и вылезла: на разглагольствования не было времени. Капитан объяснял путь, показывал на карте точку, а потом все направились за ним. Мы спустились с третьего этажа и вышли на оживленную улицу. Я прибилась к Кастору, а Рой теперь держался поодаль и мало на меня смотрел. Ребята на мои обновки обратили внимание: переглянулись между собой и словно вновь в чем-то убедились. Они тоже решили стать загадочными?

Сейчас Рейдж смотрит в землю: сложил руки в карманы куртки и натянул капюшон пониже: мужчина в балаклаве действительно может заинтересовать чужой взор.

Путь продолжается чуть меньше получаса. По бокам от нас мелькают магазины со сладостями, разные красивые витрины, до сих пор украшенные к Новому Году. Я встречаю этот праздник одна, как и все прочие, к слову. Так что радости в повсеместно веселые дни не испытываю. Но видеть, как другие готовились к торжеству, приятно. У кого-то все хорошо, и это радует. Должна же быть в мире справедливость: хотя бы в неродных стенах.

Квартирный дом жилой. Оттуда выходят гражданские люди, пища домофоном. Никто бы и не подумал, что за одной из десятков дверей наемники будут пережидать часы до операции. Локация одноразовая, насколько я поняла: как только мы отсюда выйдем, больше не вернемся. Рейдж достает из почтового ящика ключи, и мы игнорируем лифт, шуруя по лестнице: ну да, кардио тренировка, как приятно...

Мы поднимаемся на четвертый этаж и входим внутрь: там для нас все заготовлено. Шторы закрыты. В большой гостиной, на диване, лежат автоматы. На столе бронежилеты. Куча обоем, рации, наушники, приборы ночного видения, шлемы современные. Я торчу у стены, слабо понимая что к чему, пока парни цокают:

— А узишки то зачем положили? Мы их не возьмем.

— Шашки где дымовые?

— А, нашел.

Я же к этому всю жизнь стремилась, а теперь хочу вернуться в комнату, взять карандаши и в рисунки удариться, забыв обо всем что вижу. Надо умыться и выкинуть этот дебилизм из головы.

Шагаю по темному коридору, предполагая, что ванная за неширокой дверью — тут нигде дверей нет, кроме входной и этой. Так и оказывается. Свет неприятно моргает. Я наклоняюсь к желтоватой старой раковине и обдаю лицо холодной водой несколько раз, опираясь руками о выступы.

«— Почему ты хочешь, чтобы я стреляла в людей? — всхлипываю маме по телефону.

Мне одиннадцать. Скоро отбой, надзиратели всех в спальни гонят, а я закрылась в кабинке туалета и хнычу, проявляя всю свою жалкую натуру.

— Тебе не завтра стрелять, а через несколько лет, — раздраженно отвечает.

— Все равно. Почему ты этого хочешь?

— Потому что стране и миру нужны защитники. И стрелять ты будешь в плохих. Это благое дело, — давит, сверля мозг шурупами.

— Но я не смогу, я так никогда не смогу, я не... — закашливаюсь в собственном реве, хныкая.

— Ты обязана, — отсекает, словно хлыстом, — Не ной. Что сопли роняешь, а? Не стыдно?».

Делаю глубокий выдох и распрямляюсь, принимаясь плести ненавистные косы. Достаяю из кармана джинсов резинки и использую пальцы в качестве расчески. Фоновые переговоры ребят крутят внутри меня узел тревоги: тягостный и тошнотворный....

Ручка двери дергается, отчего дергаюсь и я. Как раз завязываю второй маленький хвостик и суетливо открываю, боясь быть проблемной. Передо мной возвышается Рейдж. Я мигом

опускаю голову и собираюсь обогнуть его, чтобы пропустить, но мужчина берет меня за локоть и тянет за собой, щелкая замком. Мои гребаные щеки моментально возгораются, когда он садится на выступ ванны и ставит мое тело меж своих ног. Наш рост уравнивается, что нестандартно. Мы смотрим друг на друга несколько секунд: я перепуганно, а он вдумчиво, как-то обеспокоено. Сжимает одну из моих рук, неосознанно поглаживая большим пальцем по тыльной стороне — это действует как-то успокаивающе, тот ураган внутри утихает.

Рейдж вздыхает и тихо произносит:

— Ты не должна ехать. У тебя даже контракт не подписан. Эта военная история не про тебя, Ривер, уезжай уже: я много раз приказывал. Теперь не как капитан говорю.

Не как капитан. Легкие сжимаются, а сердце принимает быстрый темп. На больную точку опять надавил, к тому же добавив ласку, в которой нуждаюсь. Я сжимаю зубы, но не от злости: от переизбытка чувств. И без того плакать хотелось, а сейчас еще хлеще. Жую губу и головой рвано мотаю, шепча:

— А как кто?

Он, похоже, тоже губу закусывает. Глаз от меня не отводит. Чутко хрипит:

— Как мужчина.

Простой ответ, однако у меня от него ток бежит. Хотелось бы, чтобы он добавил «твой». Мне бы очень хотелось. Я знаю, как это по-идиотски, но ведь я правда идиотка, чего от меня ожидать?

— Переживаете, что умру на миссии? — бормочу, переступая с ноги на ногу.

Он кладет руку на поясницу, стопорит, сводит брови и сурово отрицает:

— Я тебе умереть не дам. Ты со мной идешь, а значит о смерти речи идти не может.

Мне бы лоб к его плечу склонить. Погладил бы он меня по затылку? Размечталась. Не стал бы. Скривился бы от нежности и близости. Не могу поверить, что говорю с Рейджем. Две недели назад он меня гонял по всему стадиону, орал. Сейчас общается мягко, кожу второй раз за день ласкает.

— Тогда почему домой отослать пытаетесь? Я вам неприятна? Неудобна? Я стану лучше, укажите в чем исправиться, и я исправлюсь, — горько тараторю, неслышно или слышно лишь ему одному, даже если у двери кто-то стоит.

Мужчина тяжело выдыхает, как если бы я сказала что-то несусветно неправильное. От его касаний ненавязчивых кровь бурлит.

— Ты хорошая, прекрати себя считать недостойной, — заверяет, чем трогает до глубины души, — Я тебя миллион раз мог сбавить. Дойти до полковника и сказать, что ты непригодна. Но я не хочу тебя так разбивать, Рив, это же тебя убьет, я понимаю, — признается в мои налитые чувствами глаза, — Поэтому прими решение сама. Уходи. Тебе тут не место, это не твое абсолютно.

Не плакать. Ни в коем случае не плакать. Не ныть.

Я вбираю кислород отрывками, смыкая челюсть, уговаривая себя надеть маску стойкости — получается. Только это бессмысленно. Рейдж будто насквозь видит и кривится от того, какой работой я занимаюсь. Обдаёт, окутывает меня теплом своего каменного тела. Я в сравнении с ним, как воробей перед мамонтом. И это... это безопасно.

На самом деле: он ведь меня не вышвырнул, сколько бы поводов не имел. Я все гадала: почему. А он обо мне переживает. Тут другое слово не подобрать. Капитан правда переживает. И меня бьет от того, что он заботится о члене отряда, а не о девушке, которая ему небезразлична.

— Я не уйду, — сглатываю, — Мне некуда уходить. Мое образование — быть военной. Родители за порог не пустят. Пожалуйста, не заводите эту тему снова, я отвечу также, не изменю мнение, — его веки громоздко опускаются при поражении, — И я Вам пригожусь, буду отлично служить и подчиняться — все, что прикажете, обещаю. Вы не пожалеете, что...

Он не позволяет договорить: резко встает, ужасно недовольный и разочарованный. Я приоткрываю рот, страдая от потери тепла, а капитан нервно уходит за пределы ванны, бросая меня в одиночестве. Я сказала что-то не так? Он пытался дернуть за мои рычаги, быть обходительным ради достижения цели, но не вышло. Не возлагает на меня надежд. Считает, что я испорчу миссию. Но я его не поведу, как и обещала. Я справлюсь. Почему он не верит? Почему в меня не верит никто?

Я не могу отложить это буйство печали вплоть до операции. Сажу на кухне, скромно поедая макароны с тушенкой, и киваю в беседе парней, создавая иллюзию того, что участвую. Они мусолят задание, так что Рейджу не приходится проводить повторный инструктаж: он, как и Рик, уходит поспать на кресле. Были водителями в дороге, нужно отдохнуть. Я не хожу в гостиную, чтобы не зацепиться взглядом за спящего Рейджа, и не влюбиться пуще прежнего.

В девять вечера мы готовы к вылазке. Для меня приготовили черную форму — и это вселяет хоть каплю воодушевления. Надеваю всю амуницию и нервно проверяю каждый жгут. Рейдж безмолвно помогает с рацией: цепляет ее на ремень. На грудь помещает квадратную коробочку и дает наушники, чтобы сама в уши вставила. Я помещаю их, и капитан без эмоций поясняет:

— Это передатчик, — легонько стучит по квадратику, — Если хочешь что-то сказать — нажми на кнопку сверху, и тебя услышат все, — он переводит взгляд на шлем, — Прибор ночного видения опустишь: он сгибается. Прижмешь к глазам. Сбоку одна кнопка: включить и выключить. Кивни, если поняла.

Я киваю. Он сразу отходит. Перекидываю автомат, засовывают Глок в кобуру на штанине, и ведомо следую за мужчинами. У выхода стоит черный фургон с приоткрытыми дверьми. Мы залазим туда очень быстро, и машина сразу отъезжает. Маленькая вещица на запястье Роя помогает отвлечься от хаоса.

— Волки? — аккуратно спрашиваю.

Он крутит браслет с мордочками животных и жмет плечом.

— У меня крестный отец есть. Дядя Мэт. Он по этим штукам фанатеет. Мне подарил, как оберег от чего-то: тут камушки еще есть, видишь, — показывает на коричневые бусины, и я дергаю подбородком, — Ну вот. Ношу. Тепло семьи чувствую.

Тепло семьи. Как бы я хотела хотя бы разок понять, каково это.

Дорога длится три изматывающих часа. В полночь высаживаемся на месте. Глушь, покрытая зарослями: хуже, чем на базе. Тут опасностью пахнет, чем-то до жути отталкивающим, трупным. Это не эфемерное высказывание. Как только спускаю прибор ночного видения, замечаю лису — она мертвая, гниет под деревом. Наверное, в этом и суть: мотаться по свету, чтобы в конце концов все перешло во мрак. Я тоже этой лисой когда-то стану. И ребята. Все мы.

— К востоку отсюда, полтора километра, холм, — четко говорит Рейдж Рою, — Передай как доберешься и что видишь на севере. Занимай позицию.

— Вас понял, — ответственно отвечает Уилсон, и без заминок направляется на точку.

Сбоку от нас еще один фургон припаркован. Там сидят специальные службы, пара человек, которые ожидают своей части: когда мы закончим, они подъедут и заберут тех людей. Я трудно глотаю, но стою твердо, рядом с капитаном — он на меня не обращает внимания, но это и не к чему. Мы на задании сконцентрированы.

— Повторите позиции, — Рейдж обращается к ребятам.

— У южного окна, — отзывается Джастин, — Доложу обстановку, дам сигнал. Потом войду и встану у дверей.

— У центрального входа, — говорит Рик за себя и Кастора, — Зачищаем первый этаж.

— Всех в подвал, — дублирует мужчина, — Действуем тихо и быстро, чтобы сообразить не успели. Если создают шум — вырубайте.

Джастин курит, облокотившись задом о капот авто. Из его пачки Кастор достает сигареты себе и Рикю. Они собраны, переполох отсутствует. Мне бы их уверенность. Были ли они такими же спокойными в первую миссию? Или потом покрывались холодным, как я? Смогу ли я когда-нибудь стать, как они? Быть на них хотя бы чуток похожей?

Спустя десять минут, в ушах каждого из нас, раздается ровный голос Роя.

— На позиции. Как слышно?

Рейдж нажимает на кнопку передатчика, и подтверждает:

— Слышно отлично. Докладывай.

— На улице никого, кроме собаки: на цепи, около двери. Людей нет. Свет не горит.

Рейдж прикрывает глаза, издавая сдавленный звук злости. Парни тоже напрягаются — одна я не понимаю в чем проблема. Но капитан цедит:

— Ждут нас. Поэтому человека убрали. Дом неделю с дронов отслеживали. Сторожила был ночью всегда.

Твою же мать. Как увлекательно.

— Может ушли? — предполагает Кастор, — Если им передали.

— Не успели бы. Им сказали максимум три минуты назад, когда облава началась. Гребаное ОБН. Дерьма куски, как обычно херню творят, — бормочет Рейдж, пока я хлопаю ресницами, будто олень в свете фар.

— Капитан, что делать с собакой? — Рой ждёт приказа.

У меня сердце замирает при координированном:

— Снимай ее, когда мы подходить будем. Семь минут.

Собаку... убьют. Очевидно, ее посадили, чтобы она залаяла при нашем появлении, и это все испортит. Но собака... это же собака. Я морщусь и туплюсь в почву под берцами, веля себе быть профессиональным бойцом, а не сопливой девчонкой, но собака... это же...

— Выдвигаемся. Под ноги смотрите. Ласточка за мной, — командует мужчина, и все, что мне отведено отныне — беспрекословно подчиняться каждому его звуку.

Густой лес быстро сменяется полем. Все зеленое: нет, не из-за цвета растительности. По вине прибора на глазах. Если бы не он, то в непроглядной тьме невозможно было бы сориентироваться. Ветер сильный, поэтому шагов неслышно. Я сжимаю автомат, благодарная перчаткам, впитывающим пот. Может, тоже начну их носить двадцать четыре на семь, как Рейдж.

Нахожусь строго за спиной мужчины, ступаю нога в ногу. Через назначенное время Рой просит согласования:

— Капитан, вижу вас. Прикажете стрелять.

Я больно закусываю внутреннюю сторону щеки, смиряясь с командным:

— Огонь.

Это произошло незаметно: собака даже заскулить не успела, Рой в череп явно попал. Когда мы подбираемся к цели, это подтверждается: из головы течет кровь, глаза открыты. Я бегло отворачиваюсь от картины и вижу, как Рейдж чуть поднимает два пальца и показывает ими определенные жесты парням — они сразу ловят и исполняют команду. Дом деревянный, неухоженный. Я сгибаюсь, подстать капитану, проходя под окном, оставляя позади себя Джастина. Торф под берцами влажный: он сменяется не менее влажным порогом из потертых досок. Рейдж встает за дверь, и я путаюсь: куда встать мне? С другой стороны, как при штурме? Но капитан меня к себе дергает, тихо чеканя:

— Рядом. Больше не тупи.

Я послушно молчу, прижимаясь спиной к выпуклым стенам, откуда щепки торчат. Потоки ветра охлаждают жар в лице. Утихомириваю пульс, под звук:

— Джастин. Докладывай.

— Движений не обнаруживаю. Три комнаты, лестница слева от входа. На Вашей двери растяжка. Снять легко. Установлена криво, впопыхах. На пролете лестницы еще одна. У Рика и Бибера ручку двери стулом подперли.

Рейдж поглощенно запоминает и сразу отдает приказ:

— Нас слушают. Меняем стратегию: штурмом берём. Как поняли?

— Приняли, — говорит Рик.

— Принял, — добавляет Джастин.

— Хорошо, парни. Заходим через три, — мои конечности подрагивают, — Два, — в ушах звенит, — Один, — в горле сушит, — Пошли.

Рейдж приоткрывает дверь и разбирается с проволокой, не успев я моргнуть, после чего она звонко отлетает. Параллельно ребята врываются в дом, грубо толкая дверь, отчего стул с грохотом отлетает. Они выбивают другие двери, действуя четко: раздаются первые чужие языки, первая примененная сила, первые приказы заложить руки за спину. Я часто дышу и не отстаю от Рейджа, который бегом поднимается по скрипучим ступеням, беря еще две секунды на разминирование второй преграды. Джастин стоит у входа в подвал, контролируя выходы. Разражается стрельба, и я молюсь, чтобы это было наше оружие. Сплошной хаос, для страха места нет: тысячи осколков деталей, за которыми важно угнаться. Перед штурмом второго этажа, я замечаю, как Кастор жестоко выталкивает одного из врагов, отдавая его под контроль Джастина, который вырубает разъяренного прикладом автомата. Половица под ботинком Рейджа скрипит, а через миг, белая дверь перед ним превращается в решето: из комнаты выпускают чуть ли не обойму, пули свистят. Я кое-как заставляю себя быть в уме. Капитан пользуется создавшимися дырами и уверенно стреляет несколько раз. За стенами звучат стоны боли и порция матов, вперемешку с арабскими выражениями. Мужчина, не мешкая, залетает внутрь, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, что делаю и я — я сильно стараюсь, правда. Ободранные стены, на полу мужчина, из ладоней которого течет алая жидкость. Рейдж отпикивает ногой его пистолет и наклоняется, фиксируя вражеские запястья жгутом, попутно отрезая для меня:

— Стоишь здесь, контролируешь, стреляй на поражение, если дернется.

У меня губа нижняя подрагивает, однако я подчиняюсь, застывая рядом с незнакомцев, наблюдая, как Рейдж удаляется для штурма других комнат. Мое сердце подскакивает от шипящих слов снизу:

— Ты умрешь, ты скоро умрешь.

Он весь покрылся испариной. Ему около сорока. Шмотки потасканные, вид самый преступный из всех преступных. Я не ориентируюсь на сказанное. Нас учили, что подобное не должно отвлекать. Мне нужно выполнить команду: именно этим и занимаюсь, откладывая тряску в коленях. Соседние двери выбиваются, я задерживаю дыхание от рычания:

— Упала. Лицом в пол. Живо упала!

Женщина кричит нечто безудержное, вероятно проклятия, а потом, похоже, пытается на Рейджа напасть. Еще два выстрела. Попутно им ругань внизу. Совместно с этим бормотание у берцев:

— Тебе недолго осталось. Небо все видит. Ты скоро умрешь.

Он кричит, стуча подбородком по дереву. Я держу голову под прицелом, стараясь дышать правильно, дабы не впасть в панику. А оры по дому разрастаются:

— Положила ребенка, — выдавливают капитан уже другой женщине, что граничит с начавшимися выкриками младенца, — Положи ребенка в кровать и упрись лицом в пол. Сейчас же!

В наушники доносится:

— Рейдж, первый чист. Трое мужчин. Готовы брать подвал.

Грубая сила, борьба за стенами — капитан кого-то ставит в нужное ему положение. Успевает приказывать к тому же:

— Рик и Джастин в подвал. Бибер на первом.

Звонкий вой терзания: не разобрать мужской или женский.

— Вас поняли.

Плач ребенка режет и гложет.

— Две недели. Тебе не жить через две недели. Ты приходила ко мне в видениях, я тебя видел, и ты была мертва, твои кишки торчали наружу, — не успокаивается лежащий.

— Капитан, разрешите включить свет на первом, — спрашивает Кастор.

— Разрешаю.

Я смотрю на грязные руки, превратившиеся в месиво, и чувствую приступ тошноты. Рейдж появляется в проеме с двумя женщинами в черных одеяниях и одним мужчиной, запястья которых также связаны.

— Ласточка, ко мне, — ровно произносит, и я молниеносно оказываюсь рядом, — Спускай их на первый этаж, — он нажимает на кнопку датчика, — Бибер, принимай еще троих.

Я вдруг понимаю, что слово «ласточка» — единственная нормальность, среди этого ада. К счастью, люди сами спускаются, находясь под надзором моего автомата — мне пришлось пару раз подогнать их, оперевшись стволом в спины. Рейдж идет позади, вместе с тем мужчиной, которого держала я. Крики младенца не имеют конца. В подвале шум и возня, но они приглушены. Мы поднимаем приборы ночного видения, так как старая люстра дает такую возможность. На полу два человека в отключке. Один дышит отчаянно, переживая боль от пуль в ногах. Пространство кровью запачкано.

— Вниз всех, — чеканит Рейдж, и его перебивает голос Рика по рации.

— Один мертв, капитан. Оказывал активное сопротивление. Подвал зачищен.

— Понял. Спускаем. Принимайте.

Кастор поднимает сначала того, кто в сознании, выпаливая:

— Шагай. Давай, сейчас же, шевелись!

Каменная лестница погружает в душное помещение, где все пахнет чем-то инородным и плесенью. Но это неважно, потому что, когда мы кладем всех на бетон, я замечаю подростка и маленькую девочку — они над трупом мужчины хнычут. Я не могу от этого глаза оторвать, стоя у одного из многочисленных грязных ржавых стеллажей: я бы очень хотела перестать смотреть, но не могу. Будто время замедлилось. Будто все исчезло, кроме этого ужасного фрагмента. Пацану лет четырнадцать, а девочке около семи. Они потрепанные, их слезы катятся по чумазым щекам.

Я бы хотела прекратить это видеть. Но я не могу отвернуться. Я бы хотела, но я не могу.

Голова раскалывается от обезумевших матов. Есть плиты, а на них посудины — там наркотики варили. В контейнерах уйма мешков с синими кристаллами. И это все правда могло бы отвлечь меня. Но не отвлекает.

Рейдж снимает вторую рацию с пояса, шумя помехами с пиликаньем, и сообщает в нее:

— У нас все готово.

Ему моментально отзываются:

— Три минуты.

Капитан смотрит на девочку: пристально. У него что-то в глазах меняется, несмотря на то, что все это время они бездушность сохраняли. Он слегка дергает шеей и жмурится — нервный тик, неуправляемый. Я приоткрываю рот, когда Рейдж стучит берцами мимо меня и отрывает девочку от бездыханного тела и рук ее, по-видимому, брата. Мужчина крепко прижимает малышку к себе, и в эту секунду я впадаю в полнейший кошмар, предполагая, что он ее убьет, но... Рейдж пихает пацана и уносит ребенка наверх, подальше от этой бури, кидая нам:

— Ждите, а потом в фургон помогайте запихивать.

Он гладит ее по голове и что-то нашептывает, пока парнишка изрывается: Джастин ему в грудь автомат упирает, не позволяя побежать. Мычания тех, кто на полу, не утихают. И я думаю, что более мощного разлома не случится, пока Рик не хрипит подростку:

— Лицом к стене повернись.

Мои брови взлетают вверх, я не понимаю, ничего не понимаю, совсем ничего. Джастин и Кастор напрягаются и отходят от несчастного, словно знают, что что-то свершится, и участвовать в этом невыносимо.

— Лицом к стене. Сейчас, — отсекает Рик повторно.

У мальчика по штанине бежит моча, а ноги дрожат. Он весь колотится и слушается. Меня бьет не током, а кувалдой: Рик поднимает оружие, собираясь стрелять. Тело само дергается, я переступаю через головы в трясушке и умоляю охрипшим тоном:

— Нет, не надо!

В эту секунду пуля пронзает невинную голову. У меня мир рушится. Все рушится. Я истерично вбираю спертый воздух и толкаю Рика, напропалую крича то, что потом не вспомню:

— Что ты наделал?! Зачем?! Что он сделал?! Он ребенок!

Кровь ребенка бежит к ботинкам. Она на стене. Она повсюду. И мне кажется, что мои руки тоже в его крови — потому что я не предотвратила это. Рик сдавленно рычит от того, как я потеряла контроль, и резко вбивает меня в стену: хлопок соседствует с ревом родни убитого, с гнетущими словами Кастора и Джастина: «Не вставать!».

Я безутешно роняю громоздкие выдохи, пока предплечье друга давит на грудь. Он ловит мой взгляд и гравийно выговаривает:

— Шесть лет: столько я служу, Ривер. Первый год работы здесь: я приезжаю на задание похожего типа. А там похожий пацан. На щеке у него свастика вырезана: родители ножом поработали. Яркий такой шрам в рубцах. Он тоже под себя ссался. Никто его не тронул.

— Что ты натворил, — скулю, отказываясь внимать, — Что ты за человек, Рик?...

— Слушай, твою мать, — сурово обрывает, — Тех, кто лежит на полу, Ривер, закроют на пожизненно. Они себе весомый срок накатали. А знаешь, на сколько закрывают таких, как он? — говорит про мальчика, риторически, — На три года. Их отправляют в детскую колонию на пару лет. Потом отпускают, верят в их изменения. И того пацана тоже отпустили.

Я горько морщусь, но он приказывает, что принуждает поддаться:

— На меня смотри! Я приехал на миссию, служа четвертый год. И увидел ту сволочь, которую все пощадили. Со свастикой на щеке. Он варил метамфетамин, а на цепи у него, Ривер, в комнате без окон, сидела девушка. Юная. Ей шестнадцать. Раздетая и истерзанная. Он ее насиловал в угаре, под веществами, и фетиш у него был: резать кожу ее ног худых, пока член вставлял. Она была мертвой. По виду пару дней. А на животе у нее сперма: засохшая и не засохшая. Потому что он ее трахал даже когда она уже не дышала...

— Почему ты мне это говоришь?! — отстукиваю, бьюсь в агонии.

— Потому что я больше не допущу подобного, — отрезает, глаза в глаза, — Я не буду надеяться на его исправление, если есть шанс, что он не исправится. Так что впредь не смей вставать у меня на пути.

Он отпускает меня, и я скатываюсь на бетон, в лихорадке. Впереди тела в ряд. Справа лужа детской крови. И этот запах: смесь грязи, пота, химии, железа.

Я никогда не забуду. Я не смогу.

Глава 11

Задние места фургона. Я сижу тут, обняв себя покрепче, смотря в пол. Не знаю, что выражает взгляд. Пустоту или горе. Я ничего не знаю.

Парни на передних рядах. О чем-то общаются. Кастор и Джастин хотели завлечь меня с собой, но я молча мотнула головой и ушла подальше. Рик посмотрел на меня в смешанных чувствах, когда увидел, как я прибилась к тонированному окну. Выдохнул тяжело, по волосам провел и не стал трогать. Время на одиночество предоставил. Очень благородно с его стороны, да.

Рейдж недалеко. Через один соседний ряд. Я чувствую его глаза, но сейчас мне нет до этого дела. В носу до сих пор витает смесь тошнотворных запахов. Картина мертвого мальчика застыла перед лицом, будто я ее потрогать могу. Слова Рика не покидают уши.

Я не плакала. И не плачу. Ни одной слезы не проронила за день. Мне хочется выть и вопить, но я повторяю себе быть профессиональной. Это не детский сад, меня не пожалеют — осудят и навсегда припишут статус слабой девчонки. Я не вынесу подобного.

Мне больно. Мне холодно. Мне плохо. Меня рвет.

Я хочу домой, но дома у меня нет. Я не знаю куда конкретно просится душа. Туда, где безопасно, наверное. Туда, где есть тепло. Но такого места, опять же, не существует. Не в моей реальности.

Кое-как сдерживаю эту жалкую влагу, что грозит прорваться, как вода из сломанной дамбы. Прижимаю к шее подбородок, жмурюсь и умоляю себя не впасть в истерику. Я очень стараюсь. Очень-очень.

Зубы скрипят, а ногти впиваются в локти — так я себя контролирую. Вся зажимаюсь, каменею и отдаю приказ за приказом: «Угомонись», «Не смей ныть». Теперь я понимаю, почему Рейдж отговаривал меня ехать. Понимаю, почему он гнал что есть мочи. Изначально видел во мне того бойца, который не боец вовсе — осознавал, что ломаюсь. Меня крючит от того, что он прав. От того, что я не могу смириться с подобным. Или, по крайней мере, не сходу, не так быстро.

Пытаюсь себя не жалеть, ведь если позволяю хотя бы одну мысль о том, что устала, то сразу хуже становится. Чувствую, словно превратилась в маленького котенка, который застрял на ветке горящего дерева. Нуждаюсь в спасении, в крепких руках, в опоре. Однако я в этом мире одна. С ветки придется самостоятельно спускаться. Если не спущусь — сгорю. Пожалуй, я впервые задумываюсь о кончине так серьезно. Умереть и завершить страдания. Прекратить быть той, кем не являюсь. Раз я допускаю такой исход, значит в очередной раз проявляю свою никчемность — это тоже добивает.

Я не делаю из Рика злодея. Его позиция ясна. Просто эта точка зрения мне чужда, и я бы предпочла никогда с ней не знакомиться. Стараюсь убеждать себя в чем-то нейтральном, но пока на анализ не способна. Вообще ни на что не способна. Глупая и безнадежная. К тому же капитан может домой отослать: я же потеряла себя в моменте. Проявила некомпетентность. Они с Риком на улице переговорили, я заметила. Так что инцидент доложен, и меня настигнут последствия.

Фургон останавливается, спустя три часа езды. А впереди еще пять до базы. Спать не получается. Очнуться от коматозного состояния — тоже. Отчаянно борюсь за то, чтобы сохранять хотя бы отчасти спокойный вид. Паршиво было бы упасть на пол перед мужчинами и хныкать во все горло. Повели бы на адекватность проверять, к психиатру. Мне требуется полная изоляция, чтобы разрешить слезам выйти наружу. Но этому не бывать: по возвращению на базу я буду в комнате не одна. На улице Синча встречу не дай Бог, так что не вариант. Отвернусь к стене, на кровати, и продолжу губы кусать до крови, дабы звуки терзания не ронять.

Рик ведь на соседней полке будет. А внизу Кастор и Джастин. Долго в ванной находиться — подозрительно. Ребята постучат. Никаких запасных путей. Только вариться в боли, которую выразить запрещено.

Я не знаю как с этим справиться.

Выхожу из фургона на онемевших ногах. Нас привезли на ту крытую парковку, где Джип и Додж стоят. Я благодарна парням: они понимают, что если дотронутся или обратятся, то я сто процентов обмякну. Лучше не лезть, иначе кто потом с моим галдежом разбираться будет?

Стою между двумя авто, не зная, куда садиться. Рейдж к себе не приглашал. Парни пока что тоже. Живу от команды до команды. Двадцать один год так живу, как собака. Не ощущаю себя человеком даже.

Боковым зрением замечаю, как Рейдж с Риком о чем-то договаривается. Что-то ему объясняет, и тот слушает сосредоточенно, кивает, после чего они руки друг другу жмут. Я кусаю внутреннюю сторону щеки, когда парни хлопают дверьми Джипа, заводят авто и уезжают. Снова с Рейджем. Наедине. Это еще тяжелее: при нем лицо точно нужно сохранять непоколебимое, капитан как никак.

Я делаю скромные шаги в сторону, когда Рейдж безмолвно открывает дверь Доджа и копошится на задних местах. На парковке еще парочка машин, а так ни души. Лишь мы с ним. Будет ли он отчитывать меня? Будет ли нагнетать? Мне страшно, потому что я тогда окончательно свернусь в три погибели и устрою целое шоу соплей.

— Стой здесь, не двигайся, — ровно произносит мужчина и залезает внутрь, скрываясь из виду.

Я слушаюсь и через полминуты он появляется в гражданской одежде. Боковые окна тонированы, поэтому и приказал никуда не отходить.

— Твои вещи поверх сумки лежат: я вытащил. Это снимай, — неизменный тон без эмоций.

Я коротко дергаю подбородком и попадаю в Додж, избавляясь от военной черной формы и возвращаясь в обычную. Выползаю на бетон и стопорюсь перед мужским телом, ожидая новых распоряжений. И Рейдж вдруг берет меня за руку мягким жестом, ведя к водительскому месту. Мне не до романтики, я в своем болоте погрязла, да и он подтекстов не вкладывает. Понятия не имею, чего он добивается, когда вновь останавливается у двери и располагает меня близко, придерживая за талию. Тишина гложет. Я на него смотреть боюсь, поэтому в наши ноги пялюсь...

И все мигом ломается. Он разрушил мой мир по щелчку пальцев.

— Я тобой горжусь.

Негромкие слова пробираются к сердцу и пускают там жгучий яд. Я что угодно предполагала, но не это. Никто мне такого не говорил, а я об этом мечтала. Меня обдаёт льдом или кипятком, и я зажимаю рот колотящейся ладонью, сбивчиво дыша, параллельно пытаюсь выпрямиться, занять достойную позу, но это нереально, я умираю.

Мной гордятся, мной гордятся, он мной гордится, это больно, это очень больно.

Как долго я ждала, чтобы это произнесла мама. Как долго я грезила тем, чтобы мои заслуги признали. И это случилось. Но никто не предупреждал, что я буду в огне.

Стискиваю зубы, упираясь в твердую грудь рукой, погружаясь в хаос, к пальцам на рту начинает бежать соленая жидкость, и Рейдж удерживает меня крепче, хрипло повторяя:

— Я тобой горжусь, Рив. Ты умница. Я горжусь.

Это слишком много, чтобы вынести. Мои колени трясутся, и я мычу что-то отрицающее, до ужаса разбитое, и мое самообладание терпит крушение. Я громко всхлипываю и раздражаюсь дикими слезами, впадая не иначе чем в паническую атаку, упираясь в чужую грудь более напористо, но Рейдж открывает водительскую дверь, не отпуская мое колотящееся тело, садится за

руль, быстро дергает сидение назад, чтобы создать больше места, и ловко тянет меня к себе на колени, прижимая, закрывая за мной дверь, закупоривая наше пространство.

Что он делает? Пожалуйста, пусть не прекращает. Пожалуйста, пожалуйста, я умоляю.

У меня ноет сердце, конечности коченеют и леденеют, пока капитан крепко обнимает меня, он взаправду обнимает, притягивает мое лицо к своему плечу, гладит по затылку и утешает:

— Все правильно. Все хорошо. Можно плакать, конечно, можно, это не стыдно, я тебя держу, я буду держать.

Я сдаюсь. Отвратительно, но сдаюсь. Полностью принимаю ласку, абсолютно безрас судно, в острой необходимости и цепляюсь за худы, как ненормальная, пока рыдания нарастают. Чувствую заботу и вжимаюсь в его торс, как израненное существо, пытаюсь получить больше и больше — и он отдает все, что имеет. Неровно выдыхает и кладет подбородок на мою макушку, нескончаемо поглаживая и чутко уверяя:

— Ты была хорошей и смелой. Все слушала, все делала, все вынесла, — меня накрывает новой волной рыданий, и ему, будто больно от звуков, ведь он нахлестывает, — Я знаю, Рив, знаю. Сложно было, страшно, но ты держалась, ты смогла, я очень горжусь, Рив, невероятно горд тобой.

Я намочила его кофту, однако плакать не прекращаю: физически не в силах. Складываю локти на горячей груди и напропалую заикаюсь:

— Вы обещаете?

Такая инфантильность настигала меня лишь в детстве, и я на волоске от того, чтобы закидать себя камнями. Слова о гордости должны ощущаться, как груз с плеч, но все не так: меня будто привязали к поезду, несущемуся с огромной скоростью. Подбородок ходуном, зуб на зуб не попадает. Я так чертовски никчемна в своих проблемах. Но есть он, мужчина, который чудом делает это лучше. Рейдж перестраивает лицо к моему сырому лицу: прижимается щекой к виску, чтобы говорить на ухо, будто это поможет убедить.

— Обещаю, моя светлая, — непросто шепчет, — Я тебе обещаю.

Я хнычу и киваю, втягивая эти слова, как если бы они были последним глотком воды перед годовым путешествием в пустыне. Все то, что копилось годами, льется разом, и я в курсе, что пожалею об этом позже, но не сейчас. Не в его грубых руках, которые для меня стали нежными.

Он ощущается, как тот самый дом, о котором я размышляла пару часов назад. Почему он так ощущается?

— Мне никто не говорил, — истошно всхлипываю, как ребенок, сбиваюсь в буквы, — Никто не говорил, что гордятся, что гордится, так никто мне не говорил.

Он обдумывает услышанное, почти не дыша: проходит достаточно времени для того, чтобы я решила, что Рейдж не ответит. Однако его широкая грудная клетка громоздко опускается перед приглушенным, уверенными словами:

— Я буду говорить.

Это все, что он мог предложить, и, одновременно с тем, это то, чего он вообще не должен был предлагать.

Не врет? Будет хвалить? Периодически будет так говорить?

Я отстраняюсь, сминая плотную кофту, и бегаю по зеленым глазам своими растроганными и зареванными глазами в дикой потерянности. Рейдж смотрит прямо, не избегая, как будто он принял что-то для себя, чего совсем не хотел принимать, но сражаться с собой уже бессмысленно. Я приоткрываю дрожащие губы, желая переспросить, и мужчина подтверждает, избавляя меня от сомнений:

— Я буду, Ривер.

Мой нос часто шмыгает, а пульс колотится в невообразимом ритме. Я думаю, что это неадекватно: чувствовать, как твои легкие взрываются от безудержного давления. Но я чувствую все именно таким образом.

Рик убил дитя. Я плачу впервые за пару лет. Распадаюсь перед капитаном.

И мне страшно, потому что здесь, в этом гнетущем и окрыляющем миге, я с грохотом признаю, что имею не хилую симпатию к человеку, на котором сижу и трясусь. Это огромная проблема. Я в настоящем дерьме, раз мое сердце не поддается прежней дрессировке.

Рейдж поднимает руку с моей талии, чтобы заправить выбившийся из прически локон. Он обводит висок, помещая волосы за ухо, и я замечаю, как ему тяжело. Нет, я имею в виду: ему конкретно трудно. Капитан проживает что-то внутри себя, и это «что-то» — катастрофа. Его брови напряжены, как и мышцы груди под моими ладонями. Ему определенно не нравится то, что он поддался чему-то, но делать с этой проблемой он ничего не собирается. Или собирается, просто не сейчас, не в эту ночь.

Мои слезы бешено стекают к подбородку: я их не выдавливаю, они сами хлещут. Сухожилия, как ослабленная струна гитары, за которую дернули. И вся моя дрожь раздается на нем, на том, кто в первую встречу пометил мой подборок синим цветом. Я сижу на коленях Рейджа? Черт возьми, именно здесь я и сижу.

Он оглядывает меня без пошлого подтекста: с каким-то неугомонным анализом и бардаком. В итоге поражает: опускает рычаг сидения, благодаря чему оно откидывается назад, практически в полностью лежачее положения. Я путаюсь и шугаюсь, а Рейдж не дает время на размышления: обнимает меня одной рукой и кладет на себя, притягивая к ключицам. Заставляет разместиться на нем, и я жмурюсь, ведь поддаюсь без всякого сопротивления. Тыкаюсь в его плечо носом, и он подтягивает меня, группируя в какой-то комок, обвивая одним предплечьем. Вторую руку мостит на затылке, как бы не позволяя голову поднять: все, что мне удалось заметить до этого — то, как он прикрыл глаза и испустил долгий, тихий выдох через нос.

Я все еще не имею идеи о том, что происходит.

Смерть ребенка, слова о гордости, обьятия капитана. Мой мозг вот-вот раскрошится или откажет — не исключено, что все вместе. Я цепко хватаюсь за кусочек серого худи и тоже опускаю веки, но картина крови мигом заполняет темноту, отчего распахиваю ресницы.

Я так измотана. Немного лучше, ведь всхлипы потихоньку стихают, хотя пустые хныканья не проходят. Он специально сказал о гордости — я лишь теперь понимаю. Толкнул меня, чтобы выпустила скопившиеся эмоции. Я не определяюсь: быть благодарной или ненавидеть. Потому что я показала себя в плохом свете, но наконец выплакалась.

Я ненароком внюхиваюсь и улавливаю мятую: легкий шлейф. Гель для душа, полагаю. Скоро буду назвать его «мятный» или котом. Последнее прозвище капитан не оправдывает, конечно, и все же коты бывают агрессивными, так что в целом недалеко от истины.

Я прикладываю усилия, чтобы думать о дуростях и забыть об ужасе. Но так это не работает. Честно, я не имею представления, как это могло бы работать в принципе. Как спать отныне? Как ходить под небом, помня этот день?

— Ты устала, — размеренно хрипит Рейдж, что раздается над макушкой, — Не думай о сегодня. Вернись в любой хороший день и ухватись за каждую его секунду. Переключи внимание.

Я прикусываю губу, шепча с помощью непослушного языка:

— Вы часто так делаете?

Мужчина затихает, и я подмечаю, что нахожусь в выигрышном положении: раз он подобрел, то из машины не выкинет. Максимум прикажет пересесть. Я не самонадеянна. Опираюсь на то, что он, похоже, максимально не желает разъединиться: так ощущается, судя по хватке и положению, которое Рейдж создал.

— Бывает, — коротко шепчет, ставя тоном точку на теме.

Иногда он дает ответы, но ответами их назвать нельзя: они неуловимы и толком ни о чем не говорят, лишь создают больше вопросов. Вот тут я правда самонадеянна: грежу тем, что есть шанс разгадать его голову. Нет шанса — и он это регулярно подчеркивает. Я пытаюсь не хныкать, однако это прорывается, отчего в очередной раз впиваюсь ногтями в кожу: выбираю запястье, ведь оно открыто. Но вздрагиваю, ведь Рейдж, неизвестно как, опознал что я хочу причинять себе боль: он напористо отрывает одну мою руку от другой и переплетает наши пальцы, строго бормоча:

— Не надо.

Я застываю, ведь он не отпускает мою ладонь: держит ее и окольцовывает меня тем же предплечьем. Я лежу на боку и таращусь на наши соединенные руки, не находя в этом ни капли взаимоотношений между капитаном и членом отряда. И дружбой тоже не пахнет. Понимает ли это Рейдж?

— Почему? — глупо уточняю сырым голосом.

— Потому, Рив, — недовольно выдыхает, — Просто не надо.

Ничего нового: мне легче упротить корову погавкать, чем получить от него что-то раз-вернутое.

Его большой палец в перчатке гладит мою внутреннюю сторону ладони: невесомо. Плотный материал скользит по коже. Вся эта нежность никак не бьется со сквозящей резкостью в голосе. Я ежусь, чуть ворочаясь на нем, и перекладываю нос поближе к шее, что, кажется, нас обоих приводит в неловкость на пару секунд, но мужчина не отстраняется. Балаклава заправлена в худи. За ней татуировки, если я правильно поняла в тот раз. Что за рисунки? Есть ли в них смысл? Когда он их сделал?

Рейдж советовал отвлечься на хороший день, вспомнить его до деталей. У меня нет хороших. Поэтому я забиваю голову мыслями о мужчине. Огромный отдел черепа кричит думать о Рике и том поступке. Я вкладываю всю себя на то, чтобы отложить это хотя бы на пару часов — там здравость появится минимальная.

— Я хочу спросить кое-что, — шепчу, кое-как избавляясь от плаксивости в интонации, — Но Вы меня пошлете куда подальше.

Рейдж буквально: «Угадай что выкину!». Расцепляет наши руки и берется за одну из косичек. Снимает резинку и распускает локоны: нерасторопно. Будто паузу берет, а меня, как дурочку, отвлекает на это незамысловатое действие. Корни волос горят, как бы сюрреалистично это не звучало, когда длинные пальцы доходят до головы, мягко растрепывая у основания. Я завидую. Рейдж не будет потом ночами это восстанавливать в воображении, а вот я не успокоюсь.

— Спроси. Попробуй, — произносит ровно, однако я чувствую толику опаски, что пускает мурашки.

Что заставляет его так бояться? Одно дело — не хотеть делиться о себе. Другое дело — быть напуганным, что о тебе узнают. Он прикидывается, что ему без разницы, но это ложь. Я аккуратно складываю слоги, шагая в темноту.

— Вы носите маску, чтобы скрывать себя от других людей?

Он бы не ответил на вопрос: «Почему Вы носите маску?». Такая формулировка, возможно, более пространна. Рейдж может сказать: «Да» или «Нет». Я даю почву, не хочу вводить его в мини-панику — а именно это он испытывает, когда добиваюсь чего-то подобного, и мне не по себе от того, что мужчине плохо от моих попыток сложить пазл. Капитан берется за вторую косичку. Ему некомфортно, а я, хоть убей, не предположу причину. Тем не менее Рейдж поясняет, звуча равнодушно:

— Я не от чужих скрываюсь, а от себя.

Ни черта не понимаю. Наслаиваю, пока разрешили:

— А перчатки?

Рейдж сглатывает и скомкано проговаривает:

— Наоборот. Не от себя, а от чужих.

У меня начнется мигрень.

Бегло разбираю, раскладывая по полочкам: маску он носит, чтобы себя от себя же спрятать, а перчатки, чтобы никто не увидел руки. Как все это понимать? Если ему плевать, что кто-то увидит лицо, то к чему балаклава? От себя спрятаться... что это означает? Он себе неприятен? Там шрамы, и они ему не нравятся? Но как ты способен прятаться от самого себя внешне? Твое лицо остается твоим лицом независимо от того, что на нем надето.

Он все перебирает мои длинные локоны и держит за талию, поближе. Словно наслаждается нашим моментом всей душой, прекрасно отдавая себе отчет в том, что это, вероятно, последний раз такого сближения. Кто мы друг другу, чтобы с периодичностью ласкаться? Он проявил милосердие, помог облегчить страдание, утешил, согрел. Но для него это ничего не значит ровным счетом, и я действительно боюсь погрязнуть в этом факте.

— Знаешь, почему меня раздражает, когда ты хочешь вывести что-то обо мне? — прерывает головоломку слегка шатким голосом.

Надо же: сам толкует. Завтра снег пойдет.

— Потому что Вам не хочется, чтобы я Вас узнала? — неуверенно предполагаю.

Мы оба говорим так, будто в мире кончилась громкость, будто наши гортани умеют выдавать исключительно слабую частоту. Рейдж завершает махинации с волосами и вяло вертит черные резинки в пальцах одной руки, признаваясь:

— Потому что я чувствую желание рассказать, — повергает в шок, — Редко, но это возникает. Такого раньше не происходило.

Мои органы скручиваются. Я не уверена, знает ли он, о чем конкретно поведал. Переводя на людской язык: «Сердце просит поделиться с тобой, а не с кем-то». Это... нет, у меня не найдется подходящего описания.

Я приподнимаюсь и сжимаюсь от того, что он пристально смотрит на меня. Наши глаза встречаются. В прекрасном, зеленом оттенке блестит нечто разрушительное и болезненное. Я робко прошу:

— Тогда расскажите.

— Нет, — покачивает головой, не разрывая зрительный контакт.

— Почему?

Рейдж заносит руку, потирая закрытый лоб, и хрипит с нотой обреченности:

— Потому что таким как ты, Ривер, нельзя сближаться с такими как я. Больше не спрашивай ни о чем. Ты итак знаешь очень много, а это переходит границы.

Я потупила взгляд, что-то внутри щелкнуло до неприятного зуда. Досада и обида. Совсем спятила, раз обижаюсь — не то поведение, которое бы соответствовало моему статусу перед ним. Я обязана воспринимать Рейджа, как должностное высокопоставленное лицо. Однако не получается. Вернее: получается все меньше и меньше.

Он погладил меня по щеке и притянул к себе, ненадолго припав виском к виску. Провел по спине и добавил мягче:

— Надо ехать. Я сказал Рiku отчитаться перед майором за меня. Чтобы меня не трогали сутки.

— Для чего? — вырвалось ненароком.

Это оказался тот вопрос, ответ на который не ступает за грань личного. Красивая хрипотца раздалась около уха:

— С тобой буду. Кошмары приснятся. Сложно их прожить без поддержки. Я не хочу для тебя такого, — он замялся, соизволил спросить, — Если ты не против моего присутствия.

Разве можно отказаться?

Пять часов дороги, за которые я ни разу не вздремнула. Сидела на пассажирском, увязая в хаосе, томившемся неприлично долго. Темный город сменился темным лесом. Думала не о Рейдже, а о миссии: проваленной или успешной.

— Ты не была к этому готова, поэтому я не стану докладывать о некомпетентности, — капитан заговорил первое, уловив, что я в ресурсе на серьезный разговор, — Но в следующий раз, Ривер, а он, очевидно, наступит, ведь ты не планируешь уходить, я составлю рапорт, у меня нет выбора. Это может сорвать операцию.

Он прав: собирать манатки и возвращаться в Аппель — не моя тропа. Инцидент сломил меня, стал точкой невозврата, и все равно: не сбегу. К счастью, Рейдж уже не гонит. Потихоньку принимает мой настрой, несмотря на то, что раздражен им.

— Как Вы это допускаете? Рик нарушил Ваш приказ: Вы говорили без убийств.

— Я объясню тебе сейчас и больше повторять не стану, — он посмотрел на меня и получил кивок, прежде чем приступить, — В каждом отряде есть человек, который более решителен, чем другие. Более радикален. Он нужен для того, чтобы, в случае экстренной ситуации, сообразить быстрее других. Побегать на врага, подставить грудь под пули, подорваться на mine, чтобы не дать умереть напарникам. У меня это Рик. Он достойный человек, Ривер. Один из немногих хороших, коих я знал. Умный и ответственный. У него есть своя установка, которую он тебе озвучил. Я прекрасно осведомлен и препятствовать не буду. Он и тебе, и мне, и Кастору, и Джастину жизнь спасет, свою отдав, если потребуется. У всего есть своя плата. Поэтому я могу закрыть глаза на те вещи, которые для него остро стоят.

Мне стало намного яснее. Я молчала минуты три. Тот кошмар не иссякал, но я по крайней мере поняла как все устроено. Волновало и другое: мнение капитана. Какая-то необходимость получить что-то, что бы не являлось настолько жестоким.

— Но Вы одобряете этот подход? Убить ребенка врага, не позволив ему...

— Я нейтрален, — перебил, будто знал, что этот вопрос обязательно поступит, — Мне от этого ни горячо, ни холодно. Не знаю чего ты от меня ожидала, но жалеть выродка террористов или нацистов — не то, что я буду делать.

Что, если мне попытаться придерживаться той же точки зрения? Нет, обманываться стану. Я не смогу воспринять это, как что-то нормальное и правильное. Разве что если направлять себя в русло, что это спасет чужие жизни... но я не знаю, я пока ничего не знаю, и меня долго не отпустит.

Каковы пределы у жестокости? Когда она перетекает в кровожадность? Где та пунктирная линия, с одной стороны которой свет, а с другой тьма? Где стоит Рик? Где стою я, если не останавливаю этот ад?

— Ему жаль, — добавил Рейдж, спустя пару минут, отчего поежилась в смешанных чувствах, — За то, что накричал на тебя, подавил морально. Если собираешься оставаться на базе, у меня, то налаживай с ним связь. Мне недопониманий в коллективе не нужно. Сплоченные должны быть: таково правило. Не можешь смириться с тем, что это будет происходить — уходи сразу же. Я тебе не позволю миссии срывать. Толкнула бы его чуть раньше, и он бы в стеллаж пальнул, а оттуда пуля в Кастора или Джастина отскочила бы. Поняла?

У меня загудело сердце лишь от одного представления плачевного исхода для товарищей.

— Поняла. Я налажу, — мигом отозвалась, пусть и шепотом.

Когда мы приехали на базу, уже рассвело. Утренний тусклый свет освещал территорию. Столовая издавала активные шумы, а на улице не было ни души: все завтракали. Рейдж повел меня в свой дом, где отправил в душ и выдал... свою одежду. Черное худи без надписей. Он поторопил:

— Иди. Я за завтраком схожу.

— Но я не голодна...

— Ты будешь есть, Ривер. А потом спать.

Я думаю, что он заставил меня помыться не ради освежения. Он сделал это, чтобы я не копалась в его вещах, оставшись в одиночестве. Рамка все также лежала опущенной, а, когда я вышла из душа, она и вовсе исчезла: Рейдж спрятал перед уходом. Я пахла мятой, используя гель с этим ароматом. Сидела на кровати, смущаясь обнаженных ног: белье свое надела. Надеюсь, что кофта не задерется во сне, и я не буду светить голым задом.

Деревянная тумбочка мозолила взор. Я пожевала губу, пульс участился. Понимала, что поступаю отвратительно, но... нет, мне нет оправдания. Мой интерес победил. Я быстро открыла ящик на колесиках, ощущая себя злодейкой или шпионкой, вина и коря любопытную натуру. И то, что я увидела... это было не то, чего я ожидала. Совсем не то.

Уйма листов, что раньше лежали на столе. В беспорядке. Они перемешаны, трогать точно бы не стала: не дай Бог Рейдж запомнил, как они лежат, и я себя выдам. На верхней белой бумаге было одно и то же, сотни истеричных раз: перечеркнутое... что-то. Уйма штрихов судорожных, поверх какого-то знака. Я ничего не поняла. Может, он расписывал ручку... так и есть, наверное. Нечего выдумывать небылицы.

Мне бы хотелось рассмотреть пристальнее, лучше, дольше, но я услышала скрип и быстро закрыла шкаф, таращась в ноги. Рейдж вошел с контейнером еды и безмолвно отдал мне его, достав ложку. Это каша. Пшенная. Я без приказов приступила к еде, чувствуя подавляющую сонливость. Мужчина заваривал чай и мельком оценивал то, как на мне смотрится его одежда. Уж не знаю, понравилось ли ему, ведь, через минуты две, он прекратил изучение.

Я сделала пару глотков мятного напитка, и меня совсем развалило. Переспросила:

— Можно лечь?

Он слабо кивнул.

— Нужно.

Я стеснительно забралась под одеяло и положила щеку на мягкую, пышную подушку, насквозь пропитанную его запахом. Захотелось здесь остаться на века, никуда не уходить.

— А Вы? — робко прошептала я, когда он сел за стол, положив на него документы.

Они рабочие: папки и текст печатный.

— Я не буду спать, пока ты рядом, — тихо произнес капитан, смотря исключительно в бумаги.

— Почему?

— Мы договорились: ты не спрашиваешь.

Я чувствовала себя неловко, так как лишаю его отдыха. Он был за рулем долгие часы, до этого руководил операцией, а теперь работает. Однако утомленный разум быстро вырубился — как только я одеяло до носа натянула.

Кровь. Мертвый мальчик. Выстрел.

Все пронеслось в обратном порядке.

Я подорвалась с криком, в испарине, полностью дезориентированная и напуганная. Не могла отдышаться. Не могла ничего. Тряслась в агонии, пялясь в ладони — во сне они были алые. Рейдж взялся из ниоткуда или он был поблизости — я не знаю, говорю же, была потеряна. Он лег на постель и молча притянул меня к себе, прижал к телу, гладил и крепко держал. Он особо не ронял слова, но был вплотную. Помогал тем, что создавал безопасность. Я ткнулась носом в его грудь, зацепилась руками за худы и горько жмурилась, хныкая без слез. Он накрыл меня одеялом повыше, укутал им, сам не залезая, и притерся к волосам. Единственное, что пробормотал, когда дрожь усилилась, вместо того, чтобы утихнуть:

— Я знаю, Рив. Я знаю. Поспи еще, Ласточка. Надо.

Он не обещал, что это когда-то закончится.

Когда я проснулась в следующий раз, в комнате мелькал белый свет. Это был телевизор на стене, включенный без звука. Я поворочалась и осознала, что Рейдж не ушел: его рука была перекинута за мой затылок, мы находились близко. Я подняла голову и увидела, что он не

спит: смотрит на экран. Как только заметил, что я в реальности, опустил взгляд, негромко проговорив:

— Выспалась?

Я покраснела от положения, в котором, похоже, нахожусь давно. Он ничуть не смутился: был спокоен, но вдумчив. На улице ночь: между штор сочилась темнота. Я провела по растрепанным волосам, стыдливо складывая слоги:

— Вам не плохо? Вы без сна уже больше суток.

Рейдж плавно мотнул подбородком, вновь наблюдая за сменяющимся картинками.

— Я привык.

Он накормил меня ужином со столовой: гречка, гуляш из говядины, овощи. Передал, что ребята спрашивали обо мне: Рик особенно, что ему несвойственно. Выяснял как я себя чувствую и навредил ли он мне физически, ощущал вину. Я поняла, что он правда любит нас, своих людей, хоть и ненавидит посторонних. И с этим можно существовать. Можно свыкнуться с его позицией. Джастин и Кастор, например, отворачиваются. Я знаю как ужасно это звучит, но я лишь пытаюсь устаканиться в этих обстоятельствах. Если ты не можешь изменить что-то, но тебе нужно там быть, ты должен изменить себя.

Рейдж меня не выгонял. Складывалось ощущение, что он бы и не выгнал: мы лежали всю ночь, впритык друг к другу. Он опять перекинул руку за мою шею, и мы смотрели телевизор. Когда он услышал, что это мой первый раз, весь напрягся и приказал:

— Держи пульт. Выбирай что хочешь.

Я приняла устройство, проводя подушечками пальцев по кнопкам: совершенно неопытно.

— Я не знаю, чего хочу.

Это правда. Я ведь не понимаю даже, как это работает. Особо фильмов нет на слуху. Рейдж устало положил подбородок на мою макушку и погладил меня по локтю, хрипло наставляя, до покалывания внизу живота:

— Тогда включай все подряд, сколько угодно. Остановишься на том, что понравится.

В окно стучал дождь, однако это было уютно: мужчина меня согревал собой, дарил надежность, создавал укромный мир. Я неумело листала онлайн-кинотеатр и читала названия и описания. Наконец застопорилась на том, что наиболее привлекло. «Сумерки» — так было написано. Эдвард Каллен, Белла Своун. Я неуверенно задрала голову, покосившись на Рейджа, и он, кажется, поджал губы. Тяжело вздохнул, щелкнул языком и подтвердил:

— Включай. Конечно.

Капитан выглядел так, будто: «Это реально происходит?...». А меня заворожило. Я не отрывалась от экрана, с трепетом наблюдая за историей любви вампира и человека. Рейдж прикрывал глаза и лоб протирали при фразах по типу: «Ты мой личный сорт героина». Но, когда закончилась первая часть, и я увидела в окошке снизу, что есть вторая...

— Вы хотите спать?... — прошептала в смятении.

Рейдж посмотрел на меня пристальнее, прошелся глазами по моему лицу: в нем проскользнуло что-то... любящее. Видимо, я напрочь рехнулась, раз так поняла. И все же он почему-то не отказал.

— Включай следующую.

Я теплилась об его мощное тело, пряча голые ноги под одеялом. Не было в этом чего-то пошлого: в том, что мы лежали впритык. Но я чувствовала покой вперемешку с интимностью. Он не переставал проводить закрытой ладонью по талии или плечу, иногда примыкал закрытым носом к моим волосам — был расслабленный, умиротворенный. Отпустил ситуацию, решив себе побыть вне звания. За всю ночь мы даже не поменяли положение тел, как если бы это означало разрушить идиллию.

Но у всего наступает конец. Иногда это оказывается большее, чем предполагалось. Пришло новое утро, «Сумерки. Сага. Новолуние» пустили титры. Я не посмела наглотать снова. Рейдж был вымотанным, хоть и, отчасти, удовлетворенным. Переделалась в свое, аккуратно сложив худи на стиралку — снимала максимально нехотя. На выходе, когда надевала подаренные кроссовки, мужчина твердо произнес:

— Это ничего не означало. Ты ведь понимаешь?

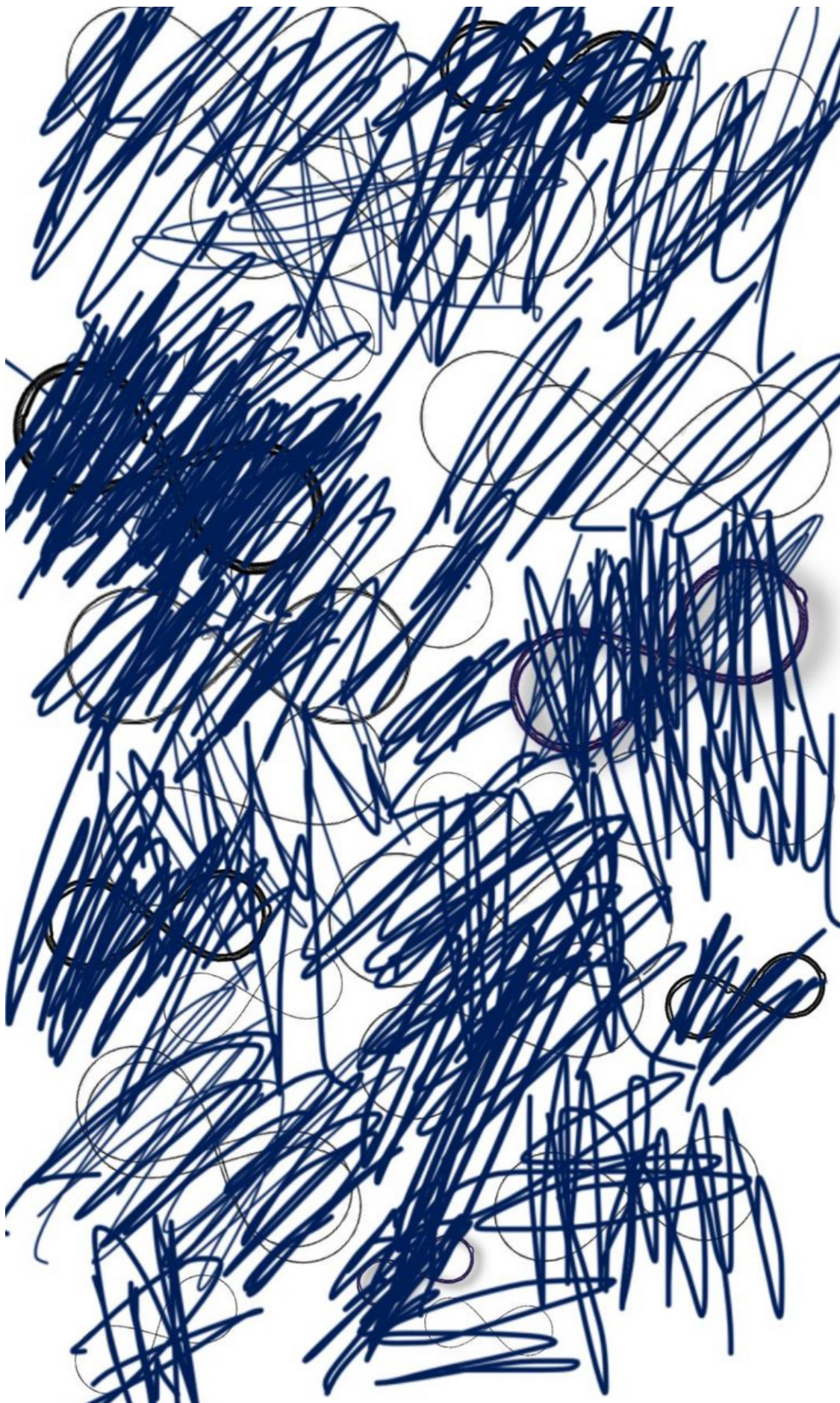
Я больно закусила губу, не в силах соединить наши глаза. Он продолжил разбивать.

— Мы просто говорили, просто смотрели кино, просто проводили время. В этом не было ничего другого, Ривер. Я твой капитан, а ты солдат под моим руководством.

Я сглотнула и неустойчиво согласилась:

— Я более чем понимаю, капитан.

Он спас меня этим днем. Подставил свое плечо, вывел из кошмара. Без него бы не справилась. Но, вместе с тем, он меня погубил. Потому что я окончательно приняла, что бесповоротно влюбилась. И дело не в закрытии гештальтов. Мое сердце подчинилось ему не из-за заботы, которую прежде мне не уделяли. Я почувствовала его душой и приняла, что даже если он никогда не подарит мне свое тепло вновь, я чувства в себе не искореню. И это опасно.

Глава 12

Рейдж.

Двадцать лет назад.

Мой день рождения. Я смотрю на подарок. Попросил и получил: впервые что-то получил хорошее. Но я не понимаю. Это совсем странно. Я бы хотел мягкую игрушку. Знаю, в них играют девочки. Но я бы тоже хотел. Мягкую. Я бы хотел мягкости.

— Пап... что с этим делать? Как в это играть?

На нем появляется лукавый оскал. Я поднимаю голову, пытаюсь быть смышленным. Предмет шершавый, плетеный. Может, мне нужно ловить им что-то? Может, это как... сачок для бабочек? Ловушка для них? Но где сетка? И я не хочу причинять им вред: бабочкам. Они красивые.

Отец трясет ногой, кривясь от моей глупости. Мне стыдно. Я постоянно такой: мало в чем разбираюсь. Родители говорят, что для семи лет я должен быть умнее.

— А на что похоже? Включи, сука, свои мозги, — выплевывает, ударяя пивом о ручку кресла.

Крышка прилетает в мою щеку. Не больно. Обидно. И обидно от того, что мне обидно. Я ведь мужчина будущий. Мужчины не должны обижаться. Мама говорит, что когда я грущу, ей тоже грустно. Потому что она родила «нюню» — я не знаю, что значит это слово. Но оно плохое.

— Веревка, — скромно бормочу, все еще стоя между его ног, — Она завязана.

— Это петля, ублюдок, сечешь? — устало выдыхает, — Чтобы ты повесился. Вечно тебе объяснять надо. Ты тупой.

Я тяжело сглатываю. Сжимаю длинную вещицу. Повеситься. Он этого желает. Я бы порадовал его, если бы послушался? Стоит ли мне поступить так? Будет больно? И как вешаться? Нет, я знаю примерно, но... мне нужна более подробная инструкция. Я не хочу снова сделать что-то неверно, не хочу разочаровать.

— Ее на шею правильно? — шепчу и голос подрагивает, как у ребенка... хотя я ведь правда ребенок.

Папа кивает, делая глоток за глотком. Я задаю тот вопрос, который задавать больно.

— И я умру?

Он хмыкает:

— Надеюсь.

Другим детям на их день рождения... им тоже дарят такое? Мои одноклассники получают веревку на день рождения? Откуда у них мягкие игрушки? Я мечтал о плюшевом лисенке: увидел у одной девочки. Наверное, она заслужила лисенка, поэтому он у нее есть. Я не заслужил.

— Поторапливайся, — подгоняет, указывая низом бутылки в сторону, — Просил же подарок. Получил. Давай, вперед.

Я пытаюсь не плакать. Мужчины не плачут. Но мне страшно.

— Прямо... сейчас? Можно... пожалуйста, можно завтра? — тихо упрашиваю, с волнением проводя пальцами по светлым жгутам.

— Сейчас. Залезай на стол. Крепи к люстре. Не зли меня, выполняй.

Колени трясутся. И слезы катятся. Я быстро отворачиваюсь к мебели посередине комнаты: на ней кастрюли и чашки железные, немытые. Ладно. После смерти темно: я размышляю иногда. Однако... вдруг я увижу лисенка? Он ко мне придет во мраке. Хотя бы там придет? Я к нему прижмусь. Я видел, как люди прижимаются. Как люди... они называют это объятиями.

Слезы бегут быстрее. Я так хочу, чтобы меня обняли. Я хочу обнять.

— Гребаный урод, ты что, всхлипнул? Сюда иди. Живо сюда.

— Пап, я боюсь, пап...

— Я сам завяжу, я тебя научу, раз ты не способен, падашь такая никчемная!

Он меня за шкирку тянет. За футболку. Я боюсь. Очень боюсь. Веревку выдергивает, и я держу ее, тяну обратно, я не хочу умирать сейчас, я не готов, я хочу, чтобы меня обняли, я хочу обнять.

— Пожалуйста, прекрати! — уже рыдаю, не получается перестать, меня колотит и молотит.

Он сильнее. Он выдергивает вещь и накидывает на шею петлю. Он это делает. Он делает. Он делает.

Рейдж

Двадцать один год назад.

— Извинись, — командует мама, выкуривая длинную сигарету.

На ней так много крови. Она работает в магазине: разделяет мясо коров или свиней. Я так не умею. Она учит сейчас. Поросенок лежит на деревянной толстой доске. Мне нужно отрубить ему голову. Он еще теплый.

— За что? — бормочу, сжимая широкий нож.

Она бьет меня по затылку, отчего губы плотно смыкаю. Я так хочу, чтобы меня обняли. Я так хочу обнять.

— За то, что тебе страшно. Извиняйся, Эспен, — шипит, поправляя синий халат.

Мне правда страшно. Я люблю животных. Поросенок мертвый, да, но... не знаю, я просто боюсь резать ему шею.

— Извини за то, что мне страшно, — шепчу и пытаюсь не всхлипнуть.

Она вздыхает, как если бы ненавидела. Я хочу, чтобы меня любили.

— Знаешь, что означает твое имя, м? — тушит бычок об стену, дым от которого режет глаза, — Смелый и отважный. Такие люди даже во взгляде не должны показывать, как им плохо. Ты не такой, если не можешь банально свинье голову отсечь.

Я не такой. Я во всем не такой. Простите, что мне страшно.

Ривер

Я предполагала, что мы с Риком выберем молчаливое примирение: когда вы не обсуждаете проблему и делаете вид, что ее вовсе не было. Но он повел себя иначе.

— Пойдем поговорим, — попросил, спрыгнув с кровати, когда вошла в комнату.

Мне было неловко, но я кивнула и последовала за ним. Мы остановились у подоконника, в конце коридора. Я стояла, оперевшись задом на белый выступ, и первой попыталась улучшить ситуацию, показать, что я хочу все исправить.

— Не буду так больше...

— Прости, — четко произнес он, отчего расширила глаза, задрал голову, — Я должен был объяснить тебе суть, и я не жалею о словах. Но жалею о том, как грубо прижал к стене, причинил боль. В моменте забыл, что ты девочка, что помягче быть нужно.

Я помотала носом.

— Я не хочу, чтобы ты относился ко мне, как к девчонке. Относись, как к солдату, Рик.

Он прикрыл веки, тяжело вздохнув. Следом нерасторопно к себе потянул: с разрешением, не давил. Я была сбита с толку, однако пошла на контакт. Это дружеские объятия. Без подтекстов.

— Я тебя не обесцениваю и не принижаю. Ты нам равна, — проговорил в утешении, невесомо водя по спине, — Но и грубость к тебе, как мужчина, я проявлять не имею права. Я не буду, даже если у меня на пути встанешь. Но не вставай, Ривер. Ты не изменишь положение. Я не изменю себя. Будет лишь напряжение между нами, а я этого не хочу с тобой.

Странно обниматься с тем, кого ты чуть больше суток назад страшилась до смерти, нелюдью считала. Я не согласна с ним, он кровожаден для меня в данном аспекте, но и постоянное натяжение было бы паршиво. Пока не знаю, как с этим свыкнуться. Я и не свыкнусь ни за что, такая история с убийствами детей — она не про меня и не обо мне. Но я приехала не в райское место. Я приехала на войну. Туда, где все априори кровавое.

— Я тоже не хочу, — шатко подтвердила, — Мне сложно, Рик, я тебя не пойму. Но ненависти нет.

На том и порешили. Он слабо подшутил:

— Ну, этого мне достаточно. Тем более Рейдж бы не простил меня, если бы я вызывал у тебя буйные чувства.

Я совершенно не поняла, что это означает, но мимо ушей не пропустила. Тренировок не запланировано. Капитан, наверняка, спит. Поэтому я заняла себя соединением пазла, ведь появились новые детали.

Что мы имеем: Рейдж носит перчатки, чтобы прятаться от других, а маску, чтобы прятаться от себя, он периодически ходит куда-то ночью, весь нервный, рисует и зачеркивает, у него есть перевернутая рамка, он дотошно заправляет постель, но аккуратистом назвать его никак нельзя, я до сих пор не знаю его настоящего имени и возраста. Что-то еще... точно! Он избегает отжиманий, но меня отжиматься заставлял. За завтраком идет позже, чем остальные. И его кто-то не отпустит с базы. Обожает мяту.

Пу-пу-пу... с чего бы начать...

Допустим, у него было неприятное детство, и все тянется оттуда. Но ведь не заставляли же его нацеплять балаклаву... если только его родители — военные. Тогда это бы многое объяснило. Возможно, они направляли его в данную сферу, учили маскировке? В бою он получил какие-то ранения, на лице шрамы, поэтому ему на себя неприятно смотреть? Он прячет руки от других, потому что... там есть значимые татуировки, и он не хочет, чтобы о них спрашивали? Отжимания отрицает, так как сам часто отжимался и устал от этого упражнения?

Нет, пока слабо получается. Мне нужно больше информации.

Я виню и не виню себя за то, что полезла в тумбочку. Поступила низко, вторглась в личное пространство, но он ведь сказал, что ему порой хочется рассказать истину... я оправдываюсь, как могу. С другой стороны: Рейдж залез в мой альбом. Так что мы квиты.

Его руки до сих пор ощущаются на теле. Кажется, будто без них мне вечно будет одиноко. Но предупреждающие слова тоже не выветриваются из памяти: *«Это ничего не значит»*. Для него — да. Но не для меня.

Я не дурочка, на свою влюбленность не переключусь. Приехала работать, поэтому задания превыше всего. Не знаю, будут ли какие-то другие, кроме основного, ради которого меня и взяли. Я бы поехала на следующее, если бы Рейдж предложил. Да, морально тяжело, однако приспособливаться нужно.

Я стараюсь думать исключительно об обеде, когда выхожу с ребятами из корпуса. Но капитан сбивает настрой: мы пересекаемся в столовой. Я немею, когда он идет ко мне и соединяет наши глаза, отдавая четкий приказ, без излишеств:

— Поешь и идешь к полковнику. Поняла?

Спал ли Рейдж вообще? С момента, как мы разошлись, прошло часов шесть. Я ишу в его взгляде что-то нежное, что-то, что бы хоть немного походило на тот трепет. Тщетно. Там пусто, что сжимает сердце щипцами.

«Это ничего не значило. Мы просто говорили, просто смотрели кино, просто проводили время».

— Ривер, ты поняла? — давит, ведь я долго молчу.

Часто моргаю и учтиво отзываюсь:

— Да. Конечно. А зачем...

Но он обходит меня, удаляясь из помещения, словно куда-то опаздывает. Мужчина не солгал, намекнув, что мы вернемся к прежним ролям чужих друг другу людей. Сделаем вид, будто близости не существовало. Как мне отделаться от нашей ночи? Рейдж показал мне два фильма, держал близко, гладил... Как мне забыть?

Для чего к полковнику? Неужели... капитан меня отстранил? Он переосмыслил случившееся и решил отправить домой? У меня желудок падает — и в него не залезает никакая пища, пока сижу за столом с парнями.

Джастин шпарит анекдоты, пребывая в отличном расположении духа. Пытается меня веселить, пока Кастор что-то щелкает в телефоне, неотрывно, выглядя донельзя сосредоточенным.

— Идут занятия по ориентированию в лесу. Старшина рассказывает роте правила этого сложного дела: «— Так вот, товарищи солдаты, чтобы найти в лесу юг, надо подойти к дереву и посмотреть на него. Если дерево — пальма, то юг уже здесь».

— Чем гражданская собака отличается от собаки служебной? Когда гражданской собаке нечего делать, она спит в будке. Когда служебной собаке нечего делать, она эту будку красит.

— «— Але, это база?». «— Вы не туда попали. Это ракетная база». «— Это вы не туда попали. Кто мне заплатит за мой сарай?!».

Рик мотает головой, а я иногда поддакиваю. Сконцентрирована на предстоящем диалоге с полковником. И, когда иду по улице, перебираю в уме вариации надлежащих ответов. В лице не меняюсь: собранность, непоколебимость. А внутри подрагиваю знатно...

Слава Богу, дождя сегодня нет. Пришла бы вымокшая, хотя им тут всем не привыкать. Так или иначе завязываю низкий хвостик и стучусь. Мне доносится:

— Войдите.

Я вбираю теплый кислород помещения и попадаю в тот кабинет, где недавно отчитывалась за инцидент с Синчем. О'Коннор улыбается и отрывается от компьютера, веля садиться. Этот чертов стул... каждый раз, как электрический.

— Ривер, я долго не буду болтать, по делу сразу, — проговаривает, открывая ящик дубового стола, доставая оттуда бархатную коробочку, вводя в ступор, — Капитан Рейдж доложил мне утром о твоём успехе на миссии, — в горле сушит от неожиданности, — Он также отметил, что у тебя есть специализированное образование, поэтому было бы уместнее присвоить тебе просто лейтенанта, вместо младшего. Думаю, я могу с ним согласиться, — он протягивает предмет, и я перенимаю его в неверии, — Поздравляю с новым званием, лейтенант Акоста.

Что?

Я открываю коробочку и вылупляюсь на звезды. Мои первые звезды в жизни. Были галочки курсантские, а теперь... теперь... я даже не младший лейтенант. Я лейтенант. Я лейтенант!

Изо рта вот-вот вырвался бы писк, и я сжимаю губы и зубы, краснея от восторга данной новостью. Надо маме позвонить! Надо Рейджу в ноги упасть! Боже, я лейтенант! Господи, это не шутка!

— Ривер, — посмеивается О'Коннор, — Иди, все. Рад за тебя. Молодец. Так держать.

Я часто киваю, сжимая бархат, и лепечу в чувствах:

— Спасибо. Спасибо большое.

И следом тороплюсь покинуть кабинет, пока не натворила ересь что, пока не отобрали. Бегу по лестнице, параллельно снимая погоны, вытаскивая прежние знаки, втыкая новые, и судорожно бегаю глазами по результату. Две звезды. Целых две! Две! Две! Две! У меня две звезды! Кто крутая? Я крутая! Хочется встать в позу супермена, выставив кулак на радостях.

Молодец. Я молодец. Я большая молодец. В душе танцую, улыбка растягивается счастливейшая. И вижу Рейджа: он выходит из дома, опять в гражданском, почти в той же одежде, но джинсы на черные поменялись. Я, черт возьми, на него налечу — и все-таки себя контро-

лирую. Иду навстречу, а затем в обратную сторону, вслед за ним, увязавшись хвостиком, и спешно тараторю:

— Капитан, я не знаю как благодарить, я, я, огромное Вам спасибо, это очень многое значит!

Он нажимает на ключи, и Додж пиликает, оповещая об отсутствии блокировки. Рейдж... он не со мной. Он весь в делах, ему срочно уезжать надо — так выглядит. Коротко отвечает:

— Хорошо.

Я потеряно гляжу на него и перекатываюсь с пятки на носок. Нет, мужчина не враждебен, ничего не предвещает агрессии. Он лишь куда-то спешит: закидывает черный рюкзак на задние места и садится за руль, не оглядываясь. Я не хочу быть щенком, поэтому туплю глаза и с досадой разворачиваюсь, шуруя подальше. Ну... ладно. Ничего такого! Рейдж позаботился о звании, а серенады вокруг этого развозить — не в его стиле. Покажу парням!

Снова наполняюсь радостью и быстро шагаю в общежитие. Ветерок обдувает, но от жара не избавляет. Я практически влетаю в комнату, используя ключ-карту, и бешено мечусь глазами из угла в угол, ища ребят, но... их нет. Никого. И обуви уличной тоже. Все... куда-то ушли. Я тут одна.

Сжимаю погоны в ладонях и больно кусаю внутреннюю сторону щеки. Так тихо. Пустота. На небе образовывается привкус глубинной печали от того, что не с кем разделить такой момент громкий. Я должна была привыкнуть за двадцать один год. Оказалось, не привыкла.

Продолжаю бороться за то, чтобы не расстраиваться сильно. Чего грустить? Звезды при мне. Я дуручка, раз удумала драму накручивать. Разуваюсь и переодеваюсь в домашнее. Свободные штаны спортивные, серые. Черная футболка укороченная, как и носки. Плещаюсь на диван и снимаю телефон с зарядки, залезая в сообщения. Звонить не буду все же: она скажет нечто горькое, а по СМС воспримется легче. Пишу:

Кому: Мамочка.

«Я получила лейтенанта».

Дополнительно отправляю фото: доказательство. Женщина быстро заходит в сеть, и я смотрю на строку «печатает» в предвкушении. Но получаю то, что саднит и колет.

От кого: Мамочка.

«Точно твой? Кривоваты звезды как-то. Сняла с кого-то старые и обманываешь?».

Я свожу брови и рассматриваю металлические значки пристальнее. Они ровные. Блестят красиво. Аккуратные. На всякий случай проверяю кадр: вдруг там плохо получилось? Нет, также. Я, наверное, чего-то не понимаю....

Кому: Мамочка.

«Точно мои».

Она присылает через напряженную минуту:

От кого: Мамочка.

«Хорошо. Старайся больше».

Я кладу погоны на столик и погружаюсь в тишину, обнимая свои колени. Так случается, порой, что значимыми событиями человеку важно с кем-то поделиться. Желательно с теми, кто порадует заслугам. Я ощущаю себя неблагодарной перед кем-то. Перед небом или перед Рейджем — что, в целом, одно и то же, ведь этот амбал двухметровый. А потому исправляюсь: делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, отчаянно запихивая в себя прежнее счастье. Жду парней. Час, два, три, четыре, пять, шесть. Наступает вечер. За это время я поняла, что все на миссию уехали, а меня с собой не взяли из-за прошлого поведения. Отчасти, это даже заботливо... но я, словно лишняя или бесполезная.

Научившись пользоваться пультом, включаю телевизор, но что-то с вай-фаем, разобратся не получается, поэтому залезаю на верхнюю полку и берусь за рисунки. Руки сами

карандашом управляют, вне моих команд. Из души льется, от всего сердца идет. То, от чего мурашки бегут, от чего тепло очень. Было.

В комнате горят только пара желтых светильников, создавая уют. Кутаюсь в одеяло и с губой нижней играю, вертя получившуюся картинку. Интересно, повторится ли подобное? Возьмет ли Рейдж меня за руку вновь? Нет, не так, как берет обычно: грубо дергает. Так, как держал в машине: увесисто, но нежно.

Я слышу шорохи в коридоре и прячу альбом под матрас, попутно шипя от того, как карандаш кольнул в палец. Дверь открывается, демонстрируя рыжую макушку. Кастор в гражданской одежде: джинсах, футболке и бежевом бомбере. Находит меня карими глазами и серьезно заявляет:

— Рейджа встретил. Он сказал тебя позвать в спортзал. В комнату, где тренажеров нет. Поторопись, пожалуйста.

Тренировки в двенадцати ночи. Как потрясающе...

Я шустро киваю и спрыгиваю с постели, не решаясь переодеваться. Одежда подходит, она спортивная. Мужчина отоспался и заскучал в безделье: поэтому меня гонять собирается. Приказ есть приказ. Звезды оправдывать нужно. Кастор опять уходит, не успев я спросить, где они были. Не успев я показать погоны. Хотя, кому до них дело есть? Уже очевидно, что никому.

Натягиваю кроссовки: они влажные сверху. Ходила за таблеткой в госпиталь, и врач мне целый выговор сделала за то, что я не пришла вчера. Вопросами завалила о том, есть ли цикл. Я скромно объяснила, что месячные были, и она вся скукожилась в недовольстве, словно поручение не выполнила. В чем, мать ее, проблема?

Белые лампы коридора сопровождают мою беглую ходьбу. Я стучу подошвой по железной лестнице и через пару минут толкаю дверь спортзала под землей. Снова: никого. Аж жутко становится от подавляющего безлюдья и света, который, порой, мигает. Я нервно трясую головой, избавляясь от полета воображения, где на меня прыгнут какие-то монстры, и открываю соседнюю дверь...

— Сюрприиз! — вопит Кастор, выпуская хлопушку.

Я в шоке.

У меня нет пульса.

Весь отряд радостно глазеет на меня, хихикая. Рейдж облокотился о стену и руки на груди скрестил, внимательно, но мягко изучая мою реакцию. Небольшой стол сюда притащили, стулья. Пицца, роллы и... прозрачная чашка литровая, наполненная... мармеладом. Лимонады различные. Торт. И гирлянды по стенам. Черт, где они взяли гирлянды?

— Ты думала, что лучший отряд не отметит твои погоны новые? — улыбается Джастин. Это все... это для меня?

Они в город ездили, а не на миссию? Возились с едой? Тут все оформляли? Ради меня? Ужин в честь моих звезд? Праздничный ужин?

Я хлопаю ресницами, чувствуя, как все предвещает к слезам, но, естественно, не плачу, чтобы идиоткой не предстать. Это так трогательно. Для меня никто подобного не делал.

Перевожу взгляд на каждого и бормочу, переполненная эмоциями:

— Спасибо вам. Я не умею правильно реагировать, — оправдываюсь, негромко тараторя, — Но я благодарна, я сильно благодарна вам...

— Эй! — спасает Джастин, — Пустяки же. Садись скорее.

Кастор подгоняет меня прикосновением к спине и джентельменски отодвигает стул. Я сажусь, как истукан, и пялюсь на обилие еды: тут роту из пятнадцати человек накормить хватит. Все установлено едой свежей. Фрукты нарезаны. Рейдж садится по другую сторону прямоугольного стола, мы напротив, а парни сбоку. Он есть не будет, разумеется. Посидит с нами, дабы от отряда не отбиваться.

Рик передает лисенку картонную тарелку, и тот накладывает в нее с десятков роллов с лососем и угрем. Джастин открывает соевый соус в пластмассовой упаковке. Они буквально обставляют меня съестным и чашку с мармеладом поближе суют, смотря в предвкушении. Я шутливо ворчу:

— Вы же понимаете, что в меня не влезет все это, ага?

— Не-а, — хмыкает Джастин, — Мы тебя отсюда не выпустим, пока стол пустым не будет. И пока мармелад не кончится.

— О, поверьте, он точно кончится, — посмеиваюсь, и они отвечают тем же.

— Прости за гирлянду, — увлеченно проговаривает Кастор, уже жуя кусочек пепперони, — Мы не знали как украсить, но нашли на базе новогодние побрякушки, и они показались милыми...

— Они чудесные, — соглашаюсь, наслаждаясь переливающимися огоньками, — Все прекрасное. Вы прекрасные.

Я ни разу не ела роллы. Кто бы знал, что они такие вкусные! Погорячилась, сказав, что не слопаю много. Еще как слопаю. Для такого места в желудке найдется. Ребята довольно лыбятся, когда видят, как мне понравилось, и гордо переглядываются между собой: все у них получилось. Признаться, я ведь пришла бы в феерию, если бы они меня словесно поздравили. А тут целое мероприятие. Я не была настолько пропитана счастьем раньше.

— Включи нашу. У Ривер посвящение, — Джастин обращается к Рику, который кивает и достает из кармана телефон, прежде чем взять маленькую колонку с угла стола.

— «Нашу»? «Посвящение»? — приподнимаю бровь.

— Ага, — почти мурлычет рыжик, — После выполненной операции мы всегда поем одну песню. То есть подпеваем. По ролям.

Только не это, только не это, только не это.

Я не умею петь. Из меня ужасная вокалистка. Помню, как в кадетке заставляли в концертах участие принимать. Я ни в какую за микрофон не бралась: хоть убейте. Станцюю, нарисую, но ни за что не запою. Однако ребята облегчают тревогу, под звук включения колонки.

— Кастор поет первый куплет. Я второй, — произносит Джастин, жестикулируя, и тянется за лимонадом, наливая и мне, и себе, — Рика мы заставить петь не можем. А ты, как вычишишь слова, может к нам втянешься.

— Я бы отдал ему свою часть, если бы он соизволил хоть раз поучаствовать! — восклицает Кастор, пока Рик ищет ту победоносную песню, скролля в телефоне, — Но он, как и наш капитан, голос свой не показывает.

Рейдж и Рик смотрят друг на друга и молчаливо вздыхают, предпочитая игнорировать. Я точно присоединюсь к их компании.

Музыка, наконец, заполняет маленькую комнату. И я не могу сдержать смех, ставя ногу на стул, опираясь подбородком о колено. Мотив веселый, слова навевают разные мысли, но сияющее лицо Кастора, который приступает к своему парту, дарит исключительно позитив.

— All the leaves are brown (вся листва увяла). And the sky is gray (и небо стало серым). I've been for a walk (я вышел прогуляться). On a winter's day (в зимний денек). I'd be safe and warm (я бы чувствовал себя лучше) if I was in L.A. (если бы был в Лос-Анджелесе). California dreamin' (мечты о Калифорнии) on such a winter's day (в обычный зимний денек).

Он горланит от всего сердца: именно горланит. У него нет особого таланта, но он делает с душой. Вкладывает в это всего себя, пританцовывая, жмурясь, будто представляя себя на концерте, хотя так и есть: они для меня шоу устраивают целое. И теперь черед Джастина, который торопится проглотить пищу.

— Stopped into a church (остановившись у церкви) I passed along the way (я в нее зашел), — он откидывает голову и изображает гитару, повышая тон, — Well, I got down on my knees (я опустился на колени) and I pretend to pray (и притворился, что молюсь). You know the preacher

like the cold (ты знаешь, священнику по душе этот холод). He knows I'm gonna stay (он знал, что я останусь). California dreamin' on such a winter's day (мечты о Калифорнии в обычный зимний денек).

У Джастина прекрасный голос: завораживает. У меня аж дыхание сперло. Хочется его слушать и слушать — Кастора тоже. Их двоих. Они удивительные. Двигают локтями, искренне наслаждаясь любимыми мотивами, а я думаю о том, как все это жизненно. Тут, на базе, все серое. Каждый из нас хранит хотя бы малую мечту о том, что где-то далеко все же есть особенное место: в нем не будет холодно, исключительно безопасно. И священник, который хочет, чтобы ты сохранял свое отчаяние, ведь тогда ты не покинешь церковь.

Наши жестокие условия, которые заковывают в кандалы, но свет в душе таится. Во всех нас живет вера. Все мы грезим тем, что все изменится.

Рейдж не злится, как и Рик — их устраивает выбранная мелодия. Сколько раз они слышали ее? Сотни, полагаю. Просто потому, что она дарит Джастину и Кастору покой, а это важно.

И меня ничуть не раздражает, что она играет на повторе еще около получаса. Джастин даже утаскивает танцевать, хотя у меня живот разрывается от еды. Мне стыдно кружиться перед капитаном, но парень крутит меня сам, и я, вроде как, ни при чем. Рейдж, как мне почудилось, улыбнулся там, под балаклавой. Быстро глаза после этого отвел. Уверена, у него красивая улыбка, как бы он ее ни прятал.

Удобство одноразовых тарелок: их не надо мыть. Мы просто выкинули все в плотные пакеты, на этом и закончив приборку. Я рассыпалась в многочисленных «спасибо», а парни по голове трепали. Речи не произносили, как и Рейдж. Посидели мило, без официальности, и это было прекрасно — никаких смущающих высказываний.

На выходе меня окликнул хриплый голос: мужчина впервые заговорил за ночь.

— Подожди.

Ребята покинули комнату, а я была уже у двери, но затормозила. Сердце отскочило от груди. Рейдж был вроде бы обычным Рейджем — без особых эмоций. И все же... что-то в нем витало. Какая-то неуловимая нить вела меня к выводу, что ему не по себе. Что ему плохо. Однако тон сохранял ровность, несмотря на вопрос, который выбил табурет из-под ног.

— То, что мы делали ночью. Это объятия?

Я приложила все усилия на то, чтобы не выдать в мимике потрясение. Это бы его спугнуло — я так почувствовала. Он не смотрел в мои глаза, прикидываясь, что желтоватая стена интереснее. Рейдж... не понимает, что такое обниматься?

— Не совсем, — пробормотала я, будто мы говорим о погоде, о чем-то не странном, — Только Вы обнимали меня, да. Поэтому... частичные объятия. Я не обнимала.

У меня внутри загудело, когда я лишь на чуть-чуть увидела что творится в его красивых глазах: там огромная боль. Он слабо кивнул, как-то уязвимо — прежде я бы не разобрала, но со временем наловчилась. Он помолчал пару секунд, скрупулезно обдумывая, варясь в каком-то вихре, а затем спокойно уточнил:

— Почему?

Тут мой мозг сломался. Я неаккуратно выдохнула, претерпев острие в груди, и Рейдж нахмурился, кинув на меня серьезный взгляд, будто понял, что этот диалог пересекает рамки. Я себя выдала тем, что обеспокоенность показала. Он спросил, почему я не обняла. Он так спросил. Неужели его никто не обнимал? Что все это значит? Он хотел, чтобы я обняла в ответ? Но разве мне было позволено?

— Спокойной ночи, Ривер, — вновь холодно произнес мужчина и прошел мимо, за пределы комнаты.

Я еще долго стояла там, ощущая смятение. Бесконечные терзания. И вину.

«Мы»

-Ривер.

Глава 13

Я сижу на кровати Кастора и пялюсь на купюры так, будто никогда их не видела. Вообще-то серьезно: я никогда не видела столько денег. Никогда не держала в руках пятнадцать тысяч долларов.

Нет, секундочку.

Пятнадцать гребаных, мать его, тысяч долларов.

Понюхать что-ли? Запомнить, как пахнет богатство? Я и не представляла, что тут платят такие деньги. Очевидно, наемники на элитной базе не получают мало. Но... я выпала из мира.

— Поедешь с нами? — зовет Кастор, просовывая голову через ворот коричневого свитера, — В город. На карту закинуть кэш.

Я держу две стопки, скрепленные зеленой резинкой, и уже как полминуты пошевелиться не могу. Так... они точно для меня одной? Это не какая-то ошибка? Ребята ушли за расчетом после завтрака и какого-то черта принесли зарплату и мне. Джастин плюхнул эти котлеты в мои подрагивающие ладони, зевая:

— Поел вроде, а снова голодный.

Его правда волнует это, а не уйма бабок?... конечно, они уже привыкли, конечно. Но я то нет!

Полковник сказал, что компания не станет платить за операцию, поэтому я ничего не ждала. Он что, передумал? С чего бы? Это очень странно... однако не жалуюсь! Сумму не потрачу, сохраняю. Только Рейджу надо отдать за одежду: нехорошо как-то вышло. Мы с ним не в тех отношениях, чтобы он мне обновочки оплачивал.

— Поесть хот-догов зайдем еще, — подначивает Джастин, доставая полотенце из шкафа, — Соглашайся.

Я не успеваю рот открыть, как Рик, с верхней полки, насливает спокойным тоном:

— Рейдж с нами поедет, кстати.

Я без понятия что заставляет меня ответить в ту же секунду:

— Я тоже с вами, да.

Дура? Полная. Кастор на Рика взглянул с искрой озорной. Я не выдерживаю этой хрени, шумно вздыхая:

— Почему вы делаете это?

Джастин тоже хихикает и удаляется в ванную, скрывая себя за дверьми. Рик жмет плечом, перелистывая страницу своей занудной книги, и непоколебимо спрашивает:

— Что делаем?

Они издеваются? Все началось с нашей миссии, когда Рик на Роя посмотрел пристально. С тех пор не уgomонятся, будто у них есть какой-то секрет или правда на поверхности, в которой я бесполезна. И это надоело. У меня загадок по горло, если вы понимаете о чем я — хватает таинственности капитана Рейдж.

— Словно что-то знаете, а мне не рассказываете. Посмеиваетесь между собой, — бормочу в изнеможении.

Кастор, чью постель я занимаю, наливает себе чай, и улыбается, туманно поясняя:

— По-моему это ты с нами кое-чем не делишься.

— Или не замечаешь, — добавляет Рик.

— Да о чем вы?! — восклицаю, вскидывая руками, меча глаза от одного к другому.

Рыжик бренчит ложкой и валится рядом со мной, опираясь спиной о стену. Он поднимает взор, безмолвно советуясь с Риком, и тот вздыхает, неоднозначно мотая головой, мол: «Сам решай». И Кастор решает, сражая наповал.

— Ты же ему нравишься, — наконец произносит лисенок, — Кошмар как нравишься.

Я вылупляюсь и перепугано лепечу:

— Что? Кому? Рику?...

— Боже, Ривер, — посмеивается сосед с книгой, его искренне рассмешил мой вывод, — Не глупи, пожалуйста.

Похоже, я совсем тормоз, потому что тут же поворачиваюсь к Кастору, с трудом дыша, и заикаюсь:

— Тебе?...

Его тоже накрывает смех: не издевательский, а чистый, заливной. О, как прекрасно, что им весело, а вот мне ни капли, потому что я нихрена не понимаю!

— Не, я жить хочу, я ни за что, я не бессмертный, — кричит парень, давясь своим черным чаем с обилием сахара, — И мое сердце занято.

Последний вариант: я пялюсь на дверь ванной. Но Кастор громко стонет:

— Нет, не Джастин! И его сердце занято тоже. Ривер, ну ек-макарек! Мы про Рейджа, ага? Про капитана. Ты ему нравишься, — наклоняется, гримасничая, пытаюсь вклинить в меня информацию молотком.

У меня инфаркт. Они что, ударились бошками, когда ходили получать зарплату? Поскользнулись на лестнице общежития? Точно нет: из черепов кровь не течет. А чтобы нести такую ахинею, нужно расшибиться со всей дури!

Я прочищаю горло, медленно мотая подбородком, игнорируя ускорившийся сердечный ритм, дабы себя не обнадеживать.

— Вы ошибаетесь. С чего вы взяли?

Я звучу, как подбитая косуля. В груди расплзается волнение и тепло, но я включаю здравость, потому что не хочу обманываться. Поверю в этот бред и с ума сойду, мечтая о том, что получила взаимность.

Рик вздыхает, будто все потеряно, и тихо произносит:

— Во всем видно. Но если тебе так не кажется — может и нет этого.

В чем «во всем»? В том, когда он меня над обрывом подвешивал? В том, когда заставлял отжиматься до мозолей кровотокающих? В том, когда забыл о стадионе, и я бегала почти сутки? Было и хорошее, естественно, но я не припишу это к симпатии. Он подчеркнул, что романтики не было. Рейдж лишь успокаивал, чтобы я не сломалась здесь: ему не нужен недееспособный член отряда в депрессии. Иногда кашей кормит, согласна, это мило. Но не более того.

«— То, что мы делали вчера. Это объятия?

— Вы обнимали, а я нет.

— Почему?».

Даже это ни о чем не говорит. Ему просто незнакомы нежности, и он уточнил. Ребята не смыслят. Им неизвестны те грубости, которыми он меня закидывал и закидывает. Рехнулись и сочинили небылицы. Это забавно, по их мнению?

— Я пройду, — скомкано сообщаю, слезая с постели, — С вами поеду, да. Спасибо, что позвали.

Накидываю куртку поверх черной футболки, засовывают деньги в рюкзак, обуваюсь и выхожу из комнаты, не оборачиваясь. Лучше выкинуть это плодовитое зерно из мыслей. Зря они его туда посеяли. Чем это кончится? Тем, что я во всем намеки искать начну и заблужусь, ведь не найду ни единого многообещающего лучика.

Вот сейчас, например: что я вытворяю? Иду к дому капитана, чтобы деньги отдать! Но купюры — лишь повод. Увидеть его хочу, в глаза посмотреть... его красивые, глубокие, самые зеленые из всех зеленых глаза.

Определено сбрендил.

Застываю на пороге и кое-как руку поднимаю, стуча пару робких раз. Вдруг он не там? А Синч, как назло, окажется дома. Опять черти что произойдет. Я так волнуюсь, что накручиваю с десятков сценариев, ровно до того момента, пока дверь не открывается резким движением.

Рейдж смотрит на меня равнодушно. Одет в гражданское: серые джинсы, ремень, выглядывающий из-под худи, что надето небрежно... Боже, он был без верхней одежды и накинул ее только сейчас...

— Ты что тут забыла? — чеканит мужчина, возвращая меня с небес на землю.

Я хлопаю ресницами и сжимаю лямку тактического рюкзака. Как вежливо. И тебе доброе утро, Рейдж. О каком таком «нравится» говорят парни, если этот дьявол на меня смотрит так, будто вот-вот в свою преисподнюю спустит?

— Пришла отдать Вам деньги, капитан, — вдыхаю и расстегиваю молнию, — Сколько я Вам должна за куртку и обувь?

Он приподнимает выразительные брови, косясь на меня, как на ополоумевшую. Я достаю одну из пачек и готовлюсь вытащить половину бумажек или отдать все, но Рейдж отрезает:

— Иди отсюда, Ривер. Ты мне ничего не должна.

Ветер обдувает алые щеки, путая волосы. Я изучаю мужчину в уязвимости и подбираю слова, которые выходят тихими.

— Вы потратились. Неправильно с моей стороны...

— Неправильно ходить сюда, когда я тебя не звал, — перебивает, что обдает холодом, — Ты не имеешь права стучать в этот дом без приглашения. Я твой капитан, а не сосед.

И он закрывает дверь перед моим носом, оставляя меня наедине с непогодой и подавляющим зудом в груди. А чего я от него ожидала? Нежности и тепла? Он тот же Рейдж, без изменений. Да, мы лежали в его постели, да, смотрели «Сумерки», да, держались за руки, но это ничего не значит — он провел черту. И я неадекватная, раз действительно сюда заявляюсь.

Ночью снились кошмары. Я не кричала, но вскочила в поту и тряслась около получаса. Ребята спали, так что мне удалось скрыть этот позор. Я подумала о том, что впритык к Рейджу ужасы переживать было бы легче. Но такой расклад невозможен.

К счастью, вижу, как Кастор, Джастин и Рик выходят из общежития. Иду им навстречу, и скоро мы садимся в серый Джип, направляясь в город. Рейдж, к слову, едет за нами. Перед тем, как сесть в машину, он переговорил со всеми, но не со мной. И что-то во мне сделало странную пометку: он меня избегает? Раньше глазами прожигал, а сейчас... какая-то пустота.

Я устала от этих качелей. У меня, в конце-то концов, слабый вестибулярный аппарат. Бесконечно тошнит.

К тому же, я знаю, что не настолько удачлива, чтобы иметь шанс привлечь того, кто привлекает меня. Уже проходила нечто подобное, с Тристаном. Хотя, чем больше я знакома с Рейджем, тем больше убеждаюсь, что это все-таки колоссально разные чувства. С Тристаном была первая подростковая влюбленность. С капитаном иначе. К нему тянет как-то по-особенному, и я стараюсь спихнуть это на факт его скрытности. Может, он интересен мне, потому что кишит тайнами? Взыграл азарт. Но это очередные отговорки.

В какой-то мере хорошо, что он не влюблен ответно. Что бы из нас вышло? Я его до смерти боюсь. Мы не совместимы ни в чем. Да я даже возраста его не знаю. Что, если он дед? Допустим... лет пятьдесят пять? У меня вмиг чувства иссякнут. Я не совсем больная. Пожалуйста, лишь бы он действительно оказался старикашкой, который хорошо сохранился. Беды миновать удастся.

На три часа пути я определяюсь: больше к нему ни ногой, исключительно по делу. Но план перестает быть рабочим, когда мы, впятером, стоим у банкомата. Каждый по очереди закидывает деньги на карту: в стеклянном «предбаннике» скромного торгового центра. Парни обсуждали, что после этого мы пойдем есть те самые именитые хот-доги, и упомянули, что Рейджа не будет. Я вспомнила их слова в начале знакомства. Они говорили, что, если Рейдж и

ездит с ними в город, то куда-то уходит. Так и происходит: он прощается и толкает прозрачную дверь. Я перекатываюсь с пятки на носок, размышляя секунду и... к черту.

— Тут недалеко магазин сладостей, я туда хочу одна сходить, к вам присоединюсь попозже, — нагло вру друзьям и шмыгаю наружу.

Ворочая головой и выдыхаю с облегчением: он не сел в машину, идет куда-то пешком. Пора включить навыки шпиона и выяснять новую истину. Сам он ни за что не поделится, а у меня котелок кипит, и было бы прекрасно получить хоть какие-то объяснения.

Город бесцветный, куда ни глянь — серость одна. Я сливаюсь с толпой на узкой прогулочной улочке и держу дистанцию в шагов пятнадцать: его из виду не потерять, уж больно рост здоровенный. Рейдж засунул руки в карманы черной куртки. Капюшон накинул еще давно: чтобы меня заметить, нужно полностью обернуться. Я успею спрятаться. Он и не узнает, что я за ним слонялась. И вообще: мне просто в ту же сторону, что и ему. Кто-то не верит?

Спасает час-пик: обед, много народу, много машин. Потому то он и пошел пешком: чтобы в пробке не стоять. Какое счастье. Я бы не угналась за Доджем, да и попробовать бы не стала. Не все во мне обезумело.

Брусчатка под ногами мокрая и неровная, благодаря чему обувь иногда хлопает в небольших лужицах. Рейдж все вышагивает по прямой: так длится минут десять, что подогревает интерес. Я и в душе не предположу, куда он направляется. На набережную? В парк? На кладбище? В студию бальных танцев? И мои брови изламываются в замешательстве, когда он сворачивает в проулок и переходит дорогу. Тут меньше людей, поэтому мне приходится отстать и шуровать по другую сторону улицы. Приличные шестиэтажные бетонные дома: жилые. Я скрываюсь за автомобилями, стоящими в ряд, и торможу, вровень капитану. Он стопорится у одного из домофонов и тыкает кнопки, но прибор не загорается: сломан. Тогда Рейдж достает из заднего кармана джинсов телефон и... снимает перчатку, чтобы тыкать по дисплею. У меня аж в груди все скручивается жгутами. Я судорожно впиваюсь глазами в руку, дыша невпопад, но расстояние слишком велико, и он стоит ко мне спиной, я ничего не успела разглядеть. А когда он прикладывает мобильный к уху, то ладонь снова скрыта осточертевшей черной вещью. Я играюсь с нижней губой, в беспокойстве наблюдая за тем, что никому на базе неизвестно. Рейдж заканчивает разговор и блокирует устройство: мы вместе ожидаем чего-то, что знает он, чего не знаю я. Спустя две минуты, за которые я съела себя догадками, коричневая железная дверь распаивается, показывая собой... молодую рыжую девушку в белом шелковом халате. Она стройная, нежная, женственная и радушная. Улыбается Рейджу с теплом и что-то, судя по движению вишневых губ, ласково лепечет. Он ей кивает мягко, и они заходят внутрь вдвоем.

Лучше бы это были бальные танцы.

Я втягиваю нижнюю губу в зубы, покусывая ее, и все принимаю. Теперь ясно, почему он так вел себя. У него есть девушка, а ведь когда-то я выдвигала такую теорию. Она точно не проститутка, и они точно хорошо знакомы. Ухоженная, милая и прелестная: не такая, как я. У нее макияж явно был, а я помадой то пользоваться не умею. Рейджу не понравится кто-то вроде Ривер Акосты: военной девчонки с автоматом наперевес. Я банально не в его вкусе.

Уведомление телефона приводит ногу в вибрацию. Отвлекаюсь от своей немой тоски и готовлюсь прочесть убийственное сообщение от мамы, но...

От кого: «+165589320»

«Если ты думаешь, что я слепой, Ласточка, то ты глубоко ошибаешься. В семь вечера ждешь меня на стадионе. И, поверь, те бинты от мозолей тебе нихрена не помогут».

Я покрываюсь ледяным потом и трудно глотаю. Перепроверяю текст на сто раз, молясь на то, что свалилась в обморок и все это — дурацкое видение. Откуда у него мой гребаный номер? Откуда у него глаза на спине?

Я чуть ли не вою от своего дебилизма. Конечно у капитана есть контакты всех членов отряда. И, конечно, он профи в своем деле, так что меня легко засек.

Что ж... крепитесь, мои бедные руки.

Ночь. Улица. Два фонаря, освещающие стадион. Почти как в стихотворении, только передо мной не аптека, а двухметровый мужчина. И он, похоже, крайне зол. Мне конец.

Не то чтобы я не понимала этого все последние часы... нет, я очень хорошо понимала, но надеялась на его... забывчивость? Однако судя по тому, как он выглядит, я уже не молюсь на хороший расклад, у Рейджа все в порядке с памятью, Альцгеймера не наблюдается. Надо было подумать чуть тщательнее, прежде чем переться по пятам за тем, кто без проблем закопает меня под грунт.

Я складываю руки по швам и поднимаю взгляд, смотря на него с сожалением и готовностью понести наказание. Потому что мне правда жаль, что я вызвала его ярость — этого не должно было быть. Всею виной мой любопытный нос. Он растягивает унижение: медленно обводит меня глазами и анализирует заранее забинтованные руки. Я решила рискнуть смягчить болезненные ощущения. Заматывала их на автомате, под непонимающие взоры парней. Ответила, что тренировка запланирована интенсивная. Почти не ложь, верно?

— Зачем ты пошла за мной? — хрипит, и я секундно туплюсь в сторону из-за стыда, но мужчина цепляет мой подбородок в прежней манере, — На меня смотри и отвечай.

Я встречаюсь с ним в долгом зрительном контакте и мимолетно вспоминаю, как эти же самые руки ласкали меня ночью, за просмотр фильма, а сейчас сжимают без терпимости. Он так чертовски близко: специально, чтобы подавить морально, экий психологический трюк. Стоит ли мне признаться, что я и без того кое-как поддерживаю пульс?

— Это было ошибкой, — тихо оправдываюсь, не нарываясь на пушную агрессию.

Мужчине не нравится услышанное, и он делает еще один шаг, соприкасаясь со мной телом, после чего выдавливает более грозно, все также в глаза:

— Я спросил тебя о другом. Не заставляй, твою мать, повторять.

От него пахнет сигаретами. Впервые я улавливаю это так отчетливо: значит курил слишком много. Мои губы сохнут на потоках ветра, особо разбушевавшегося к вечеру, и Рейдж смотрит, как они приоткрываются — не перестает даже тогда, когда я боязливо выдаю слог за слогом.

— Мне... многое в Вас непонятно... вообще ничего непонятно, и я почему-то... я попыталась узнать.

Что еще мне сказать? Если он уличит во лжи, то будет куда хуже. Рейдж отрывает взгляд от моего рта, возвращаясь к глазам, и молчит пару секунд. Среди всех прочих чувств, на переднем плане пестрит недовольство. И он замкнут, как бы абсурдно не прозвучало. Словно то, что я лезу в его чуланы, вызывает в нем нехилый страх.

— И что ты увидела, м? Давай, расскажи, к чему ты пришла, — кидает вызов, наклоня голову, не отпуская мою, — Ты же, черт возьми, вечно составляешь этот гребанный пазл, лезешь куда запретили. Дак что ты сложила, Ривер?

Это не то, что я могла бы предугадать.

Он требует, чтобы я вывалила ему свои умозаключения? Это новый вид пыток такой? Я коротко задыхаюсь, когда он подтягивает мой подбородок выше, и жмусь под суровое:

— Говори мне. Сейчас.

Я опять почувствовала дыхание через балаклаву. Табак вперемишку с мятой или ментолом. Теплота и лед. Мои легкие болят, отчаянно отказываясь придавать силу робким словам.

— Это... это Ваша девушка. К ней Вы ходите каждый раз, когда оказываетесь в городе.

Рейдж... усмехается. Низменный рокот вызывает мурашки. Он проводит большим пальцем по моей щеке и надменно ругает:

— Как плохо, Рив. Я ожидал услышать что-то более незаурядное.

Да пошел-ка ты.

Трахает мне мозг неразрешимыми задачами, а потом высмеивает то, что я не нашла ответ. Это игра? Так он считает? Я пробую снова, накидывая то, о чем размышляла днем:

— Это Ваша родственница.

Очередная усмешка. Только теперь ему на процент веселее. Он мотает головой, будто я выдала несусветную чушь, и бросает:

— Я, по-твоему, рыжий?

Это произошло быстрее, чем я бы могла остановить.

— Или голубой? Откуда мне знать?

Вы разблокировали новое достижение: нахамить, хотя не хотели хамить. Мои щеки моментально вспыхивают в ужасе, а кожа, напротив, белеет. Брови Рейджа медленно ползут вверх и он наклоняет голову, в нем что-то вспыхивает, пока я отнекиваюсь онемевшим языком.

— Я имела в виду... это... цвет волос...

Он вдруг зажимает мой рот и кладет вторую руку на талию, что вынуждает расширить глаза и дернуться — но мужчина притягивает к себе ближе, обвивая предплечьем, получая мои панические выдохи в ладонь. Все происходит чрезмерно быстро, как если бы он имел диплом по обездвиживанию людей за миллисекунду. У меня подкашиваются ноги от перемены, от преодоления рамок приличий, а он помещает себя к моему уху, рыча туда абсолютно разочарованно смесь признания и приказа:

— Я даже не хочу тебя наказывать, — я неосознанно цепляюсь за его широкие плечи, и он напрягается пуще прежнего, мельком добавляя, почти неразборчиво, — Вернее очень хочу, но не так, — я не соображаю что к чему, насильно вжимаясь в твердое мужское тело, и капитан говорит четче, обжигая дыханием мочку, — Бегом марш, без остановки, пока не приду. Вперед.

Он отстраняется так же быстро, как и припал. Немного отпихивает меня от себя и разворачивается, потирая лоб раздраженным жестом, унося себя от стадиона за считанные мгновения, тяжелыми шагами. Во мне крутится страх и что-то... что-то другое, отчего тело гудит. На рте до сих пор ощущается его грубая ладонь: то, как плотно он прижимал ее... это будоражит в самых разных смыслах. Я часто сглатываю, принимаю потоки «мокрого» ветра, утихомиривая дрожь в непослушных ногах и жар в сердце.

Что, черт возьми, он со мной сделал?

Я ни разу не сталкивалась с ситуацией, когда не была в силах определиться, буду ли отбиться или отдаваться — простите за откровенность. Кажется, первого мне хотелось намного меньше.

Я тру пылающее лицо и жмурюсь, заставляя себя приступить к бегу, полностью переключиться на приказ — получается. Не привыкать в конце-то концов. На базе «Эйприл» я стану лучшим бегуном среди всех бегунов мира, если продолжу вести себя так, как веду. А ведь я продолжу...

Это не его родственница. Не его девушка. Вроде бы. Но она улыбалась ему тепло, как давнему знакомому. Не так, как проститутки растягивают лживую гостеприимную улыбку — нет, я не профи в сфере таких услуг, но в моем воображении это действительно смотрится иначе. Тогда кто она? И почему меня скребет то, что он к ней добровольно ходит проводить время вне службы? Неформально. Вдвоем. А может они и не вдвоем вовсе?

Опять много вопросов. Опять мало ответов. Всегда ли так будет? Почему, пытаясь узнать что-то, я натыкаюсь на новые слепые пятна? Может, мне пора прекратить? Бросить все, забыть о Рейдже, погрузиться в службу, как и было запланировано? Охладеть к нему, отвечать строго когда вопрос задают? Наверное, так всем было бы лучше.

Я бегаю полчаса. Как и велено — без отдыха. Наматываю круг за кругом, воссоздавая первые дни на базе, удивляясь, как влегкую я вернулась к ним, буквально по щелчку пальцев.

Но очень скоро замечаю силуэт. Неужели Рейдж подобрел? Я рассчитывала провести здесь всю ночь, настроилась и не ныла.

Мое удивление берет верх, как только человек попадает под освещение. Это не капитан. Это полковник. И я добегаю до скамеек, принимая достойный вид, ведь мужчина, очевидно, пришел ко мне — тут попросту не к кому больше направляться, а я не поверю, что О'Коннор решил вдруг позаниматься спортом, не снимая китель.

— Поздняя тренировка? — спрашивает, останавливаясь напротив.

Я не собираюсь говорить, что наказана Рейджем — этого еще не хватало. Поступят лишние компрометирующие расспросы. Поэтому уверенно отрываюсь:

— Здравствуйте, полковник. Да, побегать перед сном не помешает.

Ага. Рейдж именно такого правила и придерживается. *Мудак.*

Мужчина улыбчиво поджигает губы и хвалит:

— Молодец, так держать. Но придется отложить, Ривер. У меня к тебе поручение есть.

Я сбита с толку. Первое — Рейдж вернется и не застанет меня, за что получу. Второе — задание от О'Коннора? Серьезно? Лично для меня?

— Конечно, — сдержанно отвечаю.

Он будто и не ждал согласия — все равно бы отдал команду. Тут так у всех, в целом. Первая часть была ради вежливости, не более того.

— У поваров грипп: десять человек потихоньку слегли. Сегодня две женщины на всех варили, но тоже попросили больничный. Готовить некому, так что ты — наше спасение, — он хлопывает меня по плечу, где не циркулирует кровь, — Сейчас приступай. На всю базу надо сварганить завтрак, обед и ужин. На раздаче тоже ты стоишь.

У меня не получается удержать челюсть на месте. Он с ума сошел? Пьяный? Нет, вроде не пахнет.

— Но... Сон, например?...

Да, я идиотка, если препираюсь, однако у меня есть чертовы вопросы. Полковник вздыхает:

— Ривер, на военной операции могут быть обстоятельства, где и двое суток спать нельзя. Ничего, ты способная, справишься. За ночь пригостишь, утром накормишь, а в перерыве, до обеда, вздремнешь. Только посуду не забудь помыть тоже.

Я в юмористическом шоу или как? Это прикол? Меня наняли не для работы посудомойки. Что за отношение? Я полагала, О'Коннор — хороший человек. Мое мнение вмиг не испортилось, но... нет, оно испортилось именно вмиг. Почему я? Что за сексизм? Почему не приставить ко мне хотя бы пару ребят с других отрядов? Там десять поварих упухивалось, а как я одна смогу? Да еще с крутейшим навыком: неумением готовить. Яичницу не пожарю. Полный ноль в мире кулинарии.

— Ну, вот и порешали, — посмеивается, сжимая плечо напоследок, — Иди сейчас, чтобы успеть. Наших парней вовремя кормить надо, здоровенные же!

И он, сука, уходит, поставив точку. Куда приятнее было бы бегать десять часов — это меньшая мука, чем за плитой стоять. Еще и от Рейджа получу знатно. Он меня слушать станет? Наверяд-ли.

Я шагаю в столовую в полнейшем возмущении и негодовании, разжевывая мерзкий осадок пренебрежения. Официально: отныне люблю только Кастора, Джастина и Роя. Рика чуть-чуть. Другие тут — полные козлы. Это подтверждается, когда вижу грязную раздачу: серьезно, поддоны в обедках, не убраны с ужина. Мне все это намыывать? Заглядываю в помещение для работников: там пять моек громадных, в которых горы посуды. Да я же... я только всю ночь буду губкой трудиться. А с учетом того, что я никчемна в блюдах, у меня дай бог получится с третьей попытки. Времени не хватит. Ни на что на хватит.

Я не знаю за что хвататься.

Все еще жду, что кто-то зайдет и объявит, что разговор с полковником — розыгрыш. Но никто не заходит. Звонящая тишина, разбавляемая треском линейных белых ламп на потолке. А мальчики что подумают? Правильно: ушла тренироваться ночью и не вернулась. У кого я? У Рейджа. Что у нас за тренировки такие поздние и долгие? Боже, ну тут дебилом надо быть, чтобы о другом подумать...

Кастору запеканка необходима. Как, вашу мать, жарить этот творог? Как кашу варить? Бутерброды то я с горем пополам нарежу, а другое... компот? У них на завтрак есть компот. Как его делать? Омлет? Как из сырых яиц с желтком получается та «пушистая» хрень? Мне нужно убрать желтки и взбить белки каким-то миксером, а затем сварить?

Я не понимаю.

Ищу какие-то технологические карты: их нет. Поможет один Гугл — на него надежда. Но я не тороплюсь вбивать в строку буквы, ведь готовить не в чем. Сначала отмою кастрюли.

Обреченно завязываю тугой хвост и брезгливо беру мокрые синие перчатки, валяющиеся на краю железной раковины. Голыми руками или все же их надеть? Пожалуй, надеть. Я морщусь, всовывая пальцы в чужую вещь, и открываю краник. Выливаю какой-то гель на дно пятидесяти-литровой посуды. К ней присохло пюре, но я этого не вижу — лишь чувствую. Потому что она высокая, плюсом стоит на столе алюминиевом. Матерюсь вслух, скриплю зубами и нахожу под другим столом синий таз — подойдет в качестве табуретки. Переворачиваю его и теперь могу лицезреть внутренности долбаного чана — лучше бы не видела. Месиво из пены и толченой картошки.

Так выглядит ад, да?

Мне не свойственно драматизировать, но сейчас я задаюсь дилеммой: где я так сильно провинилась, раз судьба завела меня в эти четыре белые стены?

Вода брызжет в разные стороны, тазик под берцами ворочается и скрипит по плитке, я оттираю всю грязь со слабым пыхтением ребенка, которого наказали зазря. И именно в этот неловкий, убогий момент, я слышу, как кто-то прочистил горло. Клянусь: чуть не потеряла сознание и не свалилась с тазика от неожиданности.

Рейдж опирается плечом о проем кухни, скрестив руки на груди, и глядит на меня так пристально, как никогда, потому что ему... ему смешно.

Ублюдок.

Он, похоже, губу кусает, дабы не расхохотаться — больше всего его раздражает импровизированная табуретка. Я суплюсь и ворчу быстрее, чем он бы отчитал:

— Полковник отправил меня готовить завтрак, обед и ужин на всю базу. И мыть посуду. И стоять на раздаче. Я не могла его послушаться. Приступлю к бегу... завтра ночью, видимо, когда уберусь после последнего приема пищи.

Он все также не роняет слов. Конечно, я ведь не та рыжуха — вот, стою тут, как клоун Вася. Со мной общаться не нужно. Он в цирк пришел. Мне кошмарно горько от всех этих обстоятельств, и я отворачиваю голову, занимаясь тем же делом, пока до меня не доносится негромкое:

— Ты хоть готовить умеешь?

Я стыдливо прикрываю глаза и тихо признаюсь:

— Нет.

Рыженькая-то умеет, без сомнений. Наверняка встретила капитана с накрытым столом, где все пахло мятой. Я ему подобного не устрою. А если и устрою, то отравлю случайно.

Рейдж покачивает головой и проходит мимо меня, к одному из огромных холодильников. Я потеряно заикаюсь:

— Что... что Вы делаете?...

Он достает из морозилки свертки чего-то, хрипло проговаривая на выдохе, недоверчиво относясь к собственному выбору:

— Видимо, собираюсь готовить завтрак, обед и ужин на всех.

Глава 14

Бесконечность.

Отныне я точно знаю, что такое бесконечность, потому что грязной посуды не становится меньше. Мою тарелку за тарелкой, вилку за ложкой, но гора не убывает. К тому же Рейдж изредка ставит мне под руку новые чашки, ножи, доски. Это невыносимо в той же степени, что и молчание.

Не вру, он молчит. Единственное, что произнес — это ответ на мой скромный вопрос.

— А Вы умеете готовить?

— Да.

Замечательный диалог. Многогранный. Развернутый. Увлекательный! Впрочем, у нас все разговоры такие.

Вы знаете, это идентично тому, что ты болтаешь с голубем, который курлычет, чем вводит тебя в большее заблуждение.

И я даже не удивилась, когда этот псих принялся нарезать мясо, помогая себе прозрачным одноразовым пакетом: положил его на продукт, чтобы не прикасаться перчаткой. Он определенно не в норме, а выглядит так, будто все зашибись. Стоит, красивый, ровно. Ловко обращается с утварью, без Гугла варит кашу и компот, колбасу разделяет на идеально тонкие слайсы. Все без труда, будто поварские курсы проходил.

У меня от его присутствия и страх, и трепет. Но больше чувств вызывает резко осознание, которое я неосторожно роняю вслух, спустя полтора часа тишины.

— После завтрака опять намыывать столько же...

Я и представить не могла, что от тарелок так больно быть может. Все зудит, обида кроет. Это незаслуженно, и я тут вообще не для подобного. А от принятия того, что я и за Синчем прибираюсь, мерзко. Он жрет, облизывает вилку, а я ее оттираю. Отвратительно. Возможно, мне стоит обтереть один из столовых ножей крысиным ядом, а потом с улыбкой устроить сервировку стола лысого капитана. Этакий личный сервис для вышестоящих лиц.

Рейдж думает: по глазам вижу. Скидывает с пластмассовой доски сырую говядину, на дно огромной специальной сковороды. Берется за лук и вдруг спокойно произносит:

— Я съезжу в магазин, когда все поедят. Заберу пакеты с грязной посудой, выкину на свалку, куплю два комплекта новой: кроме кастрюль и приборов. Увидят, что свежие, поймут. Тарелки белые, так что незаметно.

Купит сотни чашек? Я не ослышалась? Рот разеваю в шоке и таращусь на профиль, скрытый балаклавой. Почему для мужчины это так просто? И откуда такая гениальность? Он инструктирует:

— Днем и вечером ничем помочь не смогу. Полковник тебе задание выдал и недоволен будет, что я вписался. Парни к тебе напроятся — их не пускай, по той же причине. Неправильно это, — ему не нравится сложившаяся ситуация, что читается в складке между бровей, — И у меня работа будет в администрации, так что без вариантов. После всего этого дерьма трогать тебя не буду сутки: спи, отдыхай.

Надо же, мы подобрили. Что случилось? Где же команда пробежать двести кругов под ливнем? Я жую губу, нервно обмозговывая информацию. Наконец шепчу:

— Спасибо, но мне... стыдно.

Он коротко мотает головой, предпочитая немой ответ. Парни утверждают, что я ему симпатична. Логично и нелогично. Он пришел помогать по чистому желанию, но общаться отказывается. Когда тебе кто-то нравится, ты стремишься сблизиться. Рейджу это никогда не было нужно. Он лишь отталкивает, а потому я запутана.

Мужчина помешивает кашу половником, а я собираю ножи в кучу, сжимая их в ладони, и наливаю на лезвия обилие средства, отмывая прилипшую пищу.

— Татуировки на мужчинах, — неожиданно затевает, счищая шелуху с лука, — Тебя привлекают?

Он заболел? Запишу это в список: «Топ пять непредсказуемых тем». Рейдж на меня не смотрит, и я тоже стараюсь не смотреть: чтобы смущение не выдать.

— У Вас есть татуировки? — аккуратно произношу.

Я в курсе, что да, но хочется услышать это от него. Однако мужчина чеканит:

— При чем тут я? Мы говорим в целом, отстраненно, без перехода на личное, Ривер.

Я ежусь от злобного шлейфа, окутывающего с ног до головы. Неудачная попытка.

— Не размышляла об этом, — потираю нос запястьем, — Смотря какие. Если что-то странное, то нет.

Он метает на меня быстрый изучающий взгляд, а следом и вовсе секундно отворачивается. Что, у него волки по всему телу набиты?

— Странные — это какие? — продолжает в сомнениях.

— Это типа перекошенная морда тигра на всю спину. Или купола, — медленно жму плечами, — Или... ну... член?

Капитан вскидывает брови, а я прячусь за волосами, которые выбились из хвоста уже как час назад. Нормальное слово. Мне двадцать один год, ему... ему дохрена. Что такого? Но все равно алею. На этот раз Рейдж глядит на меня дольше, склонив голову, и уточняет с бархатистой усмешкой:

— Член, Ривер?

Я бесшумно выпускаю воздух из губ, страдальчески подгибая колени.

— Например. Я такого не видела, но, уверена, выглядело бы ужасно. У Вас же нет члена? Хватает секунды на то, чтобы понять, какую ересь я сморозила.

Меня моментально бьет током.

Черт! Зашейте мой гребаный рот! Я коченею, поворачивая голову к мужчине мини рывками. Он аж от овощей оторвался: опирается о стол руками и глаз с меня не сводит — ему опять весело. Отлично. Испанский стыд, но зато у него настроение поднялось.

— Я имею в виду...

— У меня есть член, Рив, — перебивает, издеваясь и наслаждаясь моим десятым слоем пота, — Но только один.

Я неловко прочищаю горло, наспех вырulingивая из положения.

— Эм... это тоже очень хорошо... в смысле... не нужно два, это лишние, достаточно одного рабочего, а не нарисованного...

Что, простите?

Почему становится только хуже?! Я превращаюсь в пепел от жара.

— Рабочего? — хмыкает, не вытаскивая из ямы, а раскапывая ее глубже, — Немного не понял тебя. Поясни, Рив.

Придираюсь.

Ему поистине забавно. Какое счастье. Я суечусь, нервно заикаясь:

— Чтобы он... выполнял все надлежащие функции... первоочередные и не первоочередные функции...

Да в чем моя чертова проблема?!

— Не первоочередные? Что для тебя второстепенно? — я чувствую его улыбку садиста, — Потому что если мы говорим о сексе, Ривер, то тут наши мнения не сойдутся, ведь для меня это важнее...

— Рейдж! — вскрикиваю, выпуская посуду из рук, роняя все в раковину, — Мне... мне надо отойти!

Я выключаю воду, снимаю перчатки, кидаю их на край раковины и шустро вышагиваю в темную столовую. Позади меня остается звук тихого бурления еды на плите. Не уверена, что сбежать было разрешено, но это слишком для того, чтобы продолжать. Мы с капитаном о сексе разговаривали? Да я ни с кем в жизни о таком не вела беседы! Ощущение, что он мою невинность разом содрал. Ненавижу: и его, за дерзость, и себя, за бурную реакцию.

Я не ханжа. Равнодушно отношусь к подобному, но Рейдж на личное перешел, и я не могу отдышаться. Хотя, заговори со мной о таком Кастор, я бы подразнила в абсолютно ослабленной форме. А с этим чертовым мужчиной... с ним все сложно.

Плюхаюсь на дальний подоконник, прислоняясь спиной к стене, а ноги вытягивая вдоль пластмассы. Справа окно большое: вдалеке виднеется парковка администрации. Слева зал со столами. Тут укромно. Конец помещения. И капитан за мной не пойдет. Посижу в спокойствии пару минут, оправлюсь, краску со щек сотру, и вернусь в нормальном виде — таково мое желание. Но до слуха доносится звук берцев по плитке. Конечно, он ведь не позволит мне пережить это в одиночестве.

Я прикрываю глаза и делаю глубокий выдох, когда мужчина встает рядом, обжигая своим теплом. Даже поворачиваться не рискну — мое лицо окажется прямо около его, простите, ширинок. Уж тут у меня ум появляется. Не хватало еще с дуру ткнуться носом в мужской пах.

— Мог бы взять тебя на руки и пересадить на стол, но ты и без того перенапряжена, — приглушенная хрипотца вводит в ступор, — Увидят нас вдвоем с улицы и доложат полковнику. Слезь и сядь на стол сама.

Мои легкие сжимаются, и я послушно следую указанию, подходя к предмету у стены. Подтягиваюсь на руках и располагаюсь, тут же опуская голову. Он не приближается: смотрит, стоя на расстоянии вытянутой руки. От того игривого настроения и след простыл. Я опираюсь запястьями в край поверхности и жую губу от стресса, снова оказываясь в той самой ловушке: не знаю чего от него ожидать. И ко мне поступает очередная странная вещь.

— Никогда не пойму твою взбалмошность касательно обычных тем.

О, да, он и на миг прикинуть не может, что я без опыта. Все его знакомые девушки раскрепощенные — он бы не стал водиться с кем-то, кто настолько наивен. Я — исключение. У Рейджа выбора нет.

Не буду же признаваться, что меня лишь ветер ласкал. Как-то позорно. Поэтому мямлю:

— Стеснение, наверное.

Он задумчиво кивает, что я уловила, мельком приподняв нос.

— Да. Я об этом.

Не все похабны, капитан. Не все гоняют в город на перепихон к рыжуге.

Я чуть морщусь от гадкого ощущения. Расплываюсь тут от него, а он несколько часов назад был в процессе разрядки. Это как мне себя не уважать нужно, чтобы к нему чувства питать?

Я устала. На дворе ночь непроглядная, а впереди целые сутки без нормального отдыха. И Рейдж... он поделился, что работать днем будет. Сейчас тоже на ногах. Я задираю голову и встречаюсь с пронзительными глазами, мерцающими на свете от фонаря, что лежит дорожкой справа от стола. Он не прекращал смотреть на меня? Почему? Раздумывает, как ему не повезло иметь такого солдата в отряде?

— Можно спросить?...

Рейдж, кажется, не удивлен. Набирает воздух, отчего грудная клетка расширяется, и нехотя соглашается. Будто для него это означает угодить в капкан по собственной воле.

— Спроси. Но отвечать не обещаю.

В какой-то мере это уже победа. Раньше мужчина бы наорал, а тут идет навстречу. Возможно, он до сих пор сохранил желание раскрыть свои карты? Воспринимает меня... той, которая в теории способна стать подругой? Не хочу в это погружаться. Больно.

— Вы мало спите... постоянно? И по сколько часов?...

Он, похоже, прикусывает внутреннюю сторону щеки. Отводит взгляд в сторону, предоставляя себе время на решение быть честным или послать на три буквы. И снова: в нем вспыхивают опасения. Я бы обняла его сейчас, если бы мы были в чуть более близких отношениях. В такие моменты сердце всегда рвется утешить.

— Постоянно, — в тоне сквозит подавленность, — Около четырех часов в день. Иногда получается пять.

«Получается». Это тропа к разгадке. Он бы хотел отдыхать так, как положено, но не выходит. У меня внутри колет от тревоги. Четыре часа — неадекватно мало. Так нельзя. Как он вообще держится? С ума сойти легко — не метафорическое выражение. Помню, как он подчеркнул, что привык к своему режиму. Но я поставлю все заработанные деньги на то, что приспособиться к этому — означает вечно пребывать в пытках.

— Еще один вопрос? — прошу шепотом.

Рейдж напрягается в теле, сводя брови. Что же у него случилось ужасного, раз он так боится открыться? Как сильна должна быть травма, чтобы оказаться в ней тотально запертым?

— Только один, Ривер, — проговаривает, и его голос душит сам себя.

— Вам снятся кошмары? В этом причина? — аккуратно проговариваю поскорее, пока он не передумал откровенничать.

И мужчина бормочет с тем же темпом, видимо, исходя из похожих соображений.

— Да. Столько, сколько я себя помню.

Боже. У меня слов нет. Это звучит нереально, из разряда фантастики. Ни одна ночь не протекает гладко? Он не преувеличивает? Я расширяю глаза и смыкаю зубы от переизбытка глубинного терзания, словно ножом органы исполосовали. Рейдж мнется, заводя руки за спину, скрепляя их там, чем демонстрирует натяжение в области бицепсов, и скомкано сообщает:

— Когда ты спала в моей кровати, и я лег к тебе... я тоже уснул. На три часа. Неосознанно. И мне не снилось плохое. Впервые. Проснулся от того, что ты ворочалась, а так бы... наверное, спал еще двое суток. Это было... было так, как должно быть — так я почувствовал. Но нельзя заикливаться на мире, Ривер, потому что мира не существует. Я ошибаюсь, когда начинаю надеяться.... Поэтому я тебя на дух не переносу. Ты заставляешь надеяться, — он жмурится, рвано мотая головой, и отрезает в привычной манере, закрывшись, натянув маску холода, по щелчку пальцев, — Еду помешивай. Я тебе напишу сообщения, когда выключать конфорки. У каждого блюда по-разному. Утром увидимся.

Рейдж резко разворачивается и через считанные секунды исчезает из помещения.

Что?

Что сейчас произошло?

Я без пульса. Без дыхания. Давлюсь смесью: тяжелой, почти невыносимой. Это придавливает грузом в двести кило. Ему было прекрасно со мной? Но это «прекрасно» принесло муки? Он погрузился в долгожданное умиротворение, а позже впал в угрызения за то, что посмел погрузиться? Я дала ему то, чего не хватало? Чего никогда-никогда не хватало?

Я бы бросилась за ним, несмотря на онемение в конечностях. Я бы потянула к себе. Я бы крепко обняла. Его речь — самое чуткое, что он когда-либо говорил. Самое пронзительное. Он хоть отдает себе в этом отчет? Сердце разрывается. Руки подрагивают. Рейдж превратился из стального мужчины в ранимого котенка, который чертовски запутан, которому требуется спасение. Фактически крикнул о том, как нуждается в помощи.

«Ты заставляешь надеяться».

«Поэтому я на дух тебя не переносу».

Нет, он не жестокий. Я заблуждалась, называя его бесчеловечным. Травмированный, напуганный, нежный — вот подходящее описание. На языке вертятся десятки возникших прозвищ. Капитан сочинил мне несколько, и вот у меня они тоже родились. «Мой милый», «Мой

мальчик», «Мой робкий». Однако мужчина доходчиво обозначил: он не позволит себе перейти выставленные границы.

Для этого есть я. Есть мое стремление преодолеть преграды.

Есть мои грезы.

Я получила от него несколько командных сообщений. В них не имелось и капли тепла: исключительно сухая инструкция. Вполне предсказуемо.

Утром я подогрела приготовленное под специальными лампами, выложила все в поддоны, поставила в начале раздачи тарелки и столовые приборы, после чего принялась ждать.

Кастор, Джастин и Рик пришли в шок, застав мое положение. Я быстро объяснила, что выполняю приказ полковника. Они разозлились и кинулись навязывать помощь. Рейдж выдвинул, что это обернется всем боком, так что пришлось отказаться.

Синч ухмыльнулся, выкинув:

— Наконец-то ты там, где тебе и место. Баба должна быть на кухне.

Я накладывала ему гречневую кашу и кое-как удержалась, чтобы не харкнуть в нее. Ничего не ответила. Незачем конфликты разводить: тем более О'Коннор был неподалеку. Он похвалил меня, прося положить в кашу дополнительный кусочек масла. К слову, в его тарелку я тоже плюнуть хотела.

Происходящее было настоящим унижением. Весь лысый отряд подкалывал и хохотал. Я разрывалась, бегая из стороны в сторону, чтобы успеть накормить каждого. Но мысли занимал Рейдж: всецело. И, когда он пришел, то окинул мои вымотанные глаза сочувствующим взглядом. Однако ничего не сказал.

Точно также поступил и позже. Тайком забирал несколько здоровых мусорных пакетов, а позже тайком привез новую посуду: такую же, от какой мы избавились. Я намывала вилки и ложки, пребывая в коматозном состоянии. И, получая коробки с магазина, куда съездил Рейдж, увидела, что в мужчине что-то отличается. Каким-то он вялым был, что несвойственно.

Я поблагодарила, услышав в ответ тишину, и села за столик. Положила щеку на сложенные руки. Одновременно отдыхала и пыталась не уснуть. Через полчаса почувствовала, что на грани: дернула себя, начав отжиматься, дабы не вырубиться.

Это день сурка. Все повторялось. На обед опять оскорбления Синча, а потом опять приборка помещения. Рейдж забрал очередную порцию грязной посуды, не затевая речей. И снова: выглядел еще слабее, чем утром. Хотя, мне ли судить? Я занималась вилками и ложками, как зомби. Периодически приседала, отгоняя сон.

К ужину не вынесла. Отключилась, сидя на подоконнике. Меня спасли ребята, которые заглянули спросить о самочувствии. Они разбудили, ведь до новой кормежки оставалось около двадцати минут. Я, как торпеда, подорвалась греть еду, а потом... Потом опять накладывать, опять внимать издевательству, опять мыть: только на этот раз всю посуду, ради правдоподобности. Я даже поскребла по тарелкам ножом, чтобы они были хоть чуть-чуть изжитыми, приблизиться к правде.

Освободилась в двенадцать ночи. Дожливый ветер омыл побледневшее лицо. Я еще не радовалась холоду так сильно, но в столовой было душновато, поэтому улица оказалась раем. Ребята куда-то пропали: я не обнаружила никого в комнате. Поплелась в ванную: смывать с себя всю грязь. Когда вылезла из душа и выключила воду, то за стенкой уже раздавались привычные разговоры. Я вышла, переодетая в домашнее, и сушила волосы полотенцем, желая свалиться в постель, но не тут то было. Парни ошарашили:

— У Рейджа грипп. Подхватил где-то. Встретили его, пока курили за общежитием. Он из больницы выходил: отказался в палате лежать. Взял медикаменты и домой пошел. Так что у тебя точно пару дней без тренировок.

Сон отменился: я собой не особо руководила. Натянула джинсы, накинула куртку и пошла проверить мужчину. Он ко мне пришел, помогал в столовой, так что я не могу остаться в стороне, когда плохо ему. Да, позавчера капитан прогнал меня, и я готова к тому, что он вовсе не откроет в этот раз. Но попытку совершить стоит.

Поэтому сейчас я стою здесь, у его дома, и мешкаю перед тем, как постучать. За шторами горит блеклый свет — скорее всего ночник. Это подтверждается, когда я все же решаюсь дать о себе знать. Рейдж открывает дверь. За его спиной, на прикроватной тумбочке, включена белая лампа, а так везде мрак. Я обнимаю себя руками, готовясь к грубостям, и бормочу, тупясь в землю:

— Вы заболели... отчасти по моей вине. Я знаю, что Вы не мой сосед, чтобы я Вас проведывала, но, возможно, Вы бы позволили...

Он вдруг берет меня за руку и тянет в дом, запирая дверь. Я неуклюже спотыкаюсь и впечатываюсь в худи с запахом мяты, чувствуя болезненный жар от мужского тела. Дыхание вновь перехватывает. Не обматерил. К себе пригласил, не пробуя бороться, как поступает обычно. В совокупности с тем, в чем капитан признался прошлой ночью, у меня едет крыша.

Медленно задираю голову. Он смотрит на меня с какой-то нуждой, будто действительно хотел, чтобы я тут была. Глаза абсолютно разбитые, хотя стоит ровно. Я почти уверена, что у него высокая температура, но Рейдж свою дрожь не показывает: прикидывается, что все в полном порядке. Это такая очевидная ложь... ему ежедневно лгать приходится. Не знаю какой метеорит упал на планету, но, кажется, в воздух просочилась нехилая доза радиации — иначе не объясню, почему в наших взаимоотношения произошел прогресс. Не объясню, почему через пару секунд, обдумав слова, он тихо хрипит то, что я не забуду до конца жизни.

— Останься. Выпей противовирусное. Надень мою кофту и поспи со мной, Рив... Пожалуйста.

Не приказ. Искренняя просьба. Впервые. И мужчина не подгоняет: устало поддерживает зрительный контакт, надеясь на согласие. Я молюсь на то, чтобы это не было чудным сном. Чтобы это было реальностью. Нашей с ним единой реальность. Так и есть: комната никак не изменилась. Если бы я находилась в ловушке сознания, то нашла бы отличия. Но где бы я не была: мой ответ одинаков.

— Останусь.

Его плечи опускаются в облегчении, и он вяло кивает, отшагивая к шкафу. Достает из стопки свежую серую кофту, и я закрываюсь в ванной, совершая нехитрые действия. Дом — так я себя чувствую в его вещах. Кто бы знал, что промозглая база «Эйприл» подарит мне тепло. Я не дурочка: в курсе, что завтра Рейдж переменится, испепелив трепет. Однако я пострадаю из-за этого позже. В данную минуту я отрицаю идею убивать и мучить себя размышлениями о будущем.

Сочувствующая часть меня входит в его положение и жалеет, а здравая часть меня подсказывает, что как бы он не был травмирован, это не дает ему право разрушать меня перепадами настроения.

Капитан протягивает пластинку таблеток: я достаю две штучки и запиваю их остывшим мятным чаем. Мне стеснительно залезать на кровать. Я ворочаюсь, прикрывая свои голые ноги, неловко натягивая одеяло, но мужчина намного смелее. Ложится чуть ниже и сгребает меня в охапку, тыкаясь лицом немного выше груди.

Это безвозвратно забрало мое бедное сердце.

Я все еще не думаю, что готова принять весь спектр чувств к Рейджу, ведь это похоронит меня заживо. Легче определить, что он мне симпатичен — на этом и остановиться. У нас не может быть чего-то серьезного, и я не должна забывать об этом факте. Но это чертовски сложно, когда он лежит вплотную, обнимая меня так, словно я — единственное, что ему когда-либо было нужно.

Понимаете, есть существенная разница между тем, чтобы хотеть чего-то и между тем, чтобы хотеть чего-то несбыточного. В случае с Рейджем, это всегда второе. Я могу мечтать сколько угодно, но в ответ получу лишь редкие моменты сближения, а потом снова лед.

Его стабильно крепкие руки сейчас ослабшие. Он обвивает меня ими, и, вероятно, совсем не волнуется, что я лежу боком на его левом предплечье. Ощущение, что какую бы неудобную позу мы не заняли, мужчине все равно будет комфортно, потому что я рядом.

До последнего не знаю куда деть свои руки. Обнять могу только за затылок, но мне страшно делать это без спроса: велик шанс вылететь за пределы дома, приземлившись лицом в торф.

— Рейдж, — шепчу, проверяя спит ли он.

Капитан лениво отрывает лицо от моего тела, приподнимая голову, смотря на меня снизу вверх, что воспринимается фантастическим зрелищем. Я вижу блеск его кожи в складке между бровей и на веках: он весь горит. И объятия перестают быть первостепенной задачей.

— Снимите маску, — выдвигаю дурость, — Серьезно. Жарко, балаклава только навредит, важно дышать нормально.

Он кладет висок на мою вытянутую руку, не сводя бредовых глаз, и тихо усмехается, безвредно:

— Мило, что ты приказываешь капитану.

Стоп... ну да, было похоже на команду. Я ворчу, переводя в шутку:

— Просто готовлюсь занять Ваше место через несколько лет. Тренируюсь.

Рейдж смеется: второй раз за время нашего знакомства. Глухо и искренне. Боже, мне снова необходим дефибриллятор. С ним когда-то бывало иначе? Он меня душит: то страхом, то нежностью. Я закусываю губу, наслаждаясь этим прекрасным беззаботным звуком, а мужчина, явно улыбаясь, помещает лицо обратно: буквально трется об меня, как кот, прежде чем затихнуть. Туда же шепчет, пробивая горячим дыханием и балаклаву, и кофту на мне.

— Пока плохо получается. Со временем научишься.

— Вы перевели тему, — напоминаю.

— Да, — хмыкает, — Я ведь капитан: могу вести диалог по своим правилам.

— Вы снова перевели тему.

Он вздыхает, не имея сил ругаться. К тому же я права: от балаклавы необходимо избавиться. Вот только как...

— Я сниму, если мы закроем твои глаза.

А? Если мы... что? Хмурюсь, стараясь смекнуть. Он планирует лишить меня зрения с помощью повязки? Какая интересная ночь выдается. А дальше? Скует руки и ноги? Ну, в конце-то концов я сама виновата, что пришла в этот дом...

— Ладно, да, хорошая идея, — шатко проговариваю.

Это не совсем то, что я имею в виду.

Начнем с того, что я не доверяю ему до такой степени. Я ему вообще не доверяю. Он буквально бесконечно выкидывает какие-то странности. Но если вариант только один, то я вынуждено соглашусь.

Рейдж поднимается, направляясь к тому же шкафу, а я робко сажусь, почесывая затылок. Он достает тканевую балаклавку, которая плотно прилегает к лицу, и располагается близко ко мне, сжимая ее в руках. Я кошусь на вещь, и мы молчим пару мгновений, прежде чем он бормочет с толикой сожаления во взгляде:

— Ты знаешь... я бы не хотел, чтобы все было так сложно. Я бы правда не хотел, Ривер.

Это завуалированное извинение, от которого бегут мурашки. Здесь у меня нет сомнений. Он правда сам мучается от себя же, и это заметно. Мне кошмарно жаль, до скрежета в груди. Я утешительно мотаю головой и заверяю:

— Все в порядке. Я принимаю это, без проблем.

Для достоверности ерзаю по матрасу, передвигаясь к мужчине, безмолвно прося одеть маску. Он тяжело выдыхает и складывает ее так, чтобы протащить мою голову через небольшое отверстие для глаз. Я приспосабливаюсь к темноте, пока он аккуратно поправляет вещь, убеждаясь, что мне ничего не пережимает. И этот подавленный, чистый голос полностью лишает ориентации в пространстве.

— Дело в твоих глазах. Они очень светлые. Я в них себя вижу. Не хочу себя видеть.

«Я не от других скрываюсь, а от себя».

Так он выразился про ношение маски. Теперь я понимаю лучше. Ему свое отражение неприятно или даже противно. Я смачиваю засуху в горле, выведывая без давления:

— Как Вы бреете бороду без зеркала? Или она у Вас не растет?...

— Растет, конечно, — грустно усмехается, — Каждое утро это перебороть пытаюсь у зеркала, когда себя привожу в нормальный вид. Но не получается.

Цепочка составляется с бешеной скоростью.

— Поэтому Вы приходите на завтрак поздно? Задерживаетесь у зеркала?

Рейдж убирает руки, и мне кажется, что я переборщила, но он, помедлив, шепчет:

— Да.

Я не смею расспрашивать дальше, ведь поток откровений зашкаливает. Он делится сам, понемногу, и у меня нет цели превратить эту ночь в допрос. Хотя неведения много. Он уродлив внешне? Весь в ожогах? Поэтому его от себя воротит? У него... отсутствует губа? Вырезана часть щеки? Жуткие картины заполняют воображение. Рейдж ведь огрызнулся на мои слова: «А вы под балаклавой красивый?». Может, по этой причине он нагрубил?

Я ничего не понимаю.

Мужчина тем временем снимает балаклаву: сужу по звукам. Кончики пальцев бьет током. Он будет со мной вот таким, настоящим. И мечтать не смела, а сейчас это свершается. Да, я его не увижу, и все же... это больше, чем я могла бы просить.

Дикое предвкушение накрывает все тело, а затем оно возрастает, что не представлялось возможным: до меня доносится звук липучек. Потому что Рейдж снимает перчатки.

Держите меня семеро.

Я еле контролирую порыв накинуться и притронуться. Рейдж это хорошо улавливает.

— Можешь касаться лица, но не рук, — предупреждает в некой уязвимости, — Пообещай, Ривер. Ты не будешь трогать руки и не снимешь повязку. Иначе я не смогу тебе доверять.

Он разрешил касаться лица?

Боже, это моя погибель. Я пропихиваю ком в горле и ответственно клянусь:

— Обещаю. Ни за что.

Он сразу утягивает нас в то же положение: примыкает к ключицам и обвивает талию. Ощущения, благодаря темноте, обостряются. Я терзаю укусами внутреннюю сторону щеки, лишаясь рассудка от того, что имею возможность контактировать с большими участками кожи. А приступить боюсь. Почувствовать что-то шокирующее или душераздирающее. Рейдж накрыл нас одеялом: ему холодно, но он, опять же, лихорадку не демонстрирует. Мои голые ноги напротив его ног в домашних брюках, и я точно знаю, что во сне они переплетутся. Даю себе короткую паузу и нерасторопно тяну руку к мужскому затылку.

Это было глобальной ошибкой, потому что я рехнулась с концами. По ночам размышляла о том, что он лысый, но нет. На затылке коротко, а выше... выше есть локоны: густые и донельзя шелковистые. Я ни разу таких мягких волос не трогала. Они идеально прямые, не выются. Это сравнится с чем-то внеземным. Мои пальцы действуют медленно, чтобы у Рейджа не сложилось впечатление, будто я его шупаю дотошно — но так оно и есть. Он дышит чуть чаще: то ли от болезни, то ли от касаний. Я тут уже от этого помешалась, а впереди еще область челюсти, носа, щек...

Помяните меня достойно, пожалуйста. Поднимите тост за то, что я умерла, познав тайну всего человечества.

— Какого они цвета? — тихо складываю скачущие буквы.

Рейдж мешкает, не переставая внюхиваться: он действительно втягивает мой запах, и я не понимаю, нравится ли ему.

— Аманда говорит, что они похожи на шоколад. Чуть темнее молочного, — благодаря отсутствию барьеров мужские выдохи ощущаются более близко, и это крутит внизу живота веревки.

Он не голубой. Брюнет. Прекрасная новость.

— Аманда?

— Та рыжая девушка, — тихая хрипотца ошарашивает, — Она не моя родственница, Ривер. Она парикмахер и... еще... педагог по рисованию. Я с ней не сплю. Только со шлюхами в одном заведении.

Я тотально сбита с толку.

И радость, и неприязнь — вместе. Зря на Аманду порчу мысленную нагоняла. Надо отозвать поскорее: не дай Бог долетит.

Рейдж берет уроки искусства? Для чего? Ему нравится это? Я бы могла учить его, если бы он захотел. Хотя он не говорил, что ходит туда для рисования. Может, только стричься.

— Спасибо, что поделились, — отвечаю что-то, включая мозг, — Я это ценю.

Он издает ничего не означающий звук: потихоньку засыпает, ведь и рассказ про Аманду был измотанным. Я постепенно, в безмерном волнении, перехожу пальцами к лицу. Идеально-выбритая кожа: тоже мягкая. Нет морщин. Нет неровностей. Выточенная челюсть. Пухлые губы — по ним я случайно прошла, глаза завязаны, это вышло не нарочно. Меня охватывает колючая сеть: у него нет изъянов, он скрывается по другой причине. Что-то психологическое, какой-то мощный блок — это не позволяет мужчине жить спокойно.

Он шепчет сквозь сон, практически неразборчиво:

— Опять это делаю.

Я перебираю его волосы и глажу рядом с виском, тихо-тихо уточняя:

— Что делаете?

Рейдж отвечает еще глуше: не властвует над собой, подстраиваясь под ласку моих пальцев.

— Мечтаю и надеюсь.

Глава 15

Все разрушилось или укрепилося: я не поняла точно. Нам было кошмарно плохо и хорошо одновременно.

Рейдж засыпает на моей груди, и я полагаю, что он погрузится в покой, но все совсем не так. В бессознательном состоянии мужчина больше не может контролировать свою дрожь: его начинает лихорадить с великой силой через полчаса.

Так продолжается всю ночь, в которую с него полностью слетела броня.

Я вымотана работой на кухне: бесконечно вырубаюсь. Но тряска капитана и тихие стоны боли будят. Потому я перестаю различать реальность, чему способствуют и завязанные глаза. Возможно, все это ненастоящее, и я сплю: никогда не узнаю. Сплошная путаница, в которую безрезультатно стараюсь внести баланс.

— Рейдж, мой хороший, пожалуйста, выпей еще таблетки от жара. Пожалуйста, мой милый, — нашептываю, примыкая к его уху.

Он в бреду. Слабо соображает. Колотится, сжимает ткань худи на моей спине, и тихо произносит:

— Как... как ты сказала? Скажи еще раз, Ласточка. Ты можешь сказать...

Этот слом стены, в котором я перестала использовать уважительную форму на «Вы»... не объясню, как так случилось. Просто когда вы лежите впитык, когда между вами столько чувств, рамки стираются.

— Мой хороший, мой милый, — повторяю, сама не ведая, что творю, это приступ отчаяния от его разбитости, — Возьми таблетку. Я бы помогла, но я не вижу, Рейдж, прости, мой ранимый, прости.

Он кивает, размазывая очередную порцию влаги со лба по кофте: я вся в его поту, но это не противно. Скорее мучительно. Не могу отследить время, окончательно растеряна своей беспомощностью перед болезнью и полной дезориентацией.

Высушенное жаром тело еле отстраняется от моего. Мужчина тянется к столу, где оставил медикаменты, и сбивчиво бормочет:

— Тебе нужна вода? Ты хочешь пить? — и следом вопрос, наполненный страхом, — Ты... ты не хочешь уйти?... Ты мне так нужна...

Мои внутренности обретают способность кувыраться и подпрыгивать: я максимально впитываю откровенность и наощупь касаюсь его предплечья. Заверяю без промедлений, чувствуя, как душа трескается:

— Я не уйду. Никуда не уйду. Я сказала, что останусь, и я останусь.

Он шумно сглатывает, роняя робкое, благодарное:

— Хорошо. Спасибо, Рив. А вода? Или еда? Я что-нибудь тебе разогрею: только скажи... ты со мной страдаешь, я хочу исправить...

Господи, он мне все сердце изранил.

— Только вода. И ложись ко мне обратно. Страдания нет. Ни в коем случае.

Я раздавлена. Хочу спать: невыносимо хочу. Вторые или третьи сутки без нормального отдыха. Все, как в дымке. Слово другое измерение. Конечности ватные. Меня тошнит и мутит.

Рейдж помогает привстать для глотка воды, а позже меняет наше положение, так как все затекло. Он ложится выше, подсказывает перевернуться на другой бок, и обнимает меня со спины: скрепляет предплечья вокруг тела. Примыкая горячей щекой к моей щеке. Касаться рук запрещено, поэтому берусь за локоть и вминаюсь в поддрагивающий торс плотнее. Все внутри желает обещать, и я не отказываю себе в прихоти:

— Это пройдет. Скоро станет легче.

Он отвечает самую безумную вещь:

— Мне сейчас легко так, как ни разу не было.

Не разбираю что это значит, списывая высказывание на побочный эффект температуры. Больше всего на свете в этот миг я мечтаю, чтобы его недуг прошел, ведь он протекает чрезмерно долго. Но загвоздка в том, что несчастье не имеет чувств, оно не устает. Устают только люди.

В агонии Рейдж также выпускает на волю то, что вгоняет меня в подозрения. Как если бы это было не бредом и бредом одновременно. Он глухо тараторит себе под нос:

— Ненавижу бесконечность, Ривер. Ненавижу бесконечность.

Это заставляет гладить горячее лицо напористее. Будто я стараюсь избавить мужчину от какого-то ужаса, который топчет легкие слишком долго. Я робко рискую разузнать:

— Бесконечность?

Но капитан не поясняет, так как не слышит. Мы засыпаем вновь. И вновь просыпаемся. Я не уверена, прошел час или сутки. Из-за повязки всегда ночь. Но, когда она снимается, я все равно не в себе. Потому что мы с Рейджем меняемся ролями.

Теперь моя очередь гореть.

Он оправляется к тому времени, как загибаюсь я. Кости ноют, кожу потряхивает, словно в крови недостаток наркотиков, ломка. Если я считала, что была убита раньше, это оплошность в подсчетах. Вот сейчас я поистине в хаосе.

Слышу его голос: уже более здоровый. Ощущаю, как гладит, как согревает, как безмерно беспокоится.

— Рив, сейчас, подожди, мы это наладим, гребаное дерьмо, за что тебе то такое дерьмо, — шипит и наспех стаскивает маску.

Я морщусь, тяжело дыша, отчего-то хныча, приспосабливаюсь к слабому свету. За шторами все белое: утро или день. Меня сажают, лелеют, дают таблетки с руки, убеждают запить. Я беспрекословно подчиняюсь, потому что это не то, в чем хочется застрять. Он кладет меня обратно и встает, хватая телефон со стола, куда-то звоня. Лицо скрыто за балаклавой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.